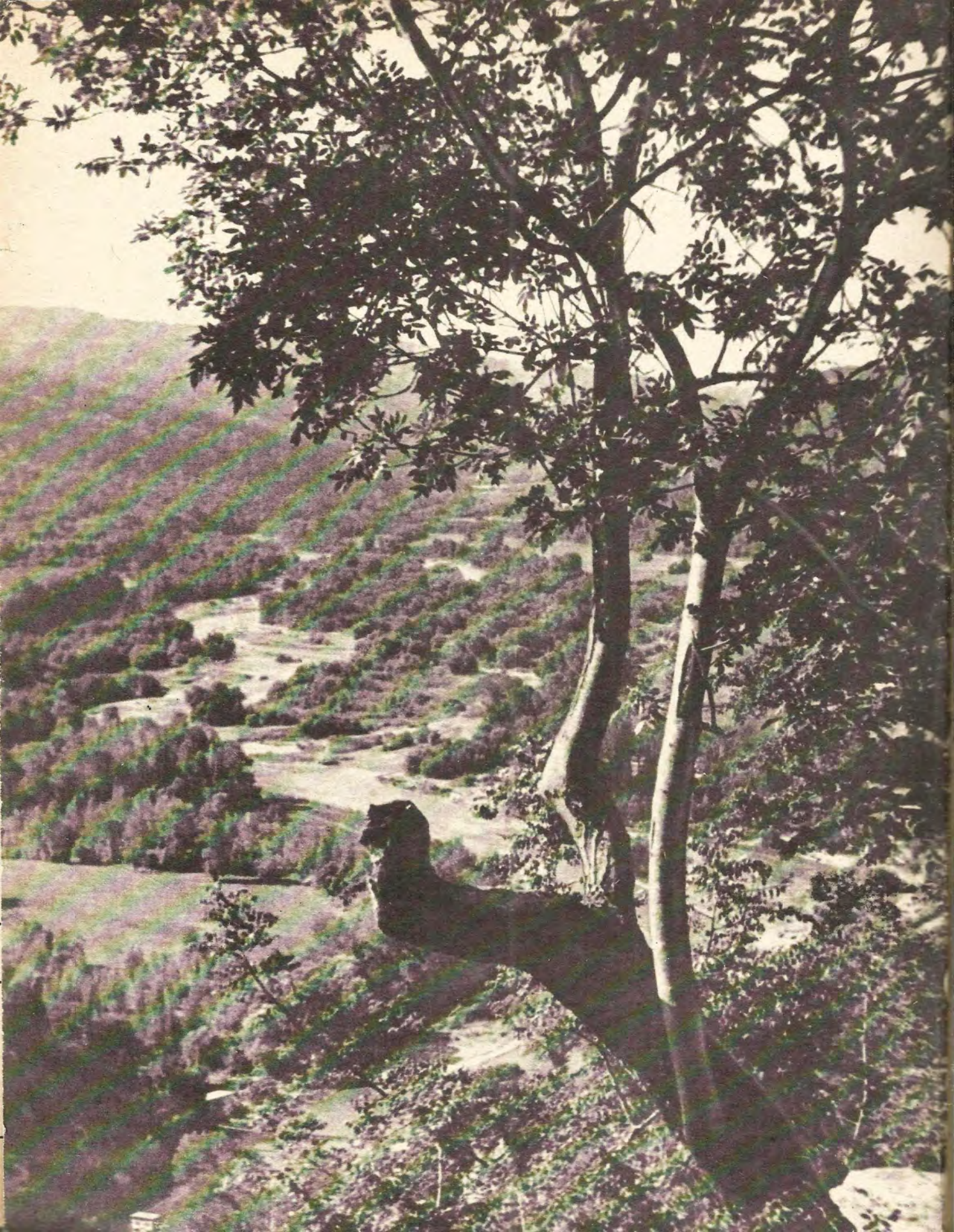




уральский

следопыт

№8**** 1974



в номере:

В. Веселов НОВИЧКИ В ПУСТЫНЕ	2
СЛЕДОПЫТСКАЯ ХРОНИКА	17
Л. Румянцев МОЙ МАСТЕР. Стихи	18
В. Пикуль САГА О ГИРОКОМПАСАХ	21
А. Щербаков НА КАМНЯХ ЛЕПЕСТОК СВЕЧИ	24
В. Сафонов ...В ВОЕНКОМАТ НЕ ПРИБЫЛ. Повесть	26
Ю. Рябов ЛЕТАЮЩИЙ ЗЕМЛЯК	41
А. Муратов НЕОБЫЧНАЯ ОПЕРАЦИЯ	42
А. Татаринцев ЖЕНЩИНА С ГЕРОЙСКИМ ДУХОМ	43
В. Хохлачев ЗАПОЛЯРНАЯ ПОМПЕЯ	46
Д. Биленкин ЗЕМНЫЕ ПРИМАНКИ. Повесть	50
В. Губин ПРОШЛЫЙ ВЕК В КОСМОСЕ	65
В. Пучков ЗАПИСКИ САНИТАРНОГО ВРАЧА	68
В. Андрюков ТОПОНИМИКА НА СЛУЖБЕ ГЕОЛОГИИ	75
А. Матвеев ДЕЛО О ЛЖЕЗЫРЯНАХ	76
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь),
Владимир ТРУСОВ.

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА.

Технический редактор
Элла МАКСИМОВА.

Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:
Индекс 620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефон 51-22-40

Рукописи не возвращаются,
Сдано в набор 26/IV 1974 г.
НС 20208.
Подписано к печати 13/VI 1974 г.
Бумага 84×108^{1/16}.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,3
Учетно-издательских
листов 10,6
Тираж 270 000
Заказ 246
Цена 30 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

1-я стр. обложки —
рис. Е. СТЕРЛИГОВОЙ.
2-я страница обложки —
фото И. ЧЕЛАПКО.

© Уральский следопыт, 1974 г.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДО-
ЖЕСТВЕННЫЙ НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ И
ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

№8 * 1974

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ





НОВИЧКИ В ПУСТЫНЕ

Вячеслав
ВЕСЕЛОВ

Рисунки
В. Сыскова

Глава первая

Друзья написали мне, что в первых числах апреля они едут на юг Таджикистана раскапывать могильники.

Я должен расценивать это письмо как приглашение присоединиться к экспедиции. Сокровищ, может статься, мы и не найдем, писали они, зато пообщаемся: давно ведь не виделись.

Я ответил, что подумаю.

Не валяй дурака, написали они, ты уже зачислен в экспедицию маршрутным рабочим.



Я им позвонил. Погодите, говорю, трудно сразу решиться, пустыня все-таки — жара, змеи, ядовитые пауки. Одних скорпионов пятьсот видов...

Не надейся, что все пятьсот укусят именно тебя, сказали они. Собирай чемоданы, хватит жить в каменных городах. Путешествия, сказали они, оздоравливают душу.

Одна из книг о Шлимане начинается с утверждения, что археология, эта наука заступа, остается чаще всего уделом специалистов и немногих любителей. К ним присоединяется еще горстка людей, которые из-за дождливого воскресенья идут в музей. Сюда, продолжает автор, можно причислить и туристов, которые, путешествуя, посещают музеи или даже места, где при раскопках были найдены памятники старины.

Никто из нас раньше не проявлял заметного интереса к археологии, а наше знакомство с эпохой, памятники которой нам предстояло раскапывать, трудно было назвать даже шапочным. После университета наши пути разошлись, и я виделся с друзьями лишь урывками, во время коротких наездов в Ленинград. Встретиться, поговорить — это я еще понимал. Но собираться всем в пустыне — это была отчаянная идея.

Я прилетел в Душанбе днем раньше своих друзей, а следующим утром — с гор дул ласковый ветер, небо было высоким и чистым — следующим утром, таким удивительно свежим, словно где-то рядом и вокруг меня били ледяные ключи, я встречал их. Я стоял в тени аэровокзала, а они, шурясь от солнца, шагали четвергом по бетонным плитам.

Впереди шел Олег. На нем была шляпа с лихо заломленными полями, клетчатая рубашка, какие носят канадские лесорубы, и вытертые до желтизны джинсы. Он шагал, ни на кого не глядя, очень прямой, очень уверенный в себе. Это был скваттер, пионер, открыватель новых земель.

Андрей был в плоской кепчонке и в той самой кожаной куртке, в какой я увидел его впервые десять лет назад, когда мы всем курсом уезжали на картошку. И как тогда, он держал в руках авоську, и в ней, похоже, и теперь ничего не было, кроме зубной щетки, полотенца да какой-то книжки.

Борис походил на дачника — весь в белом, неторопливый, мягкий, круглый. Я еле узнал его из-за огромной, чудовищно разросшейся бороды.

Позади, сгибаясь под тяжестью рюкзака, плелся Сережа. Он тоже был при бороде, но она ни в какое сравнение не шла с борисовыми зарослями.

Я сделал шаг навстречу, и они остановились. Вперед вышел Олег. Я думал, что он собирается произнести маленькую речь по случаю встречи старых друзей, но он спросил:

— Где тут книжный магазин?

Ну вот, подумал я, начинается.

— В городе много книжных киосков. Вы их легко найдете по вывеске «Китобхо», но они сейчас все закрыты.

— Какое здесь время? — спросил Сережа.

— Таджикское, — Андрей похлопал Сережу по рюкзачному горбу. — Я бы на твоём месте узнал сначала, где тут камера хранения.

— Здравствуйте! — крикнул я.

— Здравствуйте! — грянули они хором.

Мы обнялись и расцеловались.

— Где же остальные?

— Будут через пару дней, — сказал Андрей. — Знаешь, как всегда: кого-то нет, что-то не готово... А у нас уже билеты были на руках.

Заместителем начальника археологического отряда оказался парень лет двадцати пяти в тропической армейской панаме, в зеленой армейской рубашке, в шортах и с туго набитой полевой сумкой — Василий Степанович Лагунов. Вид у него был походный. Он и нас хотел видеть готовыми к путешествию.

В институте на ходу была одна машина, и завтра же она отправлялась на Памир, а на тех двух, что появятся позднее, за один рейс наше снаряжение и людей не увезти. С машинами сейчас трудно, начался полевой сезон. В общем, надо ехать.

Василий Степанович приглядывался к нам и тихо улыбался. Он сам взялся укладывать снаряжение в кузов, чтобы все было сделано как следует. Он гремел цинковыми флягами и говорил, что мы едем в Бешкентскую долину и что это одно из самых жарких мест в Таджикистане. Мы дружно отвечали, что жар костей не ломит. Тогда он спросил, бывал ли кто-нибудь из нас раньше в Средней Азии. Мы ответили, что нет, все мы здесь впервые.

Отъезд мы отметили посещением ресторана «Вахш», поэтому большая часть пути до Шаартуза прошла в легком полусне.

Некоторое время грузовик бойко бежал по асфальту, потом пошли ямы, рытвины, и, наконец, машина остановилась. Было уже совсем темно, глаза с трудом различали границу между небом и вершинами недалеких гор. Из степи несло прохладным ночным ветром, он тревожно метался в черных кустах и доносил до нас слабый плеск воды.

— Где мы? — спросил Сережа.

— Чильучорчашма.

— Простите?

— Чашма, — повторил Лагунов. — Источник. Вода в двух шагах. Утром все увидите. В реке полно рыбы, но не вздумайте ее ловить.

— Это еще почему? — спросил Олег.

— Священная рыба, — сказал шофер.

— Место до сих пор почитается. Не надо оскорблять чувств верующих.

— Хорошенькое дело, — сказал Андрей. — Завезли в пустыню, бросили, страху напустили. Почитаемое место... Что нам еще нельзя делать?

— Не покидайте лагерь.

— А куда мы собственно можем уйти?

— Давайте разгружать, — угрюмо сказал шофер. — Нам возвращаться надо.

Мы снова таскали ящики, бидоны, раскладушки. Очень внушительная получилась гора. Трудно было поверить, что все это мы привезли на одной машине. Василий Степанович знал свое дело.

Шофер развернул машину, и при свете фар мы принялись ставить палатку. Лагунов работал легко, быстро, без суеты, привычно. Скоро ночлег был готов, на раскладушках лежали спальные мешки, над входом в палатку висел фонарь «летучая мышь». Лагунов вытер лоб армейской панамой и стал прощаться.

— Утром поставьте большую палатку и перенесите в нее снаряжение. На случай дождя или афганца. Палатку возьмите старую. Ждите нас через пару дней, не скучайте.

— Ладно, — сказал Андрей. — Поезжайте, мы запасемся терпением.

Красный огонек попрыгал в темноте и исчез. Ноющий звук мотора еще был слышен за холмами, но скоро и он пропал. Стало совсем тихо.

— Черт, — сказал Борис. — Такое чувство, будто мы одни на этой земле.

— Хватит, — сказал Олег. — Полезли в палатку. Утро вечера мудренее.

Фонарь не работал. Мы по очереди трясли его, пока не утопили фитиль в керосине.

— У меня есть туристская свеча, — сказал Сережа. Он достал из рюкзака плоскую коробочку и чиркнул спичкой. Слабое пламя, поначалу дрожавшее от нашего дыхания, медленно разгорелось и вдруг веселым светом залило стол, стены палатки и наши лица. Олег улыбнулся и полез за сигаретами.

Я подумал, что больше всего, пожалуй, мы боимся темноты, и тут увидел за спиной Андрея паука. Черный паук с белым брюхом, совершенно не обращая внимания на наше присутствие, бежал по кровати. Что-то донельзя безобразное было в этой черной козявке и ее деловитом беге.

— Андрей! — крикнул я.

Андрей стремительно обернулся, сорвал с головы кепчонку и словно мухобойкой шлепнул ею по кровати. Он сбросил паука с постели и принялся исступленно топтать его ногами.

— Что это? — спросил Борис.

— Гад какой-то, — Андрей поморщился. — Каракурт.

— Прости, Андрей, ты уверен? Вот тут профессор пишет, — Сережа достал из кармана куртки книгу. — Вот: самка каракурта около одного сантиметра длины. Ее почти шарообразное плотное

черное брюшко имеет красноватые или беловатые пятна. Она ведет хищный образ жизни; самец небольшой и ведет вегетарианский образ жизни.

— Перестаньте, — сказал Борис с перекошенным лицом. Он помолчал. — У меня есть бутылка коньяка. Я хотел приберечь ее, да, кто знает, суждено ли нам еще встретиться.

— Конечно, давайте выпьем, — Андрей улыбнулся. — Здесь всякое может случиться. Жизнь в степи коротка и незаметна. А книжка и вправду забавная. Особенно интересно там написано про змей.

— Ну, Андрей, змеи... Гадость ведь.

— Профессор на этот счет другого мнения. Вот послушай, как он описывает детей гадюки: «Изящные, ярко раскрашенные змейки, лишь вчера появившиеся на свет, энергично сновали возле матери. Они были настолько красивы, что их невольно хотелось взять в руки».

— Не знаю, не знаю... Я бы ни за что не взял.

— Вообще змеи не так страшны, как многим кажется. Профессор утверждает, что они не нападают на человека и, если укус произошел, большая часть вины падает на пострадавшего.

— Странная книжка, — задумчиво произнес Олег. — Я купил ее в аэропорту. «Ядовитые животные». Ну, думаю, речь пойдет о том, как от них защищаться, как бороться с ними. Заглянул в конец. Там такие главы: «Враги змей», «Как защищаются змеи».

— Мне тоже показалось, что книга написана с позиции змей, — сказал Сережа. Он придвинулся к столу и взял книгу. — Продолжим чтение? Слушайте. — Принято считать, что змеи питают люстру ненависть к людям. На самом деле это совсем не так. Змеи питаются грызунами, птицами, насекомыми, птичьими яйцами, а человек им безразличен.

— Безразличен? — вяло спросил Борис. — И на том спасибо. А что там пишут про скорпионов?

Олег пролистал книжку:

— Про них здесь сказано коротко: укус скорпиона в жарких странах смертелен.

— Да-а... Незатейливый лаконизм.

— Для нас с вами это черный юмор.

— Самый большой юмор в том, что профессор посвятил книгу своей жене, — сказал Андрей.

— Там есть очаровательное место про пауков писуриде. — Сережа потянулся за книжкой. — Ты не возражаешь, Борис, если я прочту несколько строк?

— Возражаю самым решительным образом. Вы могли бы избрать другую тему для вечерних бесед. Я вздрагиваю от каждого шороха.

— Ладно, — сказал Андрей. — Поговорим о прекрасном. Но прежде я хочу лечь. Где у нас простыни?

— В одном из спальных мешков, — сказал я. — Там снаружи. Ты ведь не пойдешь их искать?

— Отчего же. Обязательно пойду.

— Только не заблудись,— сказал Олег.— Культурные запросы тебя погубят, Андрей. Одну ночь можно было обойтись и без простыней. Мы в пустыне.

— Что из того, что в пустыне. Мы должны оставаться людьми. Не надо делать уступок лени и потакать собственному разгильдяйству. Если бы я не боялся оступиться в темноте и утонуть в этой самой Чашме, то обязательно пошел бы чистить зубы.

Андрей еще что-то бубнил за стенами палатки, гремел складными стульями и, наконец, явился с простынями.

— Счастье, Борис, видишь ли...

Они продолжали спор, начатый еще, наверное, в Ленинграде. А-а, подумал я, запоздалый чеховизм, разговоры о счастье в степи, при свете мигалки...

Когда я проснулся, они уже разговаривали. Олег сидел поверх одеяла и курил.

— Горазд же ты спать,— сказал он.

— Я хотел послушать, но незаметно уснул.

— Не отчаивайся. Наши мудрецы все равно договорились до бессмысленности человеческого существования.

— Меня всю ночь мучили кошмары,— сказал Борис,— хотя я уснул с мыслью о счастье.

— Ничего страшного, ты просто увидел, какое оно счастье.

— Нет, это отголоски вчерашних разговоров о змеях.

Воды в Чашме было по пояс, но мы отдали ей должное. Никому из нас раньше не приходилось купаться в такую пору. Трудно было даже представить, что где-то сейчас идет снег и все наши реки лежат подо льдом.

Олег уже покрылся гусиной кожей, но не хотел вылезать из воды. Наконец и он вышел.

— Ну что, нагулял аппетит? — спросил Андрей.

— Нагулял. Я бы сейчас съел яичницу.

Олег растянулся на песке и закрыл глаза. Борис, изнуренный ночным бдением, дремал уже давно.

— Олег! Борис! Поднимайтесь, сони. Если вы думаете, что вас скоро позовут к столу, то вы ошибаетесь.

— Что я должен делать? — спросил Сережа.

— Добывать топливо.

— Топливо?

— Ну да. Колючки, сухие ветки.

Мы соорудили с Андреем очаг из камней, и скоро костер затрещал, разбрасывая искры. Я открыл консервы и вывалил гречневую кашу с тушенкой в кастрюлю. Жир зашипел, но каша не хотела развариваться. Андрей остервенело мял комки ложкой, подливал воды, а потом, пробор-

мотав «маслом каши не испортишь», бросил в кастрюлю брикет сливочного масла.

— Все равно его здесь негде хранить,— пояснил он.

Белая эмалированная кастрюля, совсем новая, с фабричным ярлыком на крышке, скоро закоптилась так, что стала походить на самую первую кастрюлю в мире.

Олег расставлял миски, Борис резал хлеб, а в двух шагах от них Сережа боролся с раскладным стулом. Это был единственный стул со спинкой, он, видимо, должен был удовлетворить Сережины притязания на комфорт, но хитроумная конструкция из металлических трубок и парусины оказалась нашему другу не по зубам. Сережа бросал стул на землю, бил его ногами, ухал, поднимал, растягивал на груди, отстегивал крючки, пристегивал крючки... Но стул не раскладывался.

— Борьба Давида с Голиафом,— заметил Андрей.— Как бы Сережа не надорвался. Помогите ему, не то он и стул изуродует и себя порешит.

Между тем запахло едой. Мы сняли кашу и поставили на огонь воду для чая.

— Я не буду вас кормить, пока вы не оденетесь,— сказал Андрей.— К столу принято являться в штанах.

Солнце было в зените, на горизонте синели горы, а посередине пустыни стоял стол, за которым восседали мои друзья.

Чаепитие уже кончилось. Сережа, прикрыв глаза ладонью, наблюдал за стервятниками — две большие бурые птицы парили над нами на неподвижных крыльях. Олег уронил голову на грудь, шляпа сползла на нос, из-под поля торчала сигарета. Борис читал позавчерашнюю газету.

— Как насчет небольшой прогулки? — спросил Андрей.— От него исходило сияние благодущия, он улыбался.— Посетим священный источник? Для расширения кругозора, а?

— Разумеется,— Олег указательным пальцем приподнял шляпу.— Надо же о чем-то домой писать.

— Я с вами,— Сережа торопливо поднялся.— Одну минуту. Я переоденусь.

— Идите,— сказал Борис поверх газеты.— Я лучше посплю.

Сережа сидел на солнышке и читал «Жизнь в лесу» Торо — самое, по-моему, подходящее чтение в пустыне. В руке у него была сухая метелка какого-то болотного растения. Время от времени Сережа отрывал глаза от книги, пристально рассматривал метелку, поворачивал, гладил ее задумчиво и снова принимался за чтение. (Однажды метелка пропала. Сережа долго искал ее, переворошил все в палатке, расстроился. Через несколько дней я увидел у него в руках новую метелку, точно такую, как прежде).

Сережу я в сущности не знал. Он поступил

в университет тремя годами позднее нас, неожиданно быстро сошелся с Андреем, стал вроде бы своим в нашем кругу, потом заболел, взял академический отпуск... Я долго его не видел. Он пришел к нам только на защиту дипломов — исхудавший, бледный, тихий. Словом, это было другое студенческое поколение, хотя я чувствовал, что Сережа мне ближе, чем те мальчишки, которые после нас заполнили наши аудитории.

Сейчас я приглядывался к нему и все старался понять, кого же напоминает мне он — сухонький, с бородачкой, в музейной панаме и в таких же старомодных очках. Потом я вспомнил: это был старый российский интеллигент из мужиков, из тех чудаковатых, не от мира сего мужиков, которые читают книжки, ездят на велосипеде и вечно что-нибудь изобретают.

Сережа поднял голову:

— Хочешь выпить?

— Выпить?

— Я хотел сказать, у меня есть клюквенный сок.

Он принес полиэтиленовую фляжку и два стакана. Сок был прохладный. Я отошел в тень и сделал глоток. На меня пахло родиной, севером, тенистым сырým лесом...

Подошел Олег.

— Давайте прикончим, пока бродить не начало.— Он допил сок из фляжки и вытер губы.— Хуже нет — ждать да догонять. Чует мое сердце, они сегодня не приедут.

Вечером машины не было. Не пришла она и утром. Ребята заметно начали скисать. Сережа вспомнил о каких-то «отравленных водоемах», а Борис все пытался выяснить, почему нам не сделали прививки.

Вечером, заглянув в ящик, где хранились продукты, я ничего в нем не обнаружил, кроме буханки хлеба и куска сыра. Количество еды, закупленное в Шартузе и поначалу казавшееся нам огромным, непостижимым образом исчезло. Призрак голодной смерти замаячил на горизонте.

— Побалуемся чайком,— бодро сказал я.

— Не могу я больше пить зеленый чай.— Андрей вздохнул.— Его ведь, чай-то этот, после плова пьют.

— Его пьют всегда. Помнишь продавца в Шартузе: чай попил — орел летаешь, чай не пьешь — дрова лежишь.

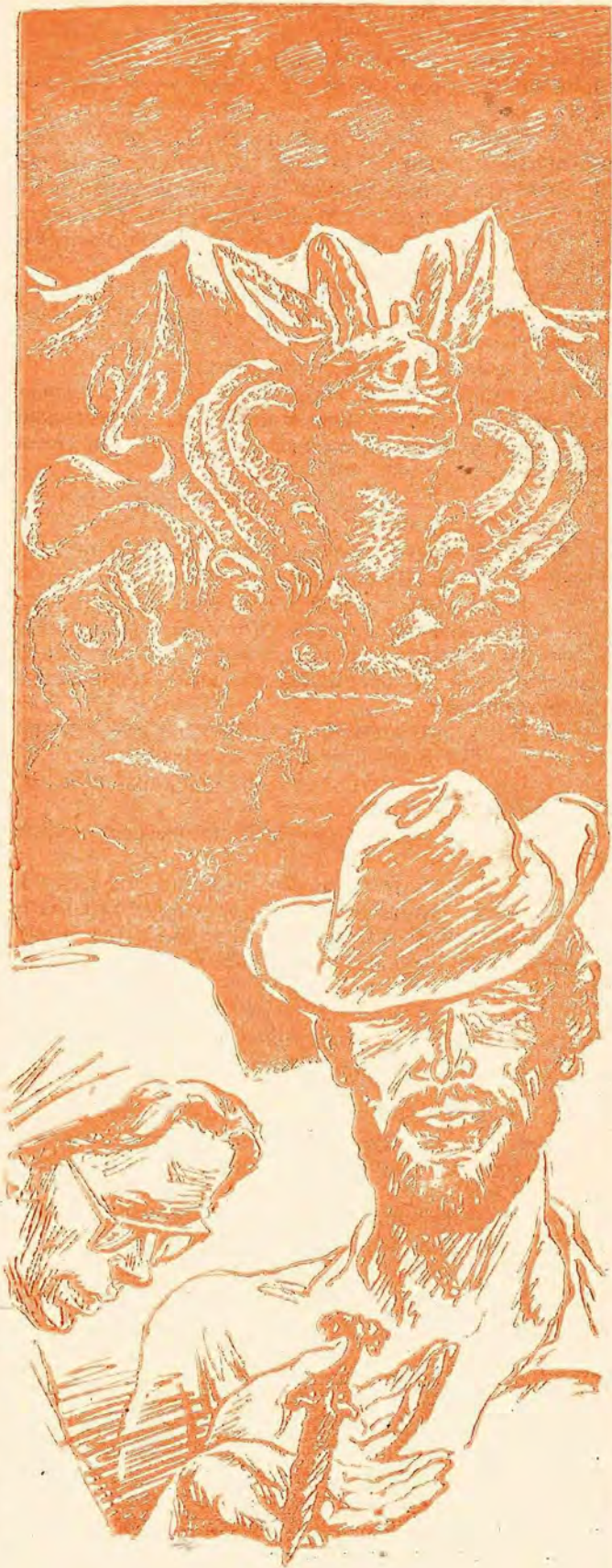
— Это фольклор сытых людей.

— У меня есть банка сгущенного молока и кофе,— сказал Сережа.

— Вот и хорошо,— оживился Олег.— Легкий ужин. Кофе и бутерброды. У нас же сыр остался.

— У меня еще конфеты есть,— сказал Сережа, покраснев.

К вечеру поднялся ветер, потом начал накрапывать дождь. Мы забрались в палатку. Под порох дождя я быстро задремал, и, засыпая, услышал шум мотора. Сначала я решил, что мне





это показалось, и действительно звук пропал, но потом возник с новой силой — веселое пение машины, преодолевшей подъем.

А машины — их было две — уже разворачивались. В первой, рядом с шофером, сидел Лагунов в неизменной своей армейской панаме. Он улыбался и махал нам полевой сумкой. С грохотом упал задний борт, и из кузова, как десанники, посыпались ребята в свитерах и штормовках, девочки-художницы осторожно передавали свои планшеты, а одна была даже с этюдником. Были два студента-практиканта в аккуратных курточках с эмблемами строительного отряда на рукавах. Кругами носилась овчарка по кличке Гек. Наконец из кузова показались невероятно длинные ноги в растоптанных кедах. Это был старший лаборант Александр Верченко.

— А-а,— сказал он.— Аборигены. Как дела? У Олега нашлись знакомые.

— Это Женька Пастухов,— кричал он, тыча пальцем в сторону плотного парня с веселыми, жуликоватыми глазами.— Мы с ним работали такелажниками в Эрмитаже. Вот ловкач, он и здесь успел.

Ребята ставили палатки, девочки разжигали огонь в очаге, молодые голоса и шум вокруг казались мне праздничными, но потом я услышал Лагунова.

— Утром мы с Алиной поедem искать место для лагеря,— говорил он Саше Верченко.— Где-нибудь поближе к раскопу. Вы после завтрака сложите снаряжение в машину. Что останется, приготовьте к погрузке.

Вид у Лагунова был озабоченный. Все, подумал я. Начинаются будни.

Глава вторая

Мы покидаем лагерь, такой обжитой и такой привычный, словно он всегда здесь стоял, словно мы всегда уезжали отсюда по утрам — палатки, белье на веревке, столы, затухающий очаг с бледной струйкой дыма. Повариха Таня уже не смотрит на нас. Она в раздумье стоит над столом: пора убирать посуду. Рядом вертится Гек, он проводил нас до моста через ручей и вернулся.

Пыльная дорога петляет среди колючих зарослей. Загон для овец, развалины кишлака, на мусульманской могиле шест с выгоревшими на солнце доскутками. Из-под колес взлетают хохластые степные жаворонки. Тощие лисицы лениво отбегают, останавливаются среди колючек и долго смотрят нам вслед. У них желто-серый, под цвет пустыни, мех, и они совсем не похожи на своих сестер из русских сказок. Машина сбавляет ход: на дороге отара. Пыль столбом, бляение овец, крики пастухов. Свирепые псы с лаем бросаются за нами, когда машина трогается.

Время и ветра сделали свое дело — курганы почти сравнялись с землей. Поначалу они казались нам беспорядочным скопищем замшелых камней, но теперь мы различаем среди колючек невысокие круглые насыпи и по рисунку выкладки научились находить могильные ограды.

Андрей с Борисом уже расшвыряли камни и взялись за лопаты, а мы с Олегом все еще оконтуриваем выкладку, ползаем на коленях, зачищаем камни. Нам не терпится копать.

— Энтузиазм новичков, — говорит лаборант Алина. — Посмотрите, какая интересная выкладка. — Они с художницей снимают план кургана. — Не спешите. После обеда уберем камни, сделаем горизонтальную зачистку. Выйдем на могилу, тогда и прирежемся.

«Выйдем на могилу», «прирежемся» — нам это уже не кажется тарабарщиной.

— У нас пустая могила, — говорит Андрей. — Самыми первыми археологами, видать, были грабители. Мы с Борисом начали второй курган. А вы все японские садики устраиваете, копуши?

— Вы роете, как вульгарные кладоискатели, — говорит Олег.

— А ты прикидываешься любителем археологии.

— У нас все по науке. Видите, какая интересная выкладка. — Алина при этих словах улыбается. — Я сегодня усну в предвкушении грядущих открытий.

Дорога в лагерь, пыль, те же жаворонки, те же лисы. Гремит под колесами дощатый настил моста через Чашму. Нас встречает Гек. Высунув язык, он бежит за машиной.

Купание, ужин. Незаметно наступает вечер. Небо играет, его краски прозрачны, слабы, летучи. Это тот переходный час, который отделяет день от вечера и, как утверждает Борис, имеет в некоторых языках специальное название. Воздух прозрачный, кажется, стены Аруктау придвинулись к самой границе лагеря. Как быстро здесь меняется освещение! Солнце скатилось за вершины гор, и теперь густо-синие, почти черные и плоские, как декорации, горы четко вырезаны на фоне неба. Над темнеющей землей повисает стрекот цикад. Может быть, это результат усиленного чтения Лема, но когда я слышу цикад, мне представляется таинственная ночная цивилизация крохотных металлических существ.

— Странно, — произносит Борис. — Пустыня, горы, цикады... Все впервые и — ничего, никаких эмоций. В нас, вероятно, есть какой-то сильный внутренний фон, который подавляет внешние картины.

— Да, — подхватывает Андрей. — Я тоже об этом подумал. Может, какое-то изначальное чувство горожанина, а может, опыт, который не позволяет нам искренне радоваться, всерьез воспринимать эти красоты.

— Изначальное чувство, — издевается Олег. —

Старики вы, скучными стали. Это не вы, это природа вами пренебрегает. — Он поводит плечами, делает глубокий вдох. — Да посмотрите вы... Совершенно сумасшедшая луна!

Андрея, конечно, легко поймать на слове: чего, мол, тебе тогда дома не сидится. Но я его понимаю. Он усвоил этот насмешливый тон из чувства самосохранения — опасался проглядеть, не увидит свое. Слишком острым, слишком заинтересованным было его отношение к тому, что мы называем пейзажами. Общедоступная красота его отталкивала. Он боялся шаблонных эмоций, лирических излияний, восторгов. Всюду ему мерещилась «литература». В самом деле, ведь захватанными бывают не только вещи, но и ландшафты, которые нам как будто и не принадлежат. Мне хочется увидеть землю так, сказал он однажды, как видели ее в те времена, когда она была еще новой.

Олег с Сережей разглядывают звездное небо. Говорят они тихо, голоса их едва слышны.

— Полярная звезда? — спрашивает Олег. — А чего ее искать. Видишь, как шпарит. Крайняя в Большой Медведице... А вот это Дракон. Поднял шею. Ты его, наверное, не видишь — это цепочка слабых звезд.

— Я шею не вижу, — смеется Сережа.

— Прямо над головой Большая Медведица. Ее-то, надеюсь, ты знаешь?

— Нашел, — отвечает Сережа. — Ковш с ручкой.

— Гомер увидел в рисунке звезд колесницу.

— У в и д е л?

— Так во всяком случае ему представлялось.

— Так ведь он все, что угодно, мог представить.

— Да нет, немцы, кстати, называли это созвездие «Большой телегой».

Странно звучат знакомые голоса в темноте. Короткий смешок, пауза, быстрый, взволнованный шепот Олега:

— Красноватая такая звезда, вот сюда, по крутой дуге из ручки ковша...

Надежды, которыми мы себя тешили, сбылись. Освобождая погребальную камеру от лесса, я наткнулся на горлышко глиняного кувшина. Вскоре показался темно-серый бок небольшого горлышка. Два сосуда!

— Сейчас мы всех поразим, — говорит Олег. — Первая находка! Шуточное ли дело.

— Алло, археологи! — над нами неожиданно вырастает Алина. — Не увлекайтесь. Оставьте все на месте. Надо заснять. — Она прыгает в яму. В руках у нее теша и щетки. — Спасибо. Переходите на девятый курган. Саша вам все объяснит. Захватите кирку.

К полудню, когда мы с Олегом вернулись в свой курган, там уже работала художница

Наташа, болезненного вида девушка, не снимавшая вязаной фуфайки даже в самую жару. По-моему, она вообще не замечала жары.

Камера была старательно вычищена. В ней на левом боку лежал скелет ребенка: кисть левой руки перед лицом, кисть правой — у левого локтя. Очень неудобное положение. На костях обеих рук были бронзовые браслеты, ядовито-зеленые, сильно изъеденные солями. В изголовье лежали кувшин и круглодонный горшок. Хотя сосуды покрывала пыль, было видно, что они подверглись только слабому, очень неравномерному обжигу. Горлышко кувшина было светлее и имело совсем другую окраску.

Итак, сегодня мы возвращаемся с находками. Алина бережно держит в руках керамику, у Олега на коленях деревянный лоток с костями.

— Поехал мальчонка, — весело говорит он.

— Так ведь девочка же, — замечает Сережа. — Браслеты на руках. Дочь кочевника.

— Девочка, мальчик... Не в этом дело. Первое путешествие на машине после трехтысячелетней лежки.

Сережа поворачивается к Саше Верченко.

— Ей действительно три тысячи лет?

— Да, пожалуй.

— Но ты, кажется, и сам в этом не очень уверен, — спрашивает Андрей.

— Конечно. Вот найдем сотню горшков, тогда и датировать можно будет точнее.

— Собственно, где мы копаем? Бешкентская долина, чьи это земли?

— Это Северная Бактрия. Она входила в одну из восточных сатрапий Ахеменидского государства. Но наши курганы — памятники другой эпохи, более ранней. Мы не знаем, существовали ли здесь тогда какие-нибудь формы государственности.

— А что мы знаем?

— Достоверно известно одно: вот по этой самой дороге, по которой мы с вами едем сейчас, три тысячи лет назад двигались орды кочевников. Можно также утверждать, что погребения, раскопанные в Бешкентской долине, например Тулхарский могильник, он, кстати, недалеко, и, вероятно, наши курганы — это первые памятники Бактрии доахеменидской эпохи.

— Кочевники, значит. Скотоводы, пастухи...

— Скорее всего. О развитии земледелия говорить не приходится. Едва ли здесь многое изменилось за три тысячи лет: те же камни, те же пески... Хотя, может, и были где-нибудь небольшие участки с сезонными посевами.

— Откуда они пришли?

— Полагают, что с севера. А вообще, трудно сказать. Фактических данных очень мало... Приходили, зимовали, уходили. В Бешкентской долине нет и следов поселений.

— Примитивная, видать, была культура. Откуда же такой интерес к ней?

— Интерес совершенно понятный. Во-первых, эти земли — центр одной из древнейших цивилизаций. Во-вторых, наши пастухи имеют самое непосредственное отношение к предыстории кушан. Появление их здесь было, очевидно, началом того движения кочевников, которое позднее привело к падению Греко-Бактрийского царства и образованию Кушанской империи... В истории наших кочевников много неясного, но то, что мы знаем о них, страшно интересно. Поражает, например, своеобразие погребального обряда: очаги в могилах, неизменная ориентировка скелетов на север, разница в характере захоронения взрослых и детей. Некоторые ученые находят объяснение этим особенностям в древнеиндийском погребальном ритуале. Они считают, что культура скотоводов Бешкентской долины во многих отношениях родственна культуре арьев. Ну, а арьи? Боже мой! С разговора о них начинаются почти все книги по истории Индии...

Со временем характер захоронений изменился: исчезли очаги, рисунок могил стал другим, появились незнакомые формы керамики... Наши скотоводы, видимо, были вытеснены другими племенами. Кто знает, быть может, они подались в Индию...

— Или... — Сережа делает круглые глаза. — Они-то и были арьями?.. Страшно подумать.

— Арьи принесли в Индию сведения о летательных аппаратах, — говорит Женька Пастухов.

Алина с улыбкой протягивает Пастухову свои находки.

— А что, — говорит Женька, — горшки как горшки. — Все смеются. — Да нет, я серьезно. В Ведах есть даже специальный термин для обозначения этих аппаратов. Агнихотра — корабль, который поднимается в небо.

Юра Теплов — постоянный свидетель всех споров — слушает молча. Красивый малый! Когда я впервые его увидел, то прежде всего с легким раздражением подумал, что такая красота совершенно излишня в пустыне. Впрочем, для Юры любой фон не мог считаться чересчур хорошим. Отрядные Адонисы Олег и шофер Лоик Тобаров, красивый броской южной красотой, заметно потускнели, как только в лагере появился Юра (он приехал двумя днями позднее основной группы).

Я плохо понимал, почему девушки так холодно, так подчеркнута равнодушны к Теплову. Я попытался представить себя в их шкуре. При виде Юры наши дамы, мне кажется, должны были испытывать нечто вроде острой тоски, его возмутительная красота способна была повергнуть в отчаяние, она не оставляла никаких надежд... Хотя кто их разберет. При желании эту красоту можно было найти рекламной, кукольной, сладкой, женственной — уж и не знаю, еще

какой? Что же, мягкий, застенчивый Юра мог и таким показаться. Наблюдательная Алина с ее насмешливым, неженским умом быстро окрестила его «девушкой на сборе винограда».

На лице Юры играет едва заметная улыбка, а взгляд — внимательный, изучающий. Я знаю, ему есть что сказать, но он предпочитает слушать. Юра моложе всех в отряде, и при его застенчивости эта разница в пять — семь лет — барьер почти непреодолимый.

Юра работает электромонтажником на Балтийском заводе. Археология — его хобби. Пятый год подряд он проводит свой отпуск в экспедициях: За это время можно было окончить университет, заметил я однажды.

— Зачем? — он немного смутился. — Мне нравится моя работа... А археологией я хочу заниматься в качестве любителя.

В семье у Юры все — корабли. Отец — бригадир сборщиков, оба старших брата — инженеры на том же Балтийском.

— Отец говорит: дурная овца... Он считает баловством эти мои путешествия. Когда, дескать, взрослеешь будешь: в школу мастеров не пошел, в институт вроде тоже не собираешься...

Рюкзак его набит книгами: Керам, Лот, Церен, наши — Окладников, Арциховский, Формозов, Монгайт, несколько выпусков «Материалы и исследования по археологии СССР». Юра показывает мне альбом. На плотных листах наклеены фотографии находок: керамика, оружие, украшения. Под снимками — тушью, аккуратным чертежным шрифтом надписи: что, где, когда, в какой экспедиции найдено. В специальной коробочке хранятся слайды.

— Целое богатство, — говорю я.

— Это лишь часть. Мне иногда звонят из института, просят принести, показать. Я люблю снимать.

Утро серенькое, прохладное. После часа работы я слышу отдаленный, ни на что не похожий нарастающий гул. Поднимаю голову. С юго-запада движется столб желтого дыма. Он все ближе, ближе, и скоро крутящийся песчаный вихрь обрушивается на нас. Что-то живое есть в этой перекрученной струе пыли. Аджина — так называют здесь песчаные смерчи. Аджина — это черт, колдун, маг, джин.

«...по дороге мчался в туче пыли Джин, Владыка Всех Пустынь. (Джины всегда путешествуют так, потому что они чародеи)».

Весь юго-запад уже затянут серой пеленой.

Ветер рвет порывами. Вокруг меня плещут фонтанчики песка, с раскопанных могил несет пыль.

Афганец!

Глазам больно, скрипит на зубах песок, трудно дышать. Но я ловлю себя на мысли, что дело

вовсе не в этих неудобствах. Что же я переживаю? Прячешь от ветра глаза, налегаешь на лопату и вдруг — пронзительное ощущение одиночества, словно ты один под этим небом, на этом ветру...

— Ничего удивительного, — говорит Олег. — функциональные расстройства психики. Гамлет вот тоже бесился при северо-западном ветре...

Олег горбится на ветру, отплеивается, его сигарета сыплет искрами. Мне не хочется ни курить, ни отдыхать. Я мечтаю сбежать, укрыться в четырех стенах, в палатке, на худой конец.

Мы обедаем в кузове машины. На раскопе безобразничает афганец, оглушительно хлопает над головой тент, летит в кузов песок.

— Экспедиция культивирует отвратительные привычки, — говорит Андрей. — Научаешься есть быстро и молча.

— Верно, — соглашается Сережа. — Теперь в приличном доме и не покажешься.

— У нас опять пустая могила, — вздыхает Борис. — Глаза бы не смотрели на эти курганы. — Ты рано устал, — говорит Олег.

— Нет, в самый раз. Устал, значит, живу, воображение требует впечатлений. Через неделю мы привыкнем рыть могилы, начнется быт... Тогда пиши пропало.

Я выглядываю из машины. Над пустыней висит желтая мгла, гор не разглядеть, свистит над древними могилами ветер. Песок, пыль...

Когда требовалось ехать в Шаартуз за продуктами, я первым изъявлял готовность. Такое добродетельство многим стало казаться подозрительным. И впрямь, что интересного могло быть в этих поездках, если сразу же после работы надо было опять куда-то ехать, таскать бумажные мешки с хлебом и консервами, снова трястись в машине, а потом ужинать в одиночестве. Андрей считал, что я предаюсь в городе каким-то тайным порокам. Олег с Сережей полагали, будто я в их отсутствие опустошаю единственный в Шаартузе книжный магазин. Была в них эта уверенность, что в маленьких городках обязательно найдутся те книги, какие им не довелось купить в Ленинграде. Они и в Бухару-то собирались после экспедиции только за тем, чтобы порыться там в книжных лавках.

Все объяснялось просто. Я давно мечтал постричься, но каждый раз моя затея заканчивалась ничем. В парикмахерской так медленно стригли и брили, так пространно и с таким жаром обсуждали какие-то не известные мне проблемы, что нечего было и думать дожидаться своей очереди.

Визит в парикмахерскую, как видно, был одним из ритуалов, неукоснительно соблюдаемых жителями Шаартуза. Входил человек, мастера бросали работу и шумно его привет-

ствовали. Здесь все знали друг друга. Вошедший пожимал руки, присаживался у стены или просто уходил. Да вот так: появлялся, обменивался рукопожатием и молча уходил — ритуальное действие. Когда сегодня я занял свое место у стены, вошел коренастый парень с бронзовой шеей борца. Он был само радушие — улыбался, энергично тряс всем руки. Мастера хором спросили: «Какое место?», парень ответил: «Призовое» и довольный покинул заведение.

Парикмахерская служила своего рода клубом, где можно было встретить знакомых, обсудить виды на урожай или последние новости. Она была таким же клубом, как и чайхана, разве что здесь не подавали чай да не было видно клеток с красноклювыми перепелками.

Все, решил я: не уйду, пока не постригусь.

Это была обыкновенная районная парикмахерская — обшарпанные стены, мутные зеркала, топорные тумбочки, термосы с горячей водой, которую кипятили тут же за ситцевым пологом. Транзисторный приемник, аккуратно перевязанный веревочкой, без устали гонял восточные мелодии.

Стены парикмахерской украшали плакаты. Один был спортивный — «От значка ГТО — к Олимпийским медалям», другой призывал страховать имущество: в комнате, тесно заставленной мебелью, сидела все та же забывчивая семья и рассматривала страховую полис. На третьем плакате можно было прочесть «Машрубот — душмани саломатист!» В переводе это значило: «Алкоголь — враг здоровья». Со стены на вас смотрел человек с лиловым носом и заплывшими глазками. Черты этого отекавшего от возлияний лица были явно славянские. Вообще, я заметил, что героями всех жутковатых картин (противопожарные плакаты, фотомонтажи ГАИ, антиалкогольные листки и т. п.) являлись отнюдь не уроженцы Шаартуза.

Мастеров было трое. Место в углу занимал томный красавец с лоснящимися пунцовыми щеками. Он-то и оказался любителем музыки. Когда в парикмахерской переставали звучать дутары, наш меломан подходил к приемнику и, держа бритву на отлете, начинал вертеть ручку настройки. Одарив клиентов новой порцией музыки, он возвращался в свой закуток, оклеенный фотографиями луноликих красавиц из индийских фильмов. Другой брадобрей был неказист — сухонький, рыжеватый, в рваном халате и пыльных калошах поверх ичиг.

Я попал к молодому, щегольски одетому мастеру — лаковые туфли, отутюженные брюки, сорочка в едва заметную полоску. Из-под свежего халата выглядывал узел пестрого галстука. Свои новенькие, блестящие инструменты парень аккуратно разложил перед зеркалом, да и сам

он тоже был весь новенький, свежий, опрятный. Держался он с достоинством и, как я заметил, реже других заговаривал с клиентами. Двигался он легко, его профессиональные жесты были подчеркнуто изящны, он точно любовался ими. Парень, должно быть, получил специальное образование, участвовал, наверное, в конкурсах «мастеров красоты» и, судя по всему, любил свое дело. Он представлял последнее поколение цирюльников, «новую волну», так сказать. Все молодые мастера, которых я встречал раньше, выглядели в парикмахерских людьми случайными. Скуку и отвращение читал я на их лицах. Своим видом они давали вам понять, что только обстоятельства помешали им стать полярными капитанами и летчиками-испытателями.

Парень укутал меня простыней и принялся взбивать мыльную пену.

— Постричь, — сказал я. — Коротко.

Парень поставил чашку на стол и что-то быстро сказал по-своему. Мастера и клиенты расхохотались.

Что я такого сказал? Мне вовсе не хотелось веселить кого-то.

— Постричь, — повторил я. — Длинные волосы — неудобно. Бани нет. Экспедиция. Могилы. Пыль и песок. Пустыня... Коротко, очень коротко.

Мастера бросили работу и заговорили все разом. Они перебивали друг друга, цокали языками, шелкали пальцами, закатывали глаза, качали головами, били себя в грудь. До меня долетели лишь отдельные слова: бриться... хорошо... жарко... все бреются... прохладно... хорошо...

— Гигиенично, — сказал мой мастер.

— Ладно, — сказал я, точно падая в пропасть. — Гигиенично, хорошо, прохладно, все бреются.

Парень смочил мне волосы и стал массировать кожу. Затаив дыхание я ждал, когда он начнет орудовать бритвой, но все-таки пропустил момент. Сырые пряди волос уже падали на простыню, я еще не чувствовал, что меня бреют. Бритва ходила где-то там, за моей головой, я слышал только ее легкий шорох. Потом в ход были пущены мази. Парень склонился над моей головой: короткие касания, поглаживания, шлепки, частая дробь. Пальцы его так и мелькали. Что-то похожее я видел в кино. Ага! Африканский музыкант. Игра на тамтаме. Мой череп и борода уже были чисто выскоблены, а парень все не мог успокоиться. Движение помазком, взмах бритвы, легкое глоссандо пальцев — не осталось ли где волоска? За своей спиной я ощущал тяжелое молчание очереди, но профессиональная добросовестность не позволяла парню вытолкать меня из кресла. Или здесь был замешан местный патриотизм: знай, мол, наших? Компресс, крем, одеколон. Последний штрих мастера, придающий произведению законченность и блеск.

Я поднялся. Череп мой отливал синевой и был гладким, как бильярдный шар.

— Благодарю вас,— сказал я.

Парень улыбнулся. Приятно в наше время видеть большого художника.

Позже, навеваясь в Шаартуз за продуктами или почтой, я иногда встречал на улицах своего мастера. Мы раскланивались, как старые знакомые.

Входная яма: камни, лёсс, снова камни. Олег бросает лом.

— Этому конца не будет. Пошли в гости. У меня сигареты кончились.

Борис работает на соседнем кургане. Его не видно, только изредка над землей появляются камни и летят по отвалу. Рядом сидит Лагунов с полевым дневником на коленях.

Мы останавливаемся у края ямы.

— Ты роешься, подземный крот?

— Роюсь, роюсь...— Борис выпрямляется.— Все камешки. Дурная бесконечность.

Он скрывается в яме и надолго замолкает.

— Что там у тебя?

— Очередной камень. Маленький подарок эпохи бронзы современному человечеству. А у вас что?

— Те же камни,— отвечает Олег.— Очень глубокая выходная яма. Нам скоро придется рыть с керосиновой лампой.

Борис выбирается из ямы, со стоном опускается на землю, вытирает полотенцем лицо. Мы закуриваем.

— Чертов курган,— говорит Олег.— Второй день ворочаем камни. Я работаю под Сизифа.

— Ты очень упростил его задачу.— Лагунов отрывается от блокнота.— Тот ведь вкатывал камень на гору.

— Так у него в запасе была вечность. А у меня только очередной отпуск.

На раскопе нас иногда посещают овцы. Вот и сейчас отара в тысячу голов с криками и бляением спускается с отрогов Бабатага. Впереди царственно выступают козлы с длинной, ниспадающей до земли шерстью. Их горделивая осанка, бороды, их молчание и мерная поступь являются собой резкий контраст разноголосому бляению и бессмысленной толкотне овец.

Пейзаж библейский: тысячелетние могилы, камни, пыль. И — овцы. Их древний, добротный запах будит воспоминания о хлеве, крове, очаге.

У молодых ягнят чистая шерсть и аккуратные лепные мордочки. Они совершенно беспомощны на своих неверных, спотыкающихся ногах, им трудно выбраться даже из самой неглубокой ямы. Лагунов встает, вытаскивает ягненка из ямы, ставит его на землю и легонько подталкивает.

— Как человеку не пришлось в голову держать

их в качестве комнатных животных,— говорит он.— Они такие красивые.

— Но ведь и агнцы стареют,— бросает Олег.— Будет просто овца с грязным курдюком.

— Ладно, все стареют... Но почему мясо? Ведь то, что они дают — молоко, шерсть,— этого достаточно.

Подходит Андрей. Двумя пальцами он брезгливо держит скорпиона.

— Что ты с ним сделал? — спрашивает Лагунов.

— Может, ты спросишь, что он со мной сделал? Чуть за ногу не цапнул. Задавил я его, вот что сделал, если тебе интересно.

— Не делай зла муравью, несущему зерно, ибо у него тоже только одна жизнь...

— Ты так считаешь?

— Это не я, это Фирдоуси так считает. Впрочем, я с ним согласен. Не надо убивать живое.

— Так там муравей, а здесь скорпион, гад.

— Ну и что. Все животные связаны друг с другом. Связи эти сложны, тонки, неясны, но они есть. Зачем нам нарушать естественные и, главное,—равновесные связи? По дороге сюда я читал газету. Что там пишут? Многие европейские реки превратились в сточные канавы. В Рейне вымерла почти вся рыба, там даже купаться запрещено. Мы много говорим о защите живой природы, но каждый в отдельности почему-то думает, что его это не касается. Ну, сломал ветку, ну, козявку раздавил. Мелочь, безделица, ерунда... Мы вчера с Сашей курганы осматривали, заехали к изыскателям. Земля вокруг буровой залита мазутом, трава без надобности вытоптана, кустарник изрублен. Сами сидят по уши в консервных банках, водку пьют...

— Надо перестраивать психологию отношения к природе. Тут же мораль рядом. Природа учит добру. Радость от общения с ней — это чистая, бескорыстная радость. Поэтому я не люблю ни охотников, ни рыбаков... Сережа дал мне почитать «Жизнь в лесу». Торо пишет, что когда к нему на плечо уселся воробей, он почувствовал в этом более высокое отличие, чем любые эполеты. Природа добра...

Эта патетическая речь явилась для меня полной неожиданностью. Мы привыкли к армейскому жаргону, которым щеголял Лагунов и который он не мог, да, видимо, и не хотел забыть. Все эти «разговорчики», «никаких послаблений» выглядели странно в устах человека, ступившего на академическую стезю, но они отвечали склонности Лагунова к порядку и дисциплине, а может, он считал их уместными в полевых условиях. Были еще канцелярские обороты («лица, замеченные в распитии спиртных напитков») да затасканные выражения обиходной мудрости («лень — мать всех пороков»). Вот и все.

Иногда Лагунов уединялся с Алиной и Сашей, и они вели долгие беседы, но это были дело-

вые беседы. И сам он был «сплошное дело», как выразился Андрей — положительный, пресный, немного зануда. Все призывал к порядку и аккуратности, требовал переставить колышки и вычистить канавки вокруг палаток. Для нашего же блага, говорил он. Мы это понимали. Но что с того? Мне кажется, в лагере вздыхали свободней, когда Лагунов уезжал по делам в Душанбе.

Но вот он заговорил о природе, и мне открылась та сторона его жизни, о которой я и не подозревал. Он не пересказывал, как Женька Пастухов, то, что знал или вычитал, он как будто и не доказывал ничего, а просто говорил о себе, о своем — он жил. Сидит в пыли и глине, на коленях ссадины и всегдашним своим ровным и бесцветным голосом говорит: не убивать живое.

Утром нас будит не петушиный крик, а истошные вопли ишака с соседней фермы. Заглушая монотонное воркование диких голубей, они далеко разносятся в предрассветном воздухе и, странное дело, совсем не раздражают меня, а заставляют думать о хороших легких ишака и его отменном здоровье. Если составить сравнительную таблицу интеллектуальных способностей животных, то ишаки, утверждает Сережа, окажутся впереди хитрецов вроде лисы и других признанных умников. Иногда на раскопе появляются кофейного цвета ослики. Когда подойдешь к ним с куском хлеба в руке, ослики доверчиво глядят на тебя красивыми, чуть грустными глазами. Сереже они напоминают умных мальчиков.

Сегодня воскресенье. Впереди — отдых, день без спешки и суеты, долгое, с разговорами чаепитие в тени складской палатки, большая стирка, купание, тихие беседы при свете костра.

Завтрак сегодня будет поздно, можно поваляться в постели, но я встаю. Ожидание праздника поднимает меня. Я радуюсь утренней свежести, первым солнечным лучам, воркованию горлинок, и голоса лягушек из пересыхающего ручья вовсе не кажутся мне печальными душами пьяниц и гуляк, как считал Торо. Я представляю эстрадных молодых, которые пробуют голоса, перед тем как выйти к микрофону.

Что-то есть от детства в этих ранних пробуждениях, в чувстве озноба, в запахе ягодного мыла... Память о пионерских лагерях.

Кусты тамариска с мелкими лиловыми цветами облеплены какими-то птицами. Головы, крылья и хвосты у них черные, а грудки — розовато-кремовые: манишка из-под черного фрака. Просто и изысканно. Птицы сидят неподвижно, не раскачиваются, не вертят головами. Они напоминают плотных господ, растегнувших после обеда свои фраки. Небольшая ослепительно синяя птица с красной грудью пытается удержаться на метелке камыша. Много других ярких

птиц. Майны, что ли? Сойки? Дрозды? Мне всегда бывает досадно, когда я вижу птиц, деревья, травы, цветы и не знаю, как их назвать. Как будто я сам чего-то лишил себя.

Над поверхностью ручья порхают желтые и сиреневые бабочки, бирюзовые стрекозы, так не похожие на наших. У самой воды черепаха жует травинку. Услыхала шаги, застыла, перестала жевать, втянула голову. Потом успокоилась, медленно сползла в ручей.

Черепаха вылезла из воды и, неловко раскидывая ноги, поползла в кусты. Плакали мои мечты. Теперь уж не будет у меня пепельницы из черепашого панциря.

Мы, кажется, идем по чужим следам. Так оно и есть — снова пустой курган! Чувство дурноты при виде очередной ограбленной могилы должно вроде бы стать привычным, но во мне подымается злость против грабителей. Они уверенно рыли лаз и точно выходили на погребальную камеру, а мы продвигаемся ощупью, внимательно осматривая каждый камень и просеивая каждую горсть песка.

— Привыкай к разочарованиям, — говорит Саша. — Такая работа.

По дороге в лагерь или за обедом мы много говорили о кочевниках. Я испытывал что-то похожее на сочувствие, когда думал о их трудной жизни и убогом быте, но облик древних скотоводов никак не складывался — они оставались бесплотными тенями. Сейчас я отчетливо вижу их грубые, заросшие физиономии, жадный блеск глаз, торопливые движения — кладоискатели! Мне кажется, я слышу их тяжелое дыхание. Всю картину, натурально, заливают лунный свет...

— Переходим на двенадцатый курган, — говорит Саша.

Он достает компас, мы тянем шнур через центр кургана, Сережа бежит за рейкой, Саша становится у нивелира.

Съемка закончена. Вырубам лопатами кусты, срезаем дерн, оконтуриваем каменную выкладку. Приходит художница, снимает план. Мы с Олегом вышвыриваем камни и беремся за лопаты.

— На штык, не глубже, — говорит Саша.

Углубляемся на штык, зачищаем площадку, зовем Сашу. Еще на штык. Так проходит день.

Утром снова зачистка. Можно уже различить очертания входной ямы. Ворочаем камни, скребем лопатой. Показался свод камеры, сейчас начнется расчистка погребения. Приходит Саша, а мы с Олегом собираем кирки и лопаты и отправляемся на новый курган. Теперь мы будем приходить сюда только во время перекуров: не показалось ли что?

Конец рабочего дня. С грохотом летят в кузов кирки, ломы, лопаты, кетмени. Снова долгая

дорога среди выгорающей травы, ныряния на ухабах, скрип песка, а за машиной белая стена прожаренной пыли, которую едва пробивают солнечные лучи. Напротив меня сидит Андрей. Бледно-голубые глаза, пушистые, припорошенные пылью ресницы — вылитая Мальвина.

В углу болтают Олег и Женька Пастухов.

— Примерно один процент всех галактик,— говорит Олег,— находится сейчас в стадии взрыва.

— Да,— небрежно кивает Пастухов.— В результате простеньких вычислений...

Вот оно: в результате простеньких вычислений! Это-то меня больше всего и поражало в Пастухове. Не его чудовищная память, а вот эта постоянная готовность ввязаться в любой разговор и говорить, не подавляя, не демонстрируя своей учености, а так, лениво, мимоходом.

Однажды они болтали о звездах. Незаметно речь перешла к телескопам, и тут Олег обронил фразу насчет оптической системы рыб. Это было его последнее увлечение, он усердно читал популярные книжки по биологии, которых сейчас выходит великое множество. Так вот, Олег повел речь о рыбах, и я думал, что Пастухов на сей раз помолчит, но он сказал:

— У черной корюшки диаметр глаза больше половины длины ее головы.

Он, как выяснилось, не только знал что-то про эту несчастную корюшку, но тут же начал толковать о сферических хрусталиках и глазных яблоках рыб. Кошмарный человек!

Сейчас они разговаривают о пульсарах, нейтрино, о дырах в космосе. Ладно, нынче все горазды почесать языки на космические темы. На раскопе они говорят о древних иранцах, зороастризме... Тоже понятно: где-то здесь, уверяют, на территории Северной Бактрии проповедовал Зороастр. Но корюшка...

В университете Пастухов занимался историей Афганистана, потом перешел на персидское отделение, потом его отчислили. За лень, сказал он. Время от времени Пастухов появлялся на восточном факультете, приносил какие-то справки, сдавал какие-то экзамены. Зимой он перебивался случайными занятиями, а летом катался с археологами. Такая жизнь его, по-видимому, устраивала, а если в экспедиции еще находился собеседник, говорун в роде Олега, Женька Пастухов был доволен вполне.

Они болтали целыми днями, на раскопе, за ужином и даже утром у ручья, с зубными щетками в руках. Однажды я видел, как Пастухов, стоя по колено в воде, читал на фарси Омара Хайяма.

Оба они, Олег и Женя, были пожирателями книг и читали даже ночью, при свете «летучей мыши». Из тьмы на огонь фонаря летели тучи насекомых, ползли фаланги, а друзья сидели за столом, почесываясь и паля сигареты.

Глава третья

— Если долго роешь, если долго надеешься,— говорит Саша,— обязательно найдешь. Вот смотрите...

Мы уже видим: изящный светло-коричневый грушевидный кувшин с узкой горловиной.

Когда мы снова навешаем Сашу, он показывает нам нож с длинным черенком и бронзовый кинжал. Хорошо виден скелет, возле черепа — серый приземистый горшок.

Подходит Андрей, лицо у него скучное.

— У вас опять ничего? — спрашивает Олег.— Снова пустая могила?

— Ну, пустая.. А вы-то чего веселитесь? Не понимаю, к чему этот ажиотаж вокруг двух бронзовых кинжалов. Не хватало еще золото найти.

Но сегодня мы, как говорится, обречены на успех: в хорошо сохранившихся зубах скелет держит монетку — плата за вход в страну предков. Собственно, это даже не монета, а кружок из листового золота, но, честное слово, так приятно держать в руках настоящий металл. Ведь от изъеденных солями бронзовых кинжалов по сути, дела ничего, кроме формы, не остается. Их и в руки-то страшно взять.

Вот он перед нами, древний кочевник, снаряженный в долгое путешествие к праотцам: кувшин, зеленый от окислов нож, в зубах — золотая пластинка. Шел к предкам — попал к потомкам, как выразился один археолог и поэт.

Саша складывает находки в ящик.

— Кости в отвал? — спрашивает он у Лагунова.

— Когда мы копали в Киргизии, начальник отряда требовал, чтобы кости собирали и складывали обратно в могилу

— Мы не зарывали.

— Хорошо, положи в отвал. Пусть лежат рядом с могилой. Так ему будет лучше.

— Е му? — спрашивает Олег.

— Ну да..— Лагунов улыбается.— Должна же существовать этика раскопок.

Вот пошли находки, и работать стало легче.

— Кирка в руках поет,— говорит Олег и с размаху вонзает кирку в землю. Перед нами очередная яма, плотно забитая камнями. Самые крупные поставлены по углам.

Что принесли нам последние дни? Полдюжины бронзовых булавок, браслеты, несколько ножей (они долго находились в работе и, видимо, очень ценились кочевниками — их клинки сточены до самых черенков), бусы из агата, лазурита, сердолика, три пластинки из золотой фольги, бронзовые подвески, золотая сережка в форме капли, лепные горшки, тонкостенные бокалы, кувшины простых и благородных форм и множество черепков. Фрагментированная керамика, как говорят археологи.

Саша для нас потерян на сегодняшний вечер. Никто ему сейчас не интересен, и все мешают, то есть, лучше сказать, никто не мешает, потому что Саша навряд ли что-нибудь видит, кроме черепков. Они с Алиной моют их в тазу, сортируют, зарисовывают, пишут этикетки, завертывают черепки в бумагу, надписывают пакеты, складывают их в ящик.

— Археологи — скучные люди, — говорит Андрей. — Они заняты тем, что сортируют пуговицы с одной дыркой, пуговицы с двумя дырками и пуговицы с тремя дырками. И, кроме того, пуговицы без одной дырки, пуговицы без двух дырок и пуговицы без трех дырок.

Алина смеется.

— Я знаю, кто это сказал. Дед хотел, чтобы я стала врачом, все толковал о положительном знании, а когда я заговаривала об истории, он неизменно цитировал эти слова. Дед может потому и любил Стриндберга, что тот занимался химией и интересовался медициной. Им очень увлекались в начале века. Для чего это я вам, филологам, рассказываю... Но вот что верно: с одной дыркой, с двумя... Это ведь приметы времени, по ним мы и датировем находки. То есть не только по ним, здесь все имеет значение — элемент орнамента, любой простенький узор, сделанный палочкой по сырой глине, сама глина, состав теста, характер примесей, особенности обжига...

Алина поправляет очки и наклоняется над тазом. Ходят под выгоревшей ковбойкой острые лопатки, подрагивают бантики на косичках.

Лагунов зовет Алину апа — старшая сестра, хотя та старше его только на 12 дней. Но когда время от времени они схватываются и у Алины вдруг кончаются доводы, она кричит Лагунову: «Поживи с мое!» Мне кажется, Василий Степанович неравнодушен к Алине, но робеет перед ее бойким, надменным умом.

Алина человек независимый, ироничный — истое дитя Ленинграда. Я хорошо представляю старую петербургскую квартиру на Литейном проспекте, где она выросла среди книг, выцветших дагерротипов и дедовых энтомологических коллекций.

В пятом классе Алина увлеклась историей (интерес уже тогда был целенаправленным — Египет), занималась в археологическом кружке, целыми днями пропадала в Эрмитаже. Придя с документами в университет, она обнаружила, что ее интересы и привязанности банальны: на Египет была мода. Алина стала иранистом.

Нас, кажется, начинают донимать галлюцинации. Вчера на раскопе Сережа услышал запах оладий. Весь день он изводил ребят расспросами: не ощущают ли они запах кухни.

— Мне приснилось, — рассказывает Олег, —

что с нами рассчитываются камнями. Но не это меня возмутило, беда в том, что три камня всякий раз оставались в остатке и их приходилось делить снова и снова. Я измаялся.

Мы набиваемся в машину. В углу, надвинув на глаза кепчонку, сидит Андрей с сигаретой в зубах. Лагунов перешагивает через скамьи и бормочет про табачище, которым мы себя отравляем, про свежий воздух, про то, как хорошо пахнет по утрам полынь.

— Свежий воздух! — взрывается Андрей. — Для курильщика все цветы пахнут табаком.

Про курильщика это он так, для красного словца — Андрей почти не курит. Но неужели и вправду начались психические расстройства?

— Пора уже, — говорит Олег. — Сдвиги по фазе... А ты что думал? Замкнутый коллектив, никакой тебе светской жизни, одна и та же работа, монотонность.

Мы застали Бешкентскую долину в пору цветения маков. Теперь маков не видно. Весна кончается, степь выгорает, нервы сдают.

Работаешь, забудешься, а потом увидишь кого-нибудь из друзей и словно очнешься. Так странно видеть здесь знакомые лица, ребята кажутся неожиданными, почти чужими. Вот Сережа. Остановился, замер, смотрит вдаль. Что он там разглядел? Согбенный Борис в грязно-белых одеждах размеренно поднимает и опускает кетмень — чисто дехканин на окучивании хлопчатника. Андрей на дальнем кургане ворощет камни, а рядом Олег зачищает площадку. Соло на совковой лопате. Ответственная партия.

Камни, солнце, зной. Дороги, по которым некогда пылили орды кочевников, те же выжженные горы, тот же зной, все так же скарабеи катают по степи навозные шарик.

Нет, это все-таки настрой. Мы вернулись в прошлое: работа, находки, Сашины лекции не выпускают нас из него. А настоящее рядом: пылит по дороге мотоцикл с хромированным бензобаком, чабаны в стеганых халатах и баскетбольных кедах гонят отару, в северном конце долины действует буровая установка, за отрогами Бабатага ревут реактивные самолеты. А на днях на раскопе была целая делегация. Искали место для центральной усадьбы совхоза. Скоро здесь будут выращивать хлопок.

«Бешкентская долина является одним из глухих и малоизвестных уголков южного Таджикистана» — так написано в книге, которую я взял у Саши Верченко. Глухих и малоизвестных... А книжке-то всего семь лет!

Последний день на раскопе, последние часы...

— Шабаш, — кричит Лагунов.

— Только во вкус вошел, — говорит Олег.

— Может, останешься? — спрашивает Лагунов. — В Ленинграде сейчас никого нет. Время разездов. Тоскливая пора.

— Это мы как-нибудь переживем.

— Вот и кончилась наша *partie de plaisir*, — с кошмарным прононсом произносит Андрей. — Как, Борис, мой выговор?

— Андрей неисправимый гурман, — смеется Алина. — Немного лопаты, немного французского.

Как изменились ребята! Андрей с кирпичным лицом, на котором резко выделяются бледно-голубые глаза (я лишь здесь заметил, какого они цвета), сильно усохший Борис, Олег с выгоревшими до белизны волосами и Сережа, еще более легкий, заросший, загоревший до черноты (Андрею он напоминает трепанга). Сидят в кузове девушки: пылающие щеки, запекшиеся губы, гладкая, туго обтягивающая скулы кожа.

Снова белая дорога. Теряется в пыли раскоп. Завтра сюда вернутся без нас.

Прощальный ужин, последняя наша общая трапеза.

Лоик Тобаров, наконец, управился со своим фирменным блюдом — принес казан и снял крышку, под которой томился плов. Его запах был неопиcуем, а вид золотистых россыпей риса, румяных кусочков баранины и янтарных капель жира на стенках котла мог возбудить настоящий гастрономический психоз.

Лоик поднял шумовку:

— Кому?

Над пустыней грянул веселый гром сдвигаемых мисок.

Лагунов произносит тост. Он говорит о тайнах истории, о красоте поиска, о трудностях полевой жизни, о нашем маленьком коллективе, о нас, уезжающих. По праву старшего он благодарит нас за труд, он говорит «спасибо» и не скрывается на похвалы.

Произносить тосты — значит, всегда прибавлять. Закон жанра. Но, странное дело, я не испытываю неловкости, слушая эти славословия. Я вспоминаю, как старался Сережа, как увлеченно работал Борис. У Олега обнаружилась замечательная способность к плотницкому ремеслу, и он перечинил в лагере все кирки и лопаты, а они часто ломались. Андрей, несмотря на привычку зубоскалить, едва ли не больше других переживал неудачи. Они работали с Лагуновым, и им долго не везло. Я помню, как он настаивал на раскопке «совсем пропавшего кургана» и как гордился потом ожерельем из лазурита, которое они там нашли. «Моя бижутерия», — говорил он, когда речь заходила о самых ценных находках.

— Наши успехи скромны, — Лагунов поворачивается к нам. — Но все, что вы нашли, вы нашли сами. Может, из-за этого и стоило взять в руки лопату... Кто остается только путешественником, узнает все из вторых рук и только наполовину.

Василий Степанович, как видно, времени даром не терял. В последние дни он шарит из Торо целыми страницами.

— Перестань вертеться, Сергей, — говорит Олег. — Дай поесть.

Но Сережа не слышит, приподнялся за столом, вытянул шею, глаза бегают... Ага, вон в чем дело: заметил, что у Лагунова нет ложки. Отдал свою, добрая душа. Лагунов не понял этого жеста и вернул ложку. Сережа снова положил ложку перед Лагуновым и отвернулся равнодушный: дескать, мне это ничего не стоит, дескать, кушайте на здоровье, Василий Степанович.

— Я вырос в Азии, — говорит Лагунов. — Здесь плов едят руками.

Сережа порывается что-то сказать, но докричаться до нас теперь трудно: застолье расстроилось, все говорят разом.

Но Сережа, видно, не успокоится, пока не скажет речь. Он возбужден, в его жестах и интонациях появилась какая-то лихость. Натруженной рукой он держит стакан, глаза его блестят, и весь его вид говорит, что вот он, мамкин сын, домосед, книжная душа, пирует в компании археологов, под южным небом, на широте Карфагена, черт возьми.

— Тихо! Вы можете помолчать? — Сережа поправляет очки, вертит в руках стакан и вдруг начинает с воодушевлением: — Как бывает? Приезжаешь, привыкаешь к людям, люди и места входят в твою жизнь, а потом ты уезжаешь, и все остается, как было, и жизнь продолжается без тебя. И всегда немного грустно. Но надо ездить. Долгое отсутствие проясняет устойчивые ценности. Да, да, да... Надо путешествовать, потому что, как говорит один старый автор, сидение на месте и медленная езда — это смерть и диавол... И я всех вас люблю.

— Наш-то путешественник, — начинает Олег, но его голос тонет в шуме рукоплесканий. Алина подбегает и целует Сережу в бороду.

Над темным кряжем Аруктау зажигается Вега. Завтра мы уезжаем.





Ежегодно в Кургане, около обелиска Победы открываются туристские слеты. Выступают ветераны гражданской и Отечественной войн, комсомольцы, спортсмены...

А затем — соревнования. На берегу озера или реки, в лесу команды соревнуются в знании топографических знаков, в искусстве ориентирования.

Как полотнище алого знамени, на ветру трепещет пламя большого костра — это, пожалуй, самый волнующий момент праздника.

Нынче по инициативе городского туристского клуба «Заря» и горкома комсомола Кургана проведен десятый туристский слет.

Фото

А. РЫЖКОВА



Там, в детстве...

**Геннадий
РАЙШЕВ**

Мои гравюры — не результат творческой поездки на Север. Это впечатления детства.

Родился я в деревне Сивохребт Ханты-Мансийского национального округа, потом учился в Сургуте, а потом — в Ленинграде, в педагогическом институте имени Герцена.

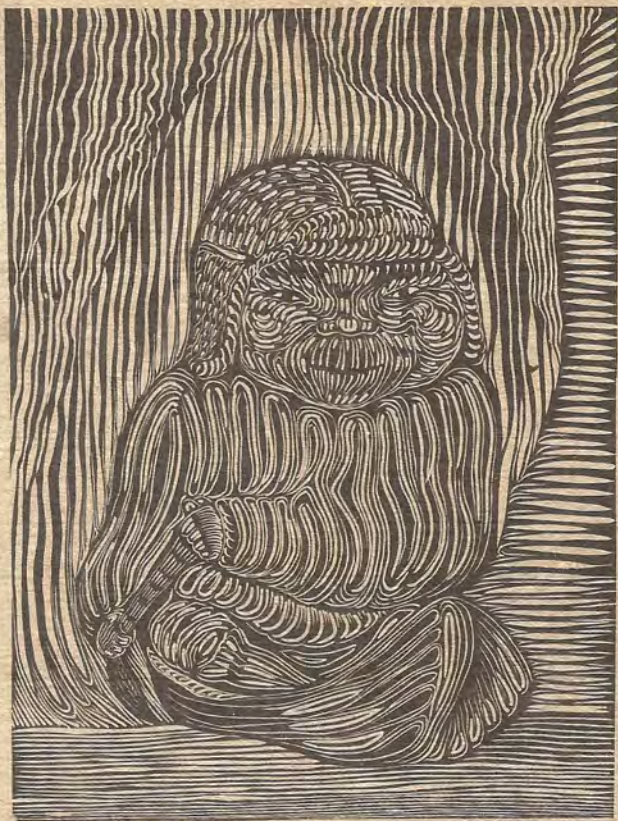
Сколько интересного, даже ошеломляющего, увидел, узнал. Но деревня и все, что окружало меня тогда, там, в детстве, осталось навсегда и яственно видится теперь: дома на высоком яру, кругом залитые водой луга. В такую воду можно ехать прямоком, а не кривулять по речкам; вот в это-то время и ехали к нам гости из урманных деревень. Выезжало по тихой воде сразу много лодочек: блестят весла, скользят лодки. Приехали к берегу. Перевернули лодочки, с веслами поднимаются в гору — и все к нам в дом. Тогда я и познакомился с Илюшками, Егорами, Ефремами...

Дома в Корноватике рублены из дерева, украшены резными изображениями предков. На берегу реки стояли раньше остроголовые идолы: эти уголья были рода Егора Большого.

Утро. Сдача рыбы



Из поворота из Малого Салыма выезжает Илюшка, для его, изба, в самом тупике, мало солнца, изба темная, особенно в зимние вечера. Но вот бежит Илюшка с пелюдой (инструмент такой), заиграет веселье наигрыши, наигрыши русские — и светло станет в избе. За это его все любили — и русские, и ханты. И когда набирали команду в стрежевой невод, его записывали на полный год, хоть он и не ахти какой работник, но без него и невод в невод не шла. Нужен веселый человек людям.

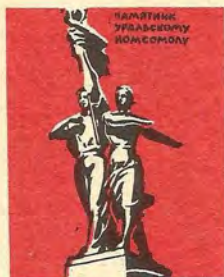


Егор Большой живет на большой реке. Путь его всегда долгий, дорога длинная, дума не длинная, не короткая: какая дорога — такая и дума. Его ум не петляет больше, чем река, и большая река не делает никогда круглых поворотов. Так Егор и живет широко и просто.



Старые рыбаки

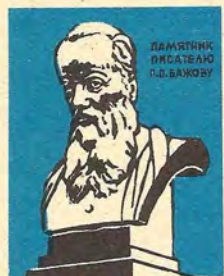
СВЕРДЛОВСК ТИРАЖОМ 66 МИЛЛИОНОВ



СВЕРДЛОВСК
ГЛАВАНСПИЧПРОМ СПИЧ. Ф-НА Г. ТУРИНСК
ГОСТ 1820-56* 60 ШТ. Ц. 1 НОП. 1966 г.



СПИЧ. Ф-НА Г. ТУРИНСК 60 ШТ.
ГОСТ 1820-56* Ц. 1 Н. 1974 г.



СВЕРДЛОВСК
ГЛАВАНСПИЧПРОМ СПИЧ. Ф-НА Г. ТУРИНСК
ГОСТ 1820-56* 60 ШТ. Ц. 1 НОП. 1966 г.



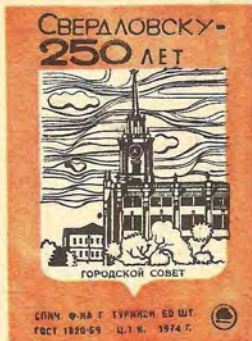
ГЛАВАНСПИЧПРОМ СПИЧ. Ф-НА Г. ТУРИНСК
ГОСТ 1820-56* 60 ШТ. Ц. 1 НОП. 1966 г.



СВЕРДЛОВСК
ГЛАВАНСПИЧПРОМ СПИЧ. Ф-НА Г. ТУРИНСК
ГОСТ 1820-56* 60 ШТ. Ц. 1 НОП. 1966 г.



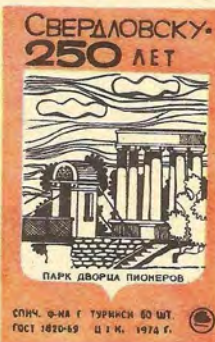
ГЛАВАНСПИЧПРОМ СПИЧ. Ф-НА Г. ТУРИНСК
ГОСТ 1820-56* 60 ШТ. Ц. 1 НОП. 1966 г.



СПИЧ. Ф-НА Г. ТУРИНСК 60 ШТ.
ГОСТ 1820-59* Ц. 1 Н. 1974 г.



СПИЧ. Ф-НА Г. ТУРИНСК 60 ШТ.
ГОСТ 1820-59* Ц. 1 Н. 1974 г.



СПИЧ. Ф-НА Г. ТУРИНСК 60 ШТ.
ГОСТ 1820-59 Ц. 1 Н. 1974 г.



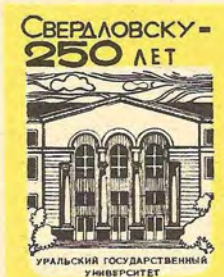
СПИЧ. Ф-НА Г. ТУРИНСК 60 ШТ.
ГОСТ 1820-59* Ц. 1 Н. 1974 г.



СПИЧ. Ф-НА Г. ТУРИНСК 60 ШТ.
ГОСТ 1820-59* Ц. 1 Н. 1974 г.



СВЕРДЛОВСК
ГЛАВАНСПИЧПРОМ СПИЧ. Ф-НА Г. ТУРИНСК
ГОСТ 1820-56* 60 ШТ. Ц. 1 НОП. 1966 г.



СПИЧ. Ф-НА Г. ТУРИНСК 60 ШТ.
ГОСТ 1820-59* Ц. 1 Н. 1974 г.



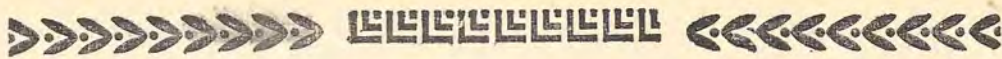
СВЕРДЛОВСКИЙ СИЧ СПИЧ. Ф-НА Г. ТУРИНСК

Спичечная фабрика в древнем уральском городе Туринске еще довольно молода по сравнению с другими такими же предприятиями страны — первая ее продукция была выпущена в 1951 году. Но она уже хорошо известна жителям Урала и Западной Сибири.

Этикетки, продукция фабрики, — эти маленькие плакатки — рассказывают о природе и народном хозяйстве страны, о выдающихся деятелях литературы, искусства и науки, о памятниках истории и культуры, учат технике безопасности на производстве, правилам движения, призывают к охране природы... Более 1500 сюжетов отображены на коробках туринских спичек за эти годы.

Среди них было немало и уральских. Выходили серии посвященные уральским линиям Аэрофлота — «Свердловск — Ленинград», «Свердловск — Москва», «Свердловск — Адлер», журналам — «Урал» и «Уральский следопыт», столбам-обелискам «Европа — Азия» и другие.

В прошлом году к 250-летию юбилею Свердловска вышло несколько серий, посвященных городу — его архитектуре, памятникам истории и культуры. Более 66 миллионов коробков с этими этикетками разошлись с тех пор по стране.



Уже не один год работает Ленинский музей 5-й ургенчской школы-интерната Узбекской ССР. Богаты экспонатами разделы: «Ленин и Хорезмская область «Ленин и искусство».

Недавно следопыты оформили еще одну экспозицию, в которой представлены воспоминания о работе над ролью и фотографии лучших актеров республики, создавших на сцене театров Узбекистана образ великого вождя.

Большая творческая дружба связывает организаторов школьного музея с филиалом Центрального музея В. И. Ленина в Ташкенте.



В коре толстой ржавчины стволы пулеметов и винтовок... На давнее оружие с волнением смотрят ветераны войны и пионеры...

6 лет следопыты Свердловского Дворца пионеров собирали материалы о 3-й гвардейской Волновахской стрелковой дивизии. Прошли весь ее боевой путь: Витебск — Волхов — Сталинград — Волноваха — Кенигсберг. Не только новые сведения о бойцах дивизии и оружие привезли в Свердловск. Идя по военным дорогам, они увидели сегодняшний день страны — могучие ГЭС, взметнувшиеся стройки, города.

Курино — древнее русское село в Кировской области. Оно возникло более четырех с половиной веков назад — в 1515 году. Следопыты школы-интерната вместе со своей учительницей Л. Кочкиной побывали у всех старожилов села и окружающих его деревень. И вот появился рукописный журнал «История села Курино». В нем рассказывается о том, что через село проходил тракт, по которому в 1826 году царская стража провезла в сибирскую ссылку декабристов — братьев Муравьевых, Розена и Аненкова.

Большой раздел этой своеобразной летописи посвящен годам становления Советской власти в Соболевской волости.

Много страниц летописи рассказывают о сегодняшнем дне села.



В Кордонской школе Кисертского района Пермской области работает кружок «Друзья леса». За юннатами закреплен участок, который они каждый год очищают от валежника и сухостоя и высаживают на нем молодые деревца.

Ребята постоянно ведут наблюдения за жизнью птиц, за их составом и численностью. Зимой они особенно заботятся о пернатых, устраивают птичьи столовые.

На берегу речки Сибирки ученики школы № 13 поселка Староуткинска Свердловской области обнаружили древний камень с надписью. То был не могильный памятник, а пограничный столб времен Ивана Грозного. Здесь проходил рубеж, отделявший Московию от Сибирского ханства.

Об этой находке рассказали юные следопыты на областной краеведческой конференции, которая состоялась нынче в Свердловске.



«Приамурье мое, ты частица России великой» — под таким девизом прошел смотр-конкурс школьных следопытских отрядов в городе Белогорске. Поискую работу юные краеведы вели по трем направлениям: «Листая страницы истории», «Мой край в пятилетке», «К тайнам природы».

Особо были отмечены три школы. Средняя школа № 11, следопыты которой собрали интересный материал по истории предприятий города, образцы продукции.

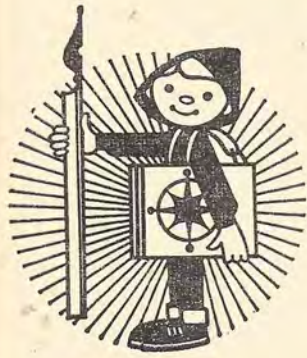
Краеведы школы № 2 работали над темой «Мой адрес — Советский Союз».

Следопыты школы № 4 были отмечены за поиски по истории гражданской и Великой Отечественной войн.



следопытская

хроника



МОЙ МАСТЕР

Лев
РУМЯНЦЕВ

Рисунки
В. Меринова



ЗИМОВЬЕ

Сединою, тонким инеем
Расписало всюду мох,
И — читай посланье зимнее
Хоть в строках, хоть между строк

Оступлюсь — ни имя-отчества,
Ни следочка не найти.
Зябко. Жутко. Но не хочется
Возвращаться с полпути.

Не за славою и кладами
Я по жизни прошагал.
Человеку много надо ли?
Сколько надо — я не знал.

В дали призрачные, синие
Всё манили кулики.
Сединою, тонким инеем,
Рано тронуло виски...

А трясина ходит зыбкая,
Шаг неверный стережет —
Ждет, не станет ли ошибкою
Мой последний поворот.

Тут никто не ходит издавна.
«Гиблый угол», — говорят.
Но меж кочек рдеют истоиво,
Соком ягоды горят.

На белёном мху заметнее
Их тугой, глубокий цвет.
Гиблый угол, а заветнее
Тут, в округе, места нет.

И куда-то делись тяготы,
И от встречи — сам не свой...
Клюква, северная ягода, —
Юность рядом с сединой.



Мох побелел и высох,
Дверь почернела у сруба.
Кто его ставил — неведомо,
Теперь не найти концов.
Бревен литая тяжесть
В землю вросла угрюмо,
И обещало защиту
Рукопожатье венцов.

...Славен обычай давнишний:
Когда покидаешь зимовье,
Оставь на заветной полке
Спички, соль, сухари.
Кому-то да пригодится,
Возьмет себе на здоровье,
Весь вечер с ожившей печкою
Молча проговорит.

...Кружит метель меж соснами,
Заносит дорогу к дому.
Дети взрослеют, уходят.
Ты им вослед посмотри.
Не думай о благодарности,
Радуйся, что другому
Каждый из них оставит
Спички, соль, сухари.



В пыли искристый верстачок,
И ветерок гудит над диском.
Сначала вспыхивает риска,
Затем граненый уголок.
И ловкость видится в руке,
И все как будто бы со вкусом —
Стекло затейливое к бусам
Рабочий точит на станке.
Его здесь мастером зовут,
Но говорит мне мастер грустно,
Что не великое искусство —
Одна стекляшка в пять минут...
Как так!! Ведь бусы нарахват,
Стекло в ходу, стекло в почете!..
А он твердит — в такой работе,



Наверно, сам я виноват,
когда-то чудился алмаз,
Рубин манил глубоким светом,
А он застрял на деле этом,
И мастер в мастере угас.
...Я думал: надо ободрить,
Возможно, он сгущает краски,
Что судит строго, судит наспех...
Но расхотелось говорить,
Я молча вышел.

Город жил
Разноголосо, разноцветно.
Мой мастер... Он остался где-то
И, губы сжав, стекло гранил.



Ни ветерочка, ни волны.
Закат над озером лиловый...
Какое счастье — нет войны,
Какое счастье — мы здоровы.

Все верно, что тут говорить,
И хлеб насущный и работа —
Все есть, и не могло не быть,
Все есть... И все же нет чего-то.

Чего!.. Я долго вдаль гляжу,
Где над водою ветви свисли.
Вот-вот, мне кажется, свяжу
Единой фразой ворох мыслей.

Но не дается простота,
Никак в слова не отольется...
Уже зеленая звезда
Упала в воду и смеется.

Над чем! Над тщетностью моей.
Моим каким-то непокоем!..
Свисают ветви тополей
Над проплывающей звездой,

Так тихо-тихо, так тепло,
А мне тревожно, я не властен
Забить, что где-то ходит зло,
Над кем-то тешится ненастье.

Эхо

Луч пробежал по россыпям камней,
Поблек вдали,
не находя опоры,
Взметнулся —
и низринулся ко мне,
Умноженный стократно,
вдоушевающий.



САГА О ГИРОКОМПАСАХ

Валентин
ПИКУЛЬ

Так уж случилось, что когда я убежал из дома «в юнги», мой отец, комиссар с Беломорской флотилии, уходил с кораблей на сушу — уходил добровольцем в окопы Сталинграда, чтобы уже никогда не вернуться домой. Мне было тогда 14 лет...

Я всю жизнь благодарен нашему флоту, который воспитал меня. Я благодарен эскадренным миноносцам, с высоких мостиков которых дальше видится в юности. Я начинаю петь хвалу гирокомпасам, без которых моя жизнь была бы совсем не та, что так удачно сложилась.

Война планирует жизнь человека по своим жестоким правилам. Эти правила, если вдуматься, всегда справедливы. Справедлива ведь даже смерть на поле брани, когда ты погибаешь за правое дело. Конечно, когда мы, мальчишки, собрались на Соловках, объединенные общим романтическим званием «юнги», мы тогда не думали о смерти, о геройской гибели в волнах. Дело прошлое, но, оглядываясь назад, начинаешь понимать, что к войне на море нас готовили хорошо!

Настолько хорошо, что я, изучивший специальность рулевого, приобрел в школе юнг первые теоретические навыки по обращению с гирокомпасами. Электронавигационные инструменты юнгам «читал» мичман Сайгин — скромный и тихий человек, с неизменной улыбкой в уголках губ. Вот этот мичман и стал моим змием-искусителем. Джек Баранов, мой сосед по кубрику и по классу, наверное, еще не забыл того дня, когда этот мичман перед нами, притихшими от удивления, раскрутил на столе волчок.

Это был обыкновенный детский волчок. Но за физическими повадками этой игрушки мне вдруг открылись целые миры, и теория гироскопа, скупая и черствая, вдруг расцвела такими яркими красками, словно передо мною кто-то распустил пышный павлиний хвост.

Я заболел, я просто заболел от восхищения!

Гироскопы, дающие кораблям курс, гироскопы, от работы которых зависит точность огня артиллерии и торпедного залпа, эти непостижимые гироскопы, работавшие по принципу волчка-гироскопа, стали моей судьбой. Про-

должая учиться на рулевого, я глубоко сожалел, что школа юнг не готовила в то время штурманских электриков. Но мичман Сайгин заметил мою страсть к электроприборам, и между нами наладилась дружба, какая бывает между мастером и подмастерьем. После занятий я приходил в его кабинет, где стояли гироскопы системы «Сперри» и «Аншютца», колдовал над ними, читал книжки и ПШС (Правила Штурманской Службы), сладко грезил, что буду аншютистом на стремительных кораблях, уходящих в лучезарное море...

Мне повезло: на собственном опыте я убедился, что нет такой мечты, которая бы не исполнилась. В этом смысле я — очень счастливый человек!

К концу занятий, когда мы уже готовились идти на боевые корабли, я стал в своем классе маленьким «мэтром» по электронавигационным инструментам. Если кто из ребят чего-либо не понимал, он обращался ко мне:

— Валька, расскажи о втором правиле гироскопа!

И я, радостный от волнения, лихо отдраковывал:

— Если к оси свободного гироскопа в рабочем состоянии приложить внешнюю силу, то ось его последует не в направлении приложенной силы, а в перпендикулярном направлении. Это свойство гироскопа называется «прецессией»...

Я сдал экзамены на одни пятерки, и мне, как отличнику боевой и политической подготовки, было предоставлено право выбора любого флота. Помню, как горько рыдал мой друг Джек Баранов — его определили на Волжскую военную флотилию, и ничего нельзя было поделать: у Джека были четверки.

А я выбрал Северный флот!

И вот уже сколько лет прошло, а я хвалю себя за этот выбор. Северный флот — это обширные боевые коммуникации, это широкое окно в мир. Я прибыл по месту назначения с тощеньким вещмешком, где самым ценным грузом были учебники по теории гироскопа, по электронавигационным приборам. Одна из этих книг прошла со мною через много огней и вод

и сейчас стоит у меня в библиотеке на почетном месте. На ее титуле надпись карандашом: «НЕ-ГАЗИН Михаил. Соловецкие острова» (был у нас такой юнга — Миша Негазин, где он сейчас — не знаю)...

Пятерки, заработанные мною на Соловках, сыграли свою роль и здесь, в полуэкипаже Северного флота, куда нас отправили для распределения по кораблям. Я мог выбрать любой класс кораблей, исключая подводные лодки, для службы на которых нас не готовили. Я выбрал эсминец, ибо на эсминцах начинал свою жизнь мой отец — начинал ее безграмотным деревенским парнем, масленщиком в машинных отсеках «новика», а я, его сын, заступал сразу на мостик новейшего и отличного эсминца, который носил торжественное имя — «ГРОЗНЫЙ».

Заранее оговариваюсь, что никаких подвигов я не совершил, хотя и попадал в различные переpleты, а писать о боевых действиях своего корабля не считаю нужным — о «Грозном» и его боевых походах можно прочесть в любой книге о Северном флоте.

Итак, я — рулевой... Качает зверски. Я держу в руках манипуляторы рулей. Передо мною в матовом голубом сиянии мягко вибрируют стрелки тахометров. Словно человеческое лицо, в потемках рубки желтеет круглое табло репитера. А передо мною откинут черный квадрат ходового окошка, и там — только ночь, только мрак, только свист ветра, только летят оттуда потоки ледяной воды...

Казалось бы, чего еще желать романтично настроенному мальчишке, которому в пятнадцать лет доверили во время войны вести в океане эсминец, лежащий на боевом курсе? А мальчишке-то надо совсем другое: с мостика эсминца, где жужжит лишь репитер гирокомпаса, он мечтает спуститься на днище эсминца, где работает — неустанно и архиточно! — сама матка (то есть сам гирокомпас).

Сознаюсь, что в таком деле, как вождение корабля, тоже нужна особая одаренность. Можно блестяще знать теорию, прекрасно изучить приборы управления, но корабль «слушаться» тебя не станет. Буду честен — «Грозный» плохо слушался меня, когда я руководил его движением, толкая манипуляторы рулей. А вот юнга Коля Ложкин (где он сейчас — тоже не знаю; отзовись, друг-Коля!), одновременно со мной прибывший на корабль, был прирожденным мастером своего дела. «Грозный» сразу же стал повиноваться юнге Коле Ложкину, но он не желал повиноваться Вале Пикулю...

В свободную минуту я спешил в гиropост с таким же трепетом, с каким пушкинский Скупой рыцарь спускался в подвал, наполненный драгоценностями. Гиropост «Грозного», размещенный на самом днище корабля, где уже слышно,

как вода обтекает корпус, этот боевой пост столь обильно насыщен техникой, что буквально негде ткнуть пальцем в переборку — обязательно попадешь в какой-нибудь датчик.

Здесь трудились ради победы два волшебных мага: старшина-аншютист Лебедев, бывший московский кондитер, и краснофлотец Васильев, работавший до войны электромонтером на Псковщине. Я смотрел на этих людей снизу вверх, и все, что они делали, мне казалось таким же непостижимым, как потом цирковые аттракционы иллюзиониста Кио.

Васильев сразу заподозрил во мне претендента на его должность, а старшина Лебедев, длинноногий и жилистый человек с усами, как бы перенял эстафетную палочку из рук мичмана Сайгина — моего первого наставника в гирокомпасах. Лебедев, добрая душа, учил меня, прямо скажем, жестоко — он требовал точных ответов, а теория тут же проверялась практикой: ведь гирокомпас всю войну гудел под током, и это была живая теплокровная техника, а не мертвая, как на Соловках, в кабинете электронavigационных инструментов. Лебедеву было уже за тридцать, я возле него казался сопляком, и старшина иногда даже держал меня за ухо:

— Сколько раз тебе талдычить, что чувствительный элемент, представляющий собой шар-гиросферу, получает питание через эбонито-графитные пояса и полярные шапки от токопроводящей жидкости из смеси глицерина... Отвечай, салажня паршивая: чем питаются обмотки статоров гироскопов?

— Они питаются, — отвечал я, — от мотора генератора трехфазовым током в сто двадцать вольт...

Коля Ложкин в это время делал большие успехи на мостике, а я подвизался внизу, одурманенный тайнами гирокомпаса, и это дошло до мостика — до горных высот корабельной власти. Меня вызвал в каюту штурман — старший лейтенант Присяжнюк.

— Слушай, Пикуль, — сказал он мне, — ты ведешь себя странно. Старшина рулевых Василий Сурядов уж на что неклеузный человек, но и тот жалуется на тебя...

— А что я сделал ему плохого?

— Плохого ты ему ничего не сделал, но ведь и хорошего от тебя тоже не видишь. Не пойму: вроде бы прислан ты для рулевой вахты, а старшина Лебедев говорит, что тебя кнутом из гиropоста не выжить... Объясни мне: что ты там потерял?

— Я ничего не потерял, товарищ старший лейтенант, я нашел там то, что мне интересно. Хотите верьте, хотите нет, — выпалил я с жаром, — но без гирокомпасов мне нет больше жизни!

— Пойдем, — сказал штурман, поднимаясь. По командирскому трапу мы поднялись из

коридора кают-компании в салон. Второй раз в жизни я стоял на пушистом ярко-красном ковре командирского салона, среди бронзовых канделябров и зеркал, вдыхая запах бархатных штор, обозревая небывалый для меня корабельный уют... Командир «Грозного», капитан 3-го ранга Андреев, указал на меня и спросил штурмана:

— Вот это он и есть?

Только сейчас я заметил, что здесь же находится и старшина Лебедев в чисто отстиранной робе, в старшинской «шапке с ручкой».

— Старшина,— повернулся к нему командир,— я жду, что вы скажете о юнге Вэ-Пикуле.

— Не сожротице,— отвечал Лебедев (добрая душа).— Конечно, в теории он малость подковался, практические навыки кое-какие от нас перенял, но... ветер еще бродит в голове!

— Ветер и будет бродить,— заметил штурман Присяжнюк, и я ощутил в нем своего заступника.— Вы, старшина, учитывайте, что в свои пятнадцать лет, когда его сверстники еще собак гоняют, Пикуль вам ни Сенекой, ни Фейербахом стать и не сможет. Лучше скажите: можете ли вы в условиях боевой обстановки подготовить из юнга Вэ-Пикуля классного аншютиста, которому я мог бы доверить вахту у гирокомпаса?

Командир носком ботинка поправил загнутый край ковра:

— Давайте решим этот вопрос сразу. Как рулевой юнга Вэ-Пикуль не представляет никакой ценности. Но эта не совсем обычная страсть его к гирокомпасам тоже ведь чего-то да стоит!

Тут я стал понимать, к чему клонится разговор. Попади я в такую же ситуацию в условиях, скажем, XVIII века, я бы, наверное, рухнул в ноги офицерам, слезно причитая: «Благодетели мои, осчастливьте, век буду бога молить...» Но сейчас я был юнгой ВМФ СССР, и это определяло мое сознание:

— Обещаю все свои силы... все старания...— начал было я.

Но командир и штурман выслушали не меня, а Лебедева:

— Я берусь,— заявил старшина,— подготовить из юнга Вэ-Пикуля аншютиста для самостоятельной вахты в гиропосту.

Он меня подготовил, а вскоре его направили с караваном судов в Англию — моим старшиной стал Иван Васильевич Васильев, который сейчас работает монтером в Сестрорецке. По боевому расписанию во время тревог Васильев должен был находиться наверху — в штурманской рубке, а я оставался внизу — при гирокомпасе. Я был чрезвычайно горд от сознания, что в тревожную минуту, когда эсминец оглашали колокола громкого боя, мне надо было снимать трубку телефона и докладывать:

— Гиропост — мостику: бэ-пэ-два бэ-чэ-один к бою готов!

БП-2 БЧ-1 — это боевой пост № 2 боевой части № 1.

Так я стал командиром боевого поста. Мне было тогда уже 16 лет.

Я делал во время войны свое маленькое, нужное для флота дело: следил, чтобы мой любимый гирокомпас давал кораблю истинный курс. Гирокомпас работал всю войну без выключений, его держала в напряжении, как и всех нас, боевая готовность. Я да мой старшина — нас двое, а в сутках 24 часа, вот и получалось на каждого по 12 часов вахты ежедневно. А потом тревоги, обледенение приборов на мостике, засоление инструментов во время шторма. Бывало, отстоишь вахту в шесть часов — в запахе масел и бензина, в одуряющем гуле и звоне приборов,— а тут:

— Аншютиста наверх... протереть линзы на репитерах!

И так во время шторма, бывало, раз по десять в сутки тебя поднимут на мостик. Спать приходилось безбожно мало. Всю войну, как я сейчас вспоминаю, я хотел только одного — выспаться.

А когда война закончилась, я стал прощаться с кораблем, обходя все его отсеки. Под конец спустился и в свой гиропост, где провел самые лучшие, самые яркие, самые неповторимые дни своей юности... Тут я не выдержал. Я не сентиментальный человек, но со мною случилось что-то такое, что бывает единожды в жизни. Колени у меня вдруг сами собой подломились — я опустился перед гирокомпасом, который еще тихонько гудел, подвывая моторам, словно от усталости бессонных ночей войны. Я обнял гирокомпас с нежностью, как обнимают любимую девушку, и — рыдал, рыдал, рыдал...

Выстукиваю на машинке вот эти строчки, а на глаза опять невольно навертываются слезы. От тех трудных времен у меня сохранились две ленточки. На одной — «ШКОЛА ЮНГОВ ВМФ», а на другой — «ГРОЗНЫЙ». Да еще в старых бумагах сохранилась небольшая акварелька — вид моего гиропоста.

Школа юнг поначалу штурманских электриков и вообще узких специалистов для флота не готовила — это теперь поступающим в морские училища нужно долго ломать голову, чтобы из длинного списка специальностей, выбрать одну-единственную, — но я все же стал юнгой-аншютистом.

Память — вечный генератор мысли. Она иногда возвращает меня назад, в юность! Тогда я снова вижу себя маленьким, худеньким мальчиком, несущим боевую вахту возле тех приборов, которые дают кораблю истинный курс...



НА КАМНЯХ

ЛЕПЕСТОК

**Анатолий
ЩЕРБАКОВ**

На берегу пролива сидели парни
и пели...

На камнях лепесток свечи.
Будет время сквозь сумрак течь.
Ты когда-нибудь был в Керчи?
Я тебе расскажу про Керчь.

Это была «Баллада о Керчи» поэта
С. Острового и композитора
Л. Перевеслова. И в этот вечер она
напомнила мне об одном человеке.

Меня познакомил с ним заведующий
Аджимушкайским филиалом Керченского
историко-археологического музея С. М. Щербак. Я спросил его
тогда, кто бы мог провести меня в
катакомбы.

— Встретиться бы вам с Радченко
Михаилом Петровичем...

И я увиделся с ним. В ясный, сол-
нечный день шли мы по травяни-
стому пустырю, изрытому огром-
ными воронками. Радченко расска-
зывал:

— До войны здесь был поселок.
Вот на этом месте стоял дом, где я
родился... Вот там школа, которую
я не успел кончить.

Сейчас здесь не было ничего. Пу-
сто вокруг. Фашисты методически,
день за днем сбрасывали авиабом-
бы, чтобы обрушить, наконец, своды
каменоломен и похоронить подзем-
ный гарнизон.

Когда фашисты в мае 1942 года
вторично взяли Керчь, Мише Радчен-
ко было шестнадцать лет. Как и все
мальчишки того времени, он рвался
на фронт. Но стал бойцом в Аджимуш-
кае. Ведь он хорошо ориентиро-
вался в каменоломнях, здесь прово-
дил время в мальчишеских играх.

Мы берем электрические фонари
и спускаемся по крутой лестнице.

...В мае 1942 года сюда отступили
тысячи солдат. Так об этом напи-
сал после посещения Аджимушка
И. Сельвинский:

Один бы шаг, одно движение
мимо —

И пред тобой неведомое:
плени

Но, клятву всем дыханием
запомня,
Бойцы, как в бой, ушли в
каменоломни.

Здесь же укрывались и местные
жители. До того страшного дня, ког-
да немцы впервые стали закачивать
в подземелье газ. «Они дошли до
крайности, — записал в этот день в
своем дневнике один из участников
обороны. — Начали давить людей га-
зами. Бедные детишки кричали, зва-
ли на помощь своих матерей».

Миша остался в каменоломнях и
после газовой атаки. С мальчишками
выбирался наверх и полз к хлебно-
му полю, чтобы собрать там коло-
ски. Колоски — хлеб, жизнь.

Вместе со взрослыми мальчишки
мучались от жажды, облизывали
стены и потолки, ловя хотя бы кап-
лю воды. Радченко показывал мне
«сладкий колодец» возле одного из
входов в каменоломни, колодец был
под прицельным пулеметным огнем.
Вода оплачивалась кровью. Потом
фашисты завалили колодец трупами.
Тогда бойцы стали рыть другой — в
подземелье. Делать это надо было
осторожно, без шума, чтобы не при-
влечь внимание врага. Иначе не ми-
новать взрыва, который мог бы со-
рвать всю уже проделанную поисти-
не нечеловеческую работу. Колодец
этот сохранился. Подле него лежат
живые цветы.

Вот могилы. Здесь хоронили ребя-
тишек. Луч фонарика выхватывает
из темноты венки. Один, другой,
третий... Не забыты подземные мо-
гилы. Их нельзя забыть.

— Осторожнее, не поскользни-
тесь, — оберегает меня Михаил Петро-
вич, — я это место помню. Если бы я



СВЕЧИ...

одним солдатом носилки. В руке у него была горящая резина. Вдруг он как раз здесь оступился, факел погас. Я наклонился над ним, а он уже умер. Пошел я в темноте за помощью...

Михаил Петрович открывает тяжелую дверь, и мы идем дальше, туда, где каменоломни сохранились в том виде, в каком их оставили последние бойцы.

Россыпь камней. Это обвалившиеся стены газоубежищ. Солдаты гарнизона приспособились и к жестоким газовым атакам. Из камней складывались стены, образовывались небольшие помещения, куда почти не проникал газ.

Вот изъеденная ржавчиной койка, истлевшая подошва сапога...

— Здесь был мой пост! — говорит Радченко.

Когда гарнизон от ран и болезней сократился с тысяч до десятков человек, на пост пришлось поставить и мальчишку.

170 дней и ночей сражался подземный гарнизон. Он надолго приковал к себе значительные силы врага. Героизм защитников Аджимушкая сродни мужеству защитников легендарной Брестской крепости. Их подвиг стал частицей великого подвига Керчи, удостоенной Золотой Звезды и звания города-Героя.

...Не знаю, сколько часов мы провели в подземных галереях. И вот впереди забрезжил свет. Как же радовались солнцу те, кто не видел его месяцами!

Снова идем по изрытой воронками «крыше» каменоломен. И Радченко рассказывает мне, как в сентябре 1942 года он выбрался через лаз из охраняемой зоны. Нашел на огороде брюкву и медленно, маленькими кусочками жевал ее. Как и у многих других защитников подземелья, у него началась цинга.



Репродукция картины Н. Буга
«ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ»

Потом он воевал. Дошел до Эльбы. После войны вернулся в Крым. И сейчас живет и работает здесь. Чуть ли не каждый день спускается в каменоломни. С экскурсией, просто так...

Об Аджимушкае много написано. Здесь сражались до последнего дыхания люди, верные воинской клятве. Погибнув, они обрели бессмертие.

Командир другого отряда, сражавшегося в Малых каменоломнях, нынешний житель Керчи М. Г. Поважный написал:

«Сейчас вспоминаешь пережитое в катакомбах Аджимушкая, и даже не верится: было ли все это? Да, было!»

Было. И песня, услышанная субботним вечером в керченском парке, напомнила мне об этом. «На камнях лепесток свечи...»



...В военкомат не прибыл

Повесть



**Валентин
САФОНОВ**

Рисунки
Н. Мооса

Урок третий. О таланте.

Окончившим восьмилетку устроили в школе выпускной вечер. Школа в Дубравине на виду, на взгорке. Одноэтажная, деревянная, поблескивает десятью окнами по фасаду сквозь частокол осокорей...

Вечер запомнился шальным, веселым. Вынесли из класса парты, расставили столы и скамейки, лимонад пили, виноградетом закусывали. А потом

Окончание. Начало см. № 7.

в классе душно стало — на луговину, под окна вышли, и Анатолий ремень баяна через плечо перебросил, развел меха, а Володя Кашин в пляс пустился. Толяня играл, ускоряя темп, — хотел загнать Володьку, спесь с него сбить. Но Кашина голыми руками не возьмешь. Крутился без остановки, без усталости. И еще подначивал:

— Давай, Морозов, жги, Морозов! Поучились-помучились, баста! На наш век грамотешки хватит!

Раиса Федоровна, классный руководитель, качала головой и грустно улыбалась.

Толяне жаль ее стало, и обидно за нахального Володьку. Стиснул баян в руках, да так, что меха ойкнули, и Володька с маху словно опоры лишился — плюхнулся на землю. Сидел, по-рыбьи разевая рот, воздух пересохшими губами хватал, и на лице улыбка остывала — радостная и бессмысленная.

А к Морозову Раиса Федоровна подошла, и он, придерживая баян, поднялся ей навстречу.

— Анатолий, — сказала, — не зарывай талант в землю. Тебе бы надо в музыкальное училище поступить. А еще лучше — закончить десятилетку. И — дальше. У тебя и пальцы музыкальные.

Толяня глянул на свою руку. Длинная узкая кисть, ручейки голубых прожилок, длинные тонкие пальцы. Не мальчишья рука — девчоночья. Только и радости, что на мизинце ссадина. Днем на машинный двор забегал, помог отцу Володи Бортаковского карданный вал сменить. Вот приметка и осталась. Николай Алексеевич еще спросил: «К нам-то когда придешь, а, Толяня?»

— Скорей бы уж, дядь Коль, — вздохнул в ответ.

— Давай, парень, в такой век живем: самое верное это дело — машины. Вот тележка по Луне бегают, а приглядишься к ней — от трактора пошла. Прямая ему родня...

Раиса Федоровна — белая блуза с черным галстуком, черная юбка, толстые стекла очков — не в первый раз заводила этот разговор... У Толяни не хватило мужества прямо сказать.

— Я подумаю, — уклончиво ответил он.

— Анатолий, — сказала она печально, — пойми: трактористом, при желании, может стать почти каждый. Вот из Володи Кашина классный, как вы изволите выражаться, тракторист получится. А искусство отбирает единицы.

В ответ он выдавил улыбку — пустую, натужную. Получалась какая-то ложь, недосказанность в их разговоре. Он не отважился признаться, что дома, на тумбочке, уже лежат два заявления в СПТУ: его и Володи Кашина. К заявлениям, написанным впрок, за неделю до последнего экзамена, недоставало свидетельств об окончании школы. А теперь — наконец-то! — заветная бумага похрустывает в кармане праздничного пиджака...

В училище, в группе будущих трактористов, сидели с Кашиным за одним столом. А когда вернулись в колхоз, дали им по старенькому ДТ-54. Два зимних месяца по винтику разбирали и собирали их, научили заново ходить. И теперь, что ни день, заботы: там гайку отпустить, тут дожать. Вон опорный подшипник на коленвале сменил недавно — стучал, горемыка. С маслопроводом неделю возился — утечку давал. Все с ключами, с молотком, с соляркой — тут уж руки не уберечь: в порезах они, в ссадинах, в ожогах. Оно, конечно, неплохо на новой машине поработать, так ведь не враз — ее заслужить надо. В Дубравине исстари повелось: тракто-

рист — молодой, а трактор ему — старый. Покажи, какой ты хваткий, на что гожд. И обиды тут никакой. Да ведь и старые тракторы были когда-то новыми...

Весной, в самом начале пахоты, Раиса Федоровна привела на машинный двор новых своих выпускников. Володя Кашин, картинно взглядывая на новенькие свои часы под грязным рукавом комбинезона, целую речь закатил им. Мол, колхозу и вообще сельскому хозяйству страны нужны позарез — тут Володька ребром ладони рубанул себя по кадыку — молодые, знающие кадры. Уговаривал последовать своему и Толяни Морозова примеру. Шпарил — что передовую с газетного листа начитывал. Восьмикласснички ухмылялись, но помалкивали: тут — не в клубе на танцах, где Володька им ровня, тут они — гости, мамкино молоко на губах не обсохло, а он хозяин, рабочий человек. Дистанция!

Раиса Федоровна, уловив момент, тихо спросила:

— Не жалеешь, Анатолий?

Влажная, вытопанная, искромсанная гусеницами и колесами, испятнанная мазутом и обожженная соляркой, земля уже гнала в рост первую неяркую зелень. Как солдаты на плацу, ждали боевой команды машины со сцепами сеялок. Не пропыленные еще стекла в кбинах тракторов, спицы колес, сизые траки гусениц — все это сверкало, искрилось в лучах весеннего солнца, покалывало глаза, и во всем этом звучала своя, слышная только ему музыка. «Не одна природа пробуждается весной, — подумал он. — Металл, высвобождаясь из-под снега, начинает новую жизнь...» Все тут было близко ему, понятно и потому — дорого, это было его царство, отныне и навсегда, другого он не желал.

— Не жалею, Раиса Федоровна, — сказал он. И признался: — Сколько себя помню, хотел быть трактористом или шофером. А к баяну уже и не тянет почти. Я его в чулан забросил.

«Если бы чувствовал призвание — не забросил», — подумала учительница.

— Ты талантливый человек, Морозов, — сказала она. — Ты и здесь не затеряешься...

Урок четвертый. Товарища выручай!..

Весна, кроме радости, и боль принесла.

На день Советской Армии они — два Володи и два Толи — в колхозный клуб пришли. Доклад послушали, фильм посмотрели. Про танкистов. «На войне как на войне» называется.

После картины танцы начались.

Там, на танцах, и познакомились они с Валей. Она потом признавалась, что Толя сразу в глаза ей бросился. Может, потому, что все парни наперебой девчат приглашали, на каждый танец другую, а он — высокий, из всех выделяется, и сви-

тер на нем черный, в обтяжку—все у двери стоял, подпирал стену. Чудной какой-то! Наверное, ему тоже хотелось танцевать, да смелости девочку пригласить не хватало. А может, танцор не ахти какой или подружка уговор нарушила, на вечер не пришла?

Пожалела его Валя: такой симпатичный парнишка, а робкий. Загадала себе, что сама пригласит его на танец, и пригласила. На танго. Даже не «дамский» танец был, а самый обыкновенный. Мальчишки к девочкам пошли, а она к нему.

— Станцуем или все стоять будешь?

И не подумала даже, что он отказаться может и стыда не оберешься.

Он не отказался.

Парень был на голову выше ее и танцевал не очень хорошо, но и не скверно, не хуже, в общем, и не лучше других ребят. Она—за главного в паре—вела по кругу, и тогда же обнаружила, что у него длинные—девчоночьи—ресницы и очень синие глаза. «Как васильки»,—определила она, потому что любила эти цветы. Только молчун какой-то. И пригласили его, а он воды в рот набрал.

— Ты о чем там, у двери, думал?

— О фильме.

— Слава богу, заговорил!

— Про войну,—сказала она.—Надоело про войну. Давно это было.

Он замотал головой и сбился с шага.

— Мне—нисколько. Там как раз про танкистов, а я тоже скоро танкистом буду.

— Почему танкистом?

— Так водится. С трактора—на танк, и наоборот.

— Ты тракторист?

— Угу,—кивнул он.—А ты откуда взялась? Я тебя в нашем клубе никогда не видел.

— Из Ивановки.

— Ну да, в Ивановке я всех девчат знаю.

Ее почему-то уколело это признание.

— Хороводишься с ними? Гуляешь?

— Рядом же. Они к нам на танцы ходят. А тебя не видел.

— А я там давно не живу.

И пока танцевали они—на следующие танцы он сам ее пригласил, на все подряд, лишь от вальса отказался: «Кружиться не умею»,—так вот, пока танцевали они, он все о себе рассказал. Что в колхозе работает, что фамилия у него Морозов, а зовут Толей, но дома и товарищи по-другому привыкли: Толяня.

— Лучше все-таки Толя,—поправила она.—

Толяня на кличку похоже. Не по-взрослому...

Он плечами пожал:

— Я привык... А ты где живешь?—спросил.—Что делаешь?

— Да ничего особенного,—улыбался.— Живу в райцентре, работаю контролером ОТК

на швейной фабрике. Отгулы набрались за сверхурочные—вот и приехала в Ивановку, маму проведать.

Кроме мамы, нет у нее никакой родни. Приехала, а вечером девочки прибежали, подружки, на танцы утащили.

— Я тебя домой провожу. Можно?—попросил он.

От Дубравина до Ивановки путь недолгий—на полчаса, не больше. И они улучили минуту—из клуба пораньше сбежали, не стали подружек ждать. И ей понравилось, что он не охальничал по дороге, не лез целоваться, не говорил глупостей, как это у других парней водится. И условились, что когда он в городе будет—зайдет к ней в общежитие. А будет он в городе через неделю, уже подписана ему командировка на месяц в училище механизации.

— На целый месяц?—не поверила она.— Ты не врешь?

— На целый месяц. Я никогда не вру. Сказал зайду—значит, зайду.

...Он не зашел.

В синий мартовский день Анатолий Морозов, сам недавний выпускник СПТУ, командированный колхозом в училище, принимал у курсантов зачеты по вождению. Третьим в тот день в кабину его старенького «ДТ» сел Володя Бортакровский.

— Вези,—разрешил Анатолий.—Посмотрим, на что ты гожд.

— Везу, командир.

Трактор прытко выбежал из ворот СПТУ, прокатил по улочке, оклеенной с двух сторон щербатыми заборами, влетел на площадь. Здесь, на площади, стоял на постаменте, вздыбленный в вечную атаку, танк Т-34, памятник солдатам сорок первого года.

Володя посигналил, салютуя. Душа пела.

— Не дури, не место,—одернул Морозов.— Делай, что велю. Сейчас—по склону вниз и к речке. Переедем через мост, развернемся и назад пойдём.

Бортакowski его строгость не по вкусу пришлась, огрызнулся:

— Мне что вниз, что вверх—разницы никакой. Ты же, Толяня, знаешь: у меня батька механизатор. Не нам с тобой чета. И я не впервой в кабине.

— Мост,—повторил Анатолий.—Как возьмешь мост—поставлю зачет.

Бортакowski искоса кольнул приятеля взглядом. Надо же, выламывается! И губы сжал, и две тоненькие морщины у переносицы прорезались. «Ладно,—вдохнув, смирился Бортакowski.— Сейчас, товарищ инструктор, покажу я тебе класс. А вернемся домой—посчитаемся. Мне только документик получить, что я тракторист...»

Мост через Проню—длинный и узкий: двум машинам не разминуться—открылся внезапно,

Бортаковский, не снижая скорости, ринулся вниз. Гусеницы трактора уже гремели по настилу, когда на другом конце моста, неизвестно откуда, возникла корова. В лобовое стекло хорошо было видно, как, сторожко переставляя ноги, ступала она по скользким доскам, и дыхание белым облачком пара курилось вокруг ее широких ноздрей.

— Сбавь ход, осади,— спокойно посоветовал инструктор.

— Не трусь — разъедемся! — хмелея от возможности блеснуть умением, крикнул Бортакoвский.— Чуть в сторону...

— Тормози, идиот!

Морозов плечом оттолкнул курсанта в угол кабины, перехватил рычаги. Но было поздно. Мелькнули и исчезли за стеклом удивленно-кроткие коровьи глаза, с треском взметнулись переломленные надвое перила, щербатый конец доски хлестнул по стеклу, дробя его в осколки, ударил Анатолия в лицо.

Трактор с трехметровой высоты рухнул вниз, в реку.

А минутами позже той же дорогой на новеньком, только что полученном Т-4 возвращался из райцентра в Дубравино Дмитрий Корягин.

Изголовьем койка Морозова упиралась в подоконник. После обеда в палате наступал тихий час: соседи — развеселый старикан и два небритых парня — согласно заваливались на боковую. Через минуту от дружного их храпа, казалось, вздрагивал беленый потолок.

Толе не спалось.

Храпуны ему не мешали — научился не слышать их. Сидел на краю койки, книгу в руках держал, глотал страницу за страницей. Не так уж часто после школы выпадала ему такая возможность — читать сколько влезет. Повездо, можно сказать. «Человек заболел — повезло человеку», — наткнулся он на строчки в одном стихотворении и подумал, что это как раз про него. Да вот беда: с каждой перевернутой страницей кровь прилиwała к вискам, оглушительней шумело в голове, расплывались кляксами буквы. Хотел обмануть себя, пересилить. Напряг зрачки, но по развороту книги запрыгали черные уродливые мухи.

«Я в бреду, как в Африке бреду...» — вспомнились строки из другого стихотворения. Тоже про больного, про то, как беспокойно ему на госпитальной койке. Вот странная штука: когда ты жив-здоров, тебе и дела нет до чужих хворостей. Когда ты жив-здоров...

Спрятав книгу под подушку, Толяня подошел к окну.

Седые от снега крыши на домах, седая от снега улица. Однотонный, неяркий цвет ее успо-

каивал измученные зрачки. Вот уже можно отличить деревья от людей. Плоские купы деревьев затянуты в дымную сетку, недвижны. А люди — черные вертикальные колышки под ними, юркие, беспокойные. Мелькнут и исчезнут, объявятся и пропадут.

«Это у тебя, Морозов, от удара и большой потери крови неприятности со зрением, — объяснил ему доктор. — Ничего страшного, все будет хорошо. Но читать пока запрещают».

Вот и прячешь книжку — в тумбочку, под подушку. А не читать — нельзя, со скуки подождать. Соседи в палате подобрались — лучше не придумать. Старичок анекдотами всех замытарил, такими же древними, как и его борода. Небритые парни — те наоборот, молчаливники великие: за день на двоих с трудом три слова выжимают.

Он стоял у окна, радуясь тому, что тупая, невнятная боль медленно отступает от глаз, что уже четче видит деревья, и люди уже не кажутся черными колышками, а кирпичная труба над ближним домом выкрашена в нарядный оранжевый цвет...

Дверь зашуршала, прихватив резиновый коврик у порога. Толя обернулся и увидел парня в белом халате поверх пальто, в квадратных очках на толстом носу, с черной кожаной папкой в руках. Парень близоруко приглядывался к спящим на койках.

— Я здесь, Марат, у окна.

Марат Шарафутдинов, комсомольский бог училища, щурясь, двинулся на его голос.

— К тебе, Морозов. Здравствуй. Я ненадолго, по делу.

— А я подумал: просто навестить.

— Навестить? Ты прости, Толик, дела закружили.

Он был добрым человеком, этот касимовский татарин, и простодушно прямолинейным. Говорил, что думал.

Толя предложил ему стул, сам устроился на койке.

— Ну, выкладывай свои заботы.

Марат снял очки, протирая запотевшие стекла, признался:

— Плохо, Толик дело. Бортакoвского будем исключать из комсомола. За нарушение учебной дисциплины. Он объяснительную в бюро написал и во всех грехах покаялся: сам виноват, послушался инструктора... Из училища, конечно, тоже попут.

— Это как же так? Да он что — рехнулся?

Морозов вскочил с койки. Синий халат на нем распахнулся, открывая запеленутую в бинты грудь.

— Моя во всем вина. Слышишь, Марат?

— Слышать-то я слышу, — покачал головой Шарафутдинов. — Да что-то не пойму тебя. Мы, бюро то есть, тебя, Морозов, как облупленного

знаем. Мы же тебя в комсомол принимали. Ты никогда не врал. А зачем сейчас? Дружка выгораживаешь?

Смуглые щеки Марата побелели от волнения.

— Я не вру, Марат. Ты пойми: я старшим был на тракторе. Я ребят вождению учил, курсантов. Значит, плохо учил, раз так вышло. Слышишь? Я на собрание вот в этом халате прибегу и кричать во все горло буду, что Володька ни при чем. Я драться буду на кулаках за него...

У Толяни закружилась голова. «Лишь бы не свалиться,— испугался он.— Лишь бы слабинку не показать».

— Письмо,— донесся к нему из глухой дали голос Марата.— Напиши письмо собранию... Вот бумага, карандаш. Все напиши, что говорил.

— Марат, у меня же рука... Видишь, клешня какая. И левая тоже. Напиши сам, а? Я диктовать буду. Рукой не владею, Марат.

— Подпись твоя нужна.

— Подпишусь как-нибудь.

Он упорно не желал садиться на койку — стоял, опираясь на спинку кровати...

На прощание Марат долго и с чувством тряс его обинтованные руки.

— Ты правильный человек, Морозов, тот еще человек. Это ж бомба будет, когда я письмо на собрании прочитаю. Спасем Вовку.

— Ладно, ступай, я спать хочу,— вяло сказал он.

А когда Шарафутдинов скрылся за дверь, дряблая, необоримая слабость захватила его. Он забыл о письме, о том, как долго доказывал Марату невиновность Бортаковского. Не Володьку — его следует исключить из комсомола. Он — инструктор — оказался тряпкой, курицей, не справился с курсантом. Его, а не Володьку...

Опираясь на койку, на тумбочку, вновь добрался до окна. Вон желтая шапка на одном прохожем светится. Он помнил ее — Маратова шапка. Одна такая на все училище.

Из последних сил толкнул створки окна, упал грудью на подоконник.

— Марат! Слышишь меня, Марат? Я приду на собрание!

Тугой морозный ветер ударил в раскрытое окно. Пробудил сивобородого старичка. Дикими спросонья глазами оглядел он палату и завопил истошно:

— Сестра! Сестра!..

Урок пятый. Молодо-зелено...

Вчера они рано из военкомата вернулись, не в пример прочим дням. Линчуткин их вызволил, председатель. Зашел к военкому: такое, мол,



дело, товарищ майор, вшивое дело получается. Леса горят — дышать нечем, и поле засуха губит. Зерно на корню осыпается: день перестоя — пуд с гектара как корова языком слизнула. А ребята, которых ты в армию призываешь, механизаторы все. Шесть человек — это же сила.

Военком Линчуткина уважил, как фронтовик фронтовика: Аверкий Несторыч полный кавалер ордена Славы.

— Забирай своих ребят, — разрешил военком, — пусть последние дни по-ударному поработают. Через неделю повестки им пришлю.

Посадил Линчуткин механизаторов в крытую «летучку» и привез домой. Комбайнеров — тех сразу на самоходки прогнал, Володе Кашину в «Сельхозтехнику» на два дня командировку выписал — запчасти привезти, а Толяне велел трактор еще разик оглядеть, смазать да подкрутить чего там надо...

Толяня вспомнил, что Вали дома нет, в Ивановку с утра собиралась, мать проведать, и, хоть проголодался, домой не заглянул — прямо на машинный двор направился. Там пусто и тихо было. Синий дым от горящего поблизости леса плавал над механической мастерской. И Володя Бортаковский у своего «Беларуся» маялся.

Толяня погонял свой ДТ на холостом ходу и пошел выручать приятеля.

— Чего у тебя?

— С утра, понимаешь, загораю, — обрадовался ему Володька. — Зажигание барахлит, а почему — никак в толк не возьму.

— Искра в землю ушла, — посочувствовал Толяня. — Будем искать.

Тут из-за посадок с ревом выкатил Т-4. Дрогнув могучим корпусом, остановился в пяти шагах. Из кабины Дмитрий Корягин высунулся.

— Здоров, новобранец! Не забрили еще?

— Не забрили. Пока всю солому не заскирдую — военком повестки не пришлет. Так и сказал.

— Ясненько. Где вкалывать будем?

— На Гнилом.

Корягин спустился на землю, протянул руку.

— Там соломы невпроворот. Ну да ладно, к вечеру, глядишь, управимся. Лишь бы твоя черпаха не подвела.

— Проверял. Часы. Ты, дядь Мить, лучше за своей гляди.

— У меня — игрушка! Сегодня корреспондент из района приезжал, специально, между прочим, чтобы на передовика поглазеть. На меня, значит. И трактором интересовался, про режим работы вопросы задавал. Всю пленку исцелкал — ракурс какой-то искал.

— Гляди, орден теперь дадут.

— Орден не орден, а портрет пропечатают. Аверкин на радостях — ему тоже слава — расщедрится, премию подкинет,

Ладонью провел по гусенице, сковырнул прилипший к траку серый камушек.

— Тут, Толяня, дело такое. Зазря, как говорится, и чирей не вскочит... Я вот, как на духу тебе откроюсь, в сомнении, кого уважаю больше — трактор или Павлину свою. Баба она верная, а в душу к ней не влезешь... Не, Толяня, трактор бабы надежней. Только тебе, чтобы понять этакое, не один год повкалывать нужно. Тебе пока все в новину — что жена, что машина.

— Ладно, дядь Мить, сам разберусь.

Корягин, послунив пальцы, пригладил ежик волос на голове, достал из кармана яблоко, сочно, с хрустом надкусил.

— Строим?

— Чего?

— По рублику, говорю. Рабочий день закончен. Бутылочку на троих и — по домам. Вовка вон всех моложе — сгоняет.

— У меня зажигание барахлит, не могу я, — нахмурился Бортаковский.

— Утром наведем марафет. Мой дед всегда толкует: утро вечера мудренее. Ты как, Толяня?

— Жарко.

— Жарко, — рассмеялся Корягин, открывая мелкие, прокуренные зубы. — Скажи, пить не умеешь. А туда же — оженился.

— Умею, но не хочу.

— Эх, килька! Молодо-зелено...

Он запустил огрызком в воробья на телеграфном проводе. Серая птаха не шелохнулась — то ли отупела от жары, то ли в дыму угорела.

— Между прочим, вы, молодые энтузиасты, мне с самой весны должны. За спасение ваших жизней, — сказал Корягин и пошел со двора.

— Спаситель! — со злостью сплюнул Бортаковский. — Горазд на сказки.

— Знаешь, я когда меньше был — боялся его, — сказал Толяня. — Ничего плохого он мне не сделал, а все равно боялся.

— Ври! — изумился Бортаковский. — За Вовкиным картузом к ним ночью ходил. Под ружье. Помнишь?

— Помню. Шел и тряся. Оправдаться перед вами хотел, а то бы в жисть не пошел. А он, когда я в дверь постучал, убить меня хотел. Спасибо деду — заступился.

— И сейчас боишься, да?

— Сейчас нет, — улыбнулся Морозов.

— Толяня, — положил руку на плечо ему Бортаковский. — Давно сказать тебе хочу. Ты не сердчай на меня за то... за удаль ту ненужную на мосту.

— Вот еще! Выдумал...

— Мне, Толяня, перед матерью твоей стыдно. И перед Валею. Лицо тебе испортил. Шрамы вон — на всю жизнь теперь... А мне и царапины не досталось... И откуда она взялась?

— Кто?

— Да корова та на мосту. Белая вся, белянка, будь она неладна! На снегу-то и не видно...

К вечеру улегся дым над Дубравиным, тяжелые, напитанные угарной влагой облака ушли на запад. Небо очистилось, солнце, изгорая, выкрасило восточный его склон в яркие морковные тона.

Черный жук, трубно гудя, ударил о стекло «Беларуса», упал на капот. Лежал на спине, очаянно перебирал мохнатыми тонкими лапками.

— Попался? — спросил Володя Бортаковский, взял жука замазученными пальцами, кинул в траву.

— Толянь, — тихо позвал он. — Ты не знаешь, кто там за деревом прячется?

— Делать кому-то нечего — вот и прячется.

— Да ты ступай посмотри, я тут один справлюсь.

— Погоди, немного осталось.

— Сказано: справлюсь — значит, справлюсь. Тут из-за осокоря, весело смеясь, Валя вышла.

— Ты чего так припозднилась? — бросился к ней Толяня. — Я ждал-ждал — все глаза проглядел. Даже обедать не ходил...

Они пошли к дому околицей, стороной от нескромных людских глаз. И когда посадки далеко за спиной остались и легла на пути лошадка, а ручеек-протока по ее дну, Толя подхватил жену на руки.

— А то ноги замочишь.

— Я босоножки сниму. Пусти.

— Нет, так надежней, — не согласился он и, оглянувшись, поцеловал ее. Поцелуй пришелся куда-то за ухо, полевая ромашка выпала из Валиных волос, упала на воду.

— Пусти, Толька. Уже по селу болтают, что мы на каждом шагу целуемся... Гляди, закат какой.

— Это к ведру — чистый закат...

— Приеду в город на месяц — зайду в гости, — пообещал он ей тогда весной.

— На целый месяц? — не поверила она. — Ты не врешь?

— Я никогда не вру. Сказал зайду, значит, зайду, — ответил он самоуверенно.

И не зашел.

Валя поначалу ждала: вот-вот заглянет, как обещал. А потом из головы вон выбросила, думать о нем забыла. Случайная встреча, одна-единственная. Ни к чему не обязывающее знакомство.

Но однажды вечером в комнате общежития, где они, девчата, вчетвером ютились, говорливая Тонечка Сенина сказала:

— Ой, девочки, страсти какие! Трактор с моста через Проню кувыркнулся. Два паренька разбились — курсантик какой-то и учил его котрый. В больнице лежат, помирают.

И вздохнула.

— Жалость-то какая. Молоденькие оба, а помирают. Может, женихи наши, суженые.

Валя на эти слова попервости — ноль внимания, они ее не касались, да и знала: у Сениной всякий час новости, и все с потолка... А ночью проснулась оттого, что сердце защемило. «Антонина», — подругу за плечо потрясла:

— Как зовут тех... ну, в тракторе которые упали?

— Отстань, дура, сон какой перебила, — обругала ее Тонечка и повернулась на другой бок.

А Валя до утра глаз не сомкнула.

Вечером после смены пошла она в больницу. Да, сказали ей в справочном окошке, лежит в семнадцатой палате один молоденький тракторист. Второго выписали, целехонек. Кто лежит? Морозов А. А. лежит. Здоровье? Ничего здорового, на поправку шел парень, да воспаление легких подхватил. Окно открыл в палате...

Она сразу узнала Анатолия, вернее, поняла, что это он. И он узнал и не удивился, подтянул одеяло к подбородку, прикрывая бинты на груди, пригласил сесть на стул, рядом с койкой.

Валя на тумбочку банку маринованных персиков поставила, ванильные сырки положила. Все молча — с духом не могла собраться: три пары неравнодушных мужских глаз, смущая и завораживая, наблюдали за ней с трех коек.

— Ты, паря, прямо государственного масштабу человек, каждый божий день к тебе приходящие, — сказал бородатый старичок, откладывая в сторону газеты. — Ты, девонька, подежурь тут, он тяжелый — нельзя одного оставлять. В окно может спарашютировать или еще чего учудит... А мы в коридор покурить сходим.

И мужчины — все трое — поднялись и вышли за дверь.

— Как видишь, не повезло мне, — усмехнулся Толя.

— Воспаление-то?

— Воспаление — ерунда, пройдет. Лицо мне исковыряло. Теперь девушкам нравиться не буду.

— И хорошо.

— Что хорошо?

И Валя смелости набралась, пояснила:

— Мне ты нравишься, а чтоб другим... Так и не надо вовсе.

Все это вроде бы полушуткой, вроде бы схитрила, чтоб ему веселей стало. А как Анатолий ее слова понял — не знала, потому что лицо его — в бинтах и пластырях — не разглядишь. Одни только глаза наружу — синие, смешливые. Ей вдруг очень жалко стало парня, так бы и взяла его боль на себя.

Вернулись мужчины, сестра в палате объявилась, для посетителей, сказала, время истекло. Рука Толина поверх одеяла лежала, и Валя на прощанье погладила ее своими холодными, несмелыми пальцами.

Он пришел к ней в первый же вечер, едва его выписали из больницы. Долго топтался в темном коридоре — вытирал ноги о мокрую тряпку. И Тонечка Сенина, прислушавшись к шарканью за дверью, округлила глаза и зашептала:

— Ой, девки! Комиссия с проверкой идет!.. Ой! — пискнула она, когда раскрылась дверь и на пороге вырос Анатолий. — Вы, молодой человек, адресом ошиблись. Ребята выше живут.

— Я к Вале, — едва слышно признался он.

Валя вспыхнула, засуетилась, забыла, что и в каком порядке делать: то ли стул гостю предложить, то ли «здравствуй» сказать. А когда в себя пришла, подружек уже в комнате не было, и Толя сидел за столом, листал журнальчик мод. Девчата увлекались тем, что всякие наряды себе по чертежам шили: платья, кофточки, костюмы.

Валя накормить Толяню хотела, понесла на газ кастрюлю с сардельками, но он заупрямился:

— Я за тобой, домой поедем. Сегодня пятница, у тебя два выходных подряд. И автобус скоро уходит. Последний.

Она вовсе не собиралась сегодня домой — из-за двух-то дней тащиться в такую даль. И в сумочке билет в театр лежал. Как раз москвичи, ненароком в провинцию заехавшие, концерт давали. Но тут вспомнила, что в самом деле давно дома не была, как раз с тех февральских дней. Мама, небось, скучает, все глаза проглядела. И картошка кончается, надо привезти...

Из автобуса вышли на окраине Дубравина. Был поздний и очень темный час. Идти ночевать к ним, к Морозовым — вовсе не знакомым ей людям, — Валя наотрез отказалась. И Анатолий пошел провожать ее в Ивановку. Днем дождь падал, дорогу размыло, а на ночь морозец ее сковал. Идти было трудно, скользко.

— Толь, — попросила она, — возьми меня под руку.

Взял.

— Рассказал бы чего...

Он вздохнул.

— Не умею я складно. Вот Володя Кашин, дружок мой, тот бы рассказал...

Ивановка выплыла к ним черными и громадными в ночи избами. Толя примедлил шаги.

— Спасибо, — поблагодарила Валя, — пойду я.

— Погоди, — взял он ее руку в свою. — Погоди, Валя. Знаешь что? Выходи за меня замуж.

— Да ты в своем уме? — отдернула она руку. — Мы и знакомы без году неделя. Чтоб о таком говорить, надо друг друга знать...

— Чуть-чуть знаем, а больше не надо, а то

жить неинтересно будет, — возразил он, — Согласна?..

И вот потом, вспоминая этот вечер, весь как есть, — и скирд тот за околицей Ивановки, угрюмый и радостный, морозную пыльцу, настрявшую в соломе, серебряную звезду в небе — одна-одинешенька в черном бездонном омуте, светила она им, — призналась Валя себе, что ждала от Толи предложения, догадывалась, что оно будет...

Расстались они поздно, или — если по-другому считать время — рано: домой Толя завалился, когда рассветало. Нина Петровна, завидев сына, всполошилась.

— Толянь, вид-то у тебя какой! Из больницы сбежал?

— Не, мам, отпустили.

— Да кого ж это среди ночи отпускают?

Он смутился.

— Меня не среди ночи — вчера еще...

— Поешь да ложись, — приказала она, недоумевая. — Вернусь с фермы — расскажешь, где полуночничал.

А когда вернулась, Толяни опять дома не было. «Он к невесте ушел, в Ивановку», — ревниво доложил Славка, стосковавшийся по старшему брату.

— К какой еще невесте? — опустила руки Нина Петровна. — Что это ты болтаешь?

...В сельсовете сначала отказались их распisać: невеста несовершеннолетняя. Пришлось подождать немного. Каждый вечер Толя к ней в город на мопеде приезжал. Дождь на улице, грязь — ему все нипочем. Чуть свечерее — тут как тут. «Рыцарь твой объявился», — смеялась Тонечка Сенина и откровенно завидовала подруге.

Рыцарь!.. Вся весна эта их была.

Родители против свадьбы-женитьбы настроились было. Его мать, и ее. «Тебе, Толя, — уговаривали, — в армию идти, а ты хомут на шею надеваешь...» «Разлюбит он тебя в солдатах, на чужой стороне другую найдет — будешь горе мыкать», — твердила Валина мать. А они на своем поставили: распишемся — и все тут. Толя — он тихий, но упрямый, и своей матери, и Валиной так и сказал: служить мне недолго, два года — какой там срок. А мне легче будет оттого, что Валя дома меня ждет, понимаете?

Она и с фабрики уволилась, в колхоз работать перешла, потому что он так захотел.

Толю в это утро и впрямь разбудили скворцы. Какое-то время он лежал с закрытыми глазами, прислушивался к их неумному пению за окном. «Надо б на маг записать, — подумал. — Здорово будет зимой покрутить. Славке скажу, чтоб за лентой в магазин сбежал. Завтра и запишем».



— Толя,— негромко позвала жена.
Он обернулся к ней.
— Ты не спишь?
— Толя... У нас точно будет ребенок. Я уже слышу его.
— Будет? Валюха! Будет?!
— Тише ты, спят же...
— Мама уже встала. Валь, а кто будет-то? Мальчик? Девочка?
— Ну откуда ж я знаю! Глупенький ты...
— Вот здорово! Дай я тебя поцелую, Валька! Спасибо!

Когда-то, еще мальчишкой, Толя вырезал из журнала цветной вкладыш — портрет улыбающегося первого космонавта. И вспомнил сейчас об этом.

— Валя,— сказал он,— знаешь, Валя. Если мальчик будет, Юрой его назовем. А девочка... я не знаю... Девочке ты сама имя выбери.
— Я уже выбрала: Света, Светлана.
— Погоди, я сейчас. В горле пересохло. Кваску глотну.

Он выбежал на кухню и задержался там, а когда вернулся в горницу, Валя снова спала. Мягкая улыбка бродила на ее пухлых губах. Он не стал будить жену — прикрыл створки окон, чтоб не таким голосистым влетало в избу скворчиное пение.

Толя тихо оделся и вышел на улицу. В ту же самую минуту на крыльце своего дома появился Дмитрий Корягин.

— Слушай, Толянь,— подходя ближе, сказал он.— Чего мы с Павлиной отчубучить хотим, а? Ребеночка из детдома взять надумали.

Его поразило признание Митяя. Не то, что он не поверил в его слова — Толяня и не в такое верил: душа его была подобна чистому листу бумаги, на котором многое еще можно было написать. Просто никак не ожидал он, что Корягины — и вдруг на такое решились. «Вот молодцы! — подумал он.— Чего ж им, не совсем они еще старые... А Володька Бортаковский все ругает их, кулаками зовет, скупердяями... Да какой же дядя Митя кулак — за ним в поле никто не угонится...»

И шагая к машинному двору по коричневой от пыли дороге, бок о бок с Митяем идя, все не мог удержать он улыбки.

Заботы председателя

День Аверкия Несторыча начинался с хлопот и кончался ими. Накануне, объехав поля, заглянул он по привычке на машинный двор. Лучше б не заглядывал! Четыре комбайна сиротами притулились к забору, и вокруг — криком кричи — ни души. Больно было думать о том, что там, в поле, иссушенное знойным солнцем, осы-

ается, опадает зерно, а тут впустую простаивают новехонькие — с иголки — самоходки. И некого к штурвалу послать, впору самому на мостик подыматься. В былые годы Линчуткин, не задумываясь, так бы и сделал, руки, слава богу, не отвыкли еще от штурвального колеса, и «Коммунар», и «Сталинец» помнят, да вот понял, старея: всех прорех собственной грудью не прикроешь. В одном месте заслонишь — в другом трещина обнаружится.

Ругнув недобрым словом военкома, который — в страдное-то время! — надумал собирать призывников на медицинскую комиссию («Чего их собирать? На каждом пахать можно...»), раздосадованный, появился он в правлении. До полудня вертелся в нетерпеливом ожидании, то и дело к окну подходил, невесть за что выбрал счетовода, сунувшегося к нему с толстым гроссбухом, и, не выдержав, отправил рассылную за водителем «летучки».

— Да чтоб мигом! Одна нога здесь, другая — там.

И когда возник на пороге рыжий водитель «летучки», объявил ему:

— Поедем, Петька, в район, ребят из военкомата выручать. Неужто военный министр нашему министру не сочувствует?

— Должон, — меланхолично заметил Петька. Год ныне такой — тяжелый.

Линчуткину повезло: дубравинские уже прошли комиссию, маялись — под наблюдением сверхсрочника — в строевой на плацу.

— Забирай своих чудо-богатырей, — разрешил военком. — Да передай им мой приказ: пусть нажмут на работу в последние-то деньки. Через неделю повестки выпишу.

— Может, отсрочишь малость? В порядке исключения...

— Нет, — мотнул головой военком. — У меня тоже план, его выполнять нужно.

Вызволив хлопцев, Линчуткин усадил их в «летучку», сам устроился в кабине возле рыжего Петьки, и машина резко снялась с места. Мелькнули и угасли за стеклом коричневый угол военкоматского здания, железные ворота с бурыми звездами на богатырских щитах, кудлатые вершки подстриженных осокорей.

В кузове, под брезентом, было жарко, душно и сумрачно. Едко пахло машинным маслом, изношенной резиной, чем-то паленым. Ребята по трое, лицом друг к другу, сидели на бортовых скамьях. У самых дверей захватили места Володя Кашин и Толя Морозов.

Едва из города на проселочную дорогу выбрались, замигала в потолке крохотная лампочка, а за пропыленным квадратом окошка не то, что темно — сине стало от кативших мимо «летучки» клубов дыма. Машина сбавила ход, поползла с черепашьей скоростью, непрерывно сигналила.

— Петька фары включил, — догадался Володя Кашин. — Сколько ж это теперь лесу выгорит. А торфа-то, торфа полыхают... А, Толянь?

Он вопросительно взглянул на Морозова и понял, что тот не слышал его. Толяня покачивался на скамье, полуприкрыв глаза и чему-то застенно улыбаясь.

— Толянь!

— А? — вздрогнул Морозов. — Чего тебе?

— Да так, ничего... Блажной ты какой-то. О чем думаешь?

— Не знаю. Накатило чего-то.

Машина дернулась на ухабе, затормозила с ходу. Ребят швырнуло друг на друга. Стрельнула дверцей кабина, что-то зло закричал Линчуткин. А что — не разобрать.

Ребята посыпали на дорогу, в дымный туман. Дым, не так заметный в городе, вышибал слезы из глаз. Поблизости, километрах в двух, горел лес: был отчетливо слышен треск раздираемых огнем деревьев, пронзительно кричал кто-то там, в серном дыму. И не понять, кого беда настигла: то ли зверя какого, то ли птицу.

Между лесом и дорогой лежало свекольное поле. Светло-зеленая, в отчетливо прорисованных красных прожилках ботва жухла, коробилась, свертывалась в сухой табачный лист.

Линчуткин — несуразно длинный, в соломенной шляпе и светлом чесучовом костюме с авторучками в наружном кармане — стоял на дороге, держал в руках двуствольное ружье. Два парня — лет по восемнадцати, и очень похожие друг на друга, близнецы, возможно, лобастые, крепкокостные, нездешние, — бычась, топтались перед ним. Через плечо у одного на тонком ремешке висел транзисторный приемник. А за спинами у парней, карауля всякое их движение, томился с разводным ключом в руках тщедушный водитель «летучки» рыжий Петька.

— Во, глядите на сукиных детей! — завидев своих механизаторов, с новой бранью обрушился на лобастых Линчуткин. — Зверь из лесу бежит, от огня спасается, а они пальбу по нему затеяли. По зайцам, по птицам. Ну, не сукины дети?

— Ты, дяденька, верни ружье, а мы больше не будем, — примирительно сказал тот, что с транзистором. — Отдыхающие мы, ваших порядков не знаем.

— За ружьем в милицию придете. Там и объясните заодно, кто вы такие. Ах, сукины дети!

Линчуткин сокрушенно покачал головой, пошел к машине.

— Ты нас, дядя, не сучь — не испугались, — двинулись вслед за ним близнецы. — И ружье отдай по-хорошему. Не то сам принесешь да еще прощения просить будешь.

— Ах так!..

Линчуткин круто развернулся, зачумленными глазами взглянул на лобастых, перехватил ружье

за стволы и, взмахнув, с силой ударил им о дорогу. Ахнули близнецы. Ахнули дубравинские. Щепками — в брызги! — рассыпался приклад. Согнутые стволы председатель швырнул в свеклу.

— Сыпь отсюда, оболтусы!

Дубравинские взяли лобастых в кольцо, оставив свободной дорогу. Петька вертел в руках разводной, Васька Самоед тянул через голову рубаху.

— С-счас м-мы эт-тим ж-жаб-ботинским рог-га п-поломаем, — бормотал он. Драчун был Васька известный, себя не жалел — за то и кличку получил.

Близнецы ни слова не произнесли больше — лишь щеки вскраснели. Тот, что с транзистором, повернул в нем рычажок, плеснул на дорогу разбойную музыку, и оба, не оглядываясь, пошли в сторону города...

— Пожар — он, конечно, от стихии, лето больно знойное, — смущенно сказал Линчуткин, глядя вслед лобастым. — Только вот в Солотче поймали вчера одного охотника: костерок запылил да оставил, и все вокруг занялось...

— Я б ему руки-ноги за такое повыдергал, — рыжий Петька взмахнул разводным ключом. — Китайскую казнь устроил.

— Ладно, вояка. Давай в машину... А с этими неладно вышло, погорячился. Жаль ружье — люди делали...

Стали садиться, и тут обнаружилось: Морозова нет.

— Да что он, шутки шутит! В дыму растворился? — озлился председатель. — Вот сейчас уедем — пусть пехом догоняет.

— Тооо-ля! Морозов! Толяня-а! — закричали ребята.

Морозов не отозвался.

Из-за поворота, встречным курсом, колонна автобусов появилась. Передний требовательно погукал, и Петька проворно сунулся в кабину, поорчав мотором, сдвинул «летучку» в сторону. Колонна медленно прошла мимо. Автобусы были битком набиты мальчишками и девочками в красных галстуках. Лица у ребятшек сосредоточенные, серьезные. И только в последнем крохотная девчушка, плюща нос о стекло, показала дубравинским язык и помахала рукой.

— Снежинский пионерлагерь эвакуируют, — догадался Линчуткин.

— Аверкий Несторыч, как в войну, да?

— Похоже, очень похоже, — согласился председатель.

И в подтверждение его слов, навстречу автобусам, едва успели они обогнуть «летучку», выкатил армейский вездеход, ходко промчался мимо. Серый, приземистый, с нарисованным белой краской номером на борту. Десяток парней в комбинезонах и зеленых пилотках на вездеходе. За ним второй такой же прошел, третий, все — с включенными фарами, то и дело сигнала.

— Солдаты.

Линчуткин смотрел вслед боевым машинам, отозвался не сразу.

— Эти — в самое пекло. Служивые...

А когда скрылись вездеходы за дымом, ребята увидели на другой стороне дороги Толяню. Линчуткин сгоряча выругал его, Толяня отмолялся, полез в кузов.

— Ты где это был?

Толяня обескураженно махнул рукой в сторону леса.

— Там.

— Ну и как оно? Припекает?

— Не нашел. Замолк он. И не пробиться туда, в полымя.

«Так это он, пока мы на дороге с лобастыми сражение вели, в лес бегал, крикуна того спасать, — догадался Кашин. — То ли зверя, то ли птаху...»

Вскоре в пропыленный квадратик оконца стали видны жестяная крыша колхозного правления, шест с поднятым на нем флагом трудовой славы.

— Слезай, приехали! — крикнул Петька.

За его спиной вырос Линчуткин.

— Братцы, — напомнил председатель, просительно глядя на ребят поверх Петькиной головы. — Вы перекусите на живую руку и — в поле. Понимаю, устали, только ведь хлеб на корню теряем. День перестоя — пуд с гектара.

— А нам что делать, трактористам? — спросил Морозов.

— Кашину в «Сельхозтехнику» ехать. А ты после обеда в правление зайди. Без дела не останешься.

У крыльца колхозного правления с гармоникой в руках тосковал искалеченный человек Гриня по прозвищу Война. А выше Грини, на приступках и на перилах крыльца, воробьями сидели вихрастые мальчишки, вдумчиво слушали хриповатые стоны Грининой гармоники.

Подошел от машины Аверкий Несторыч — ребята на него ноль внимания. А Гриня снизу вверх на колхозного председателя взгляд бросил — и сразу будто б меньше стал в своем и без того невеликом объеме: сжался, съежился. Залатанная по сгибам мехов гармоника тоже сжалась, съежилась и, всхлипнув, угасла.

— Играй, играй, мил-человек, только повеселее желательнее, мобилизующее, — с непривычной для него ласковостью поощрил председатель и даже, закурив, постоял минуту — другую на крыльце, послушал игру прибодренного Грини.

Был Гриня-Война, как обыкновенно, в старенькой гимнастерке, пуговицы на вороте оборваны, обнаженную грудь свирепыми когтями чернильный орел, распластав крылья, терзает. Лицо у Грини, как и гармоника, в рубцах и заплатках; ба-

ровый шрам от левого виска к подбородку, рассып несмываемых ядовито-зеленых пятен цветет на щеках, на рябоватых отметилах многолетней давности ожогов. Борода у Грини не растет. А на голове у Грини — истрепанная фуражка с зеленым верхом. И сидел Гриня на деревянной тележке с металлическими, обутыми в резину, колесами. Тележка эта заменяла ему потерянные в сорок третьем — в одесских катакомбах — ноги.

Недлинно растягивая меха, выполнял Гриня председательскую волю — наигрывал мобилизующее: «Во саду ли, в огороде...»

Постоял Аверкий Несторыч на крыльце, подымил «беломоринкой» и, вздохнув, укрылся за обшарпанной дверью правления.

— Работы много, — говорил Линчуткин Морозову. — Завтра с Корягиным солому будете сволокивать на Гнилом поле. Хотел Володьку Бортакковского в пару тебе дать, чтоб потерсяazole, попривык, да трактор у него слабосильный. И капризничает. Ты свой тоже нынче огляди, смажь еще разок, чего там надо, подверни-подкрути. Хлипкий он у тебя, перестарок. После армии новый получишь.

— А может, на комбайне разрешите? В ночь?

— Нет, — пожал плечами Линчуткин. — Успеешь еще, накопишься. Ночью отдохни — с запасом, наперед.

Председатель хотел шутку сказать о молодой жене, но сдержался. Не к месту шутка: Морозов ему в сыновья годился.

— Ладно, пойду я, — огорчился отказом Анатолий.

...Утро нового дня Аверкий Несторыч, по обыкновению, начал с объезда колхозных полей. Задержался на Гнилом — в пшенице: вышел из машины, взвесил, не обрывая со стеблей, колосья на ладони. Добрый выходил урожай, не смотри, что засуха. Зерна тяжелые, как пули в обойме. Часть поля убрана уже, остался — по левую сторону дороги — кусок, и немаленький: сто пятьдесят гектаров. Он точно помнил эту цифру, как, впрочем, и все помнил в своем хозяйстве, и многое наперед знал. Не так уж давно — пяти лет не минуло — лежало на этом месте болото. Кочкарь негодящий, кустарник черный. Сколько земли пропадало впусую... А от комарья, мошки и прочего гнуса вовсе спасенья не было. Матери детей тем болотом пугали.

Прикинули на собрании колхозном: влетит осушение в копеечку. Но и терпеть такую гниль по соседству с Дубравиным невагоду стало. Прислали сюда бригаду механизаторов, на первом корчевателе как раз Морозов Алексей Михайлович работал, Толянин отец. Два года техни-

ку на кочкаре мучили, а в нынешнем, засушливом, если и есть где урожай — так на Гнилом как раз. Пора поле по-иному наименовать — какое ж оно гнилое?

Линчуткин взглянул на часы: половина пятого. «Что-то задерживаются мужики, — с неудовольствием подумал он. — Могли бы уже с полчаса поработать. Ну да нагонят — мастера...»

Он не задумывался над тем, случайно или неслучайно ставит на скирдование именно эту пару: Митяя Корягина и Толянью Морозова. Будь у него вчера под рукой другие свободные трактористы, может, послал бы на Гнилое поле других. Но и смысл был в его решении: оба они — способные работники, на которых всегда можно положиться. К примеру, если завтра пересадить Корягина с трактора на комбайн — он по две нормы гнать будет, и в ночь с поля не уйдет. У Митяя свой резон: деньгу на уборке зашибить. А Линчуткин тоже не промах: где надо, и рублем Корягина поманит. Колхоз вести — не стадо пасти: тут и политиком станешь, и дипломатом.

Толянью Морозова — того рублем дразнить не надо, у него интерес к работе без корысти. Сутки на тракторе сидеть готов — лишь бы дело было. Может, переменится с годами, обмелеет душой, жизнь — она, бывает, обламывает. Только ему, Линчуткину, нынешний Морозов родней и ближе: смотрит на Толянью — самого себя видит. Не нынешнего — другого: из довоенных лет, из первых недель войны...

...После обеда в правлении зазвонил телефон. Линчуткин снял трубку. Инструктор из района проявлял интерес: сколько зерна будет в колхозном закроме? Год, мол, ныне такой — неурожайный повсюду, — и знать эти цифры чрезвычайно важно.

— Откуда ж я знаю, сколько! — удивился Аверкий Несторыч. — Ты пойми, садовая твоя голова, что мы едва косить начали, второй день как косим. На календарь посмотри! Мы когда-нибудь в такую рань косить приступали? Нет? То-то, что нет. Год годом, а цыплят по осени считают... Не сочиняй, не выдумывай — ничегошеньки мне неизвестно. Я и первому это...

С треском распахнулась дверь. Линчуткин сердито махнул рукой: уйдите, не мешайте.

— Аверкий Несторыч, — закричал с порога рыжий Петька. — Хлеб на Гнилом поле полыхает!

Упала на стол, мимо рычажков, телефонная трубка, и долго еще был слышен в ней сердитый, квакающий голос...

Толино поле

Огород пропах укропом и — чуть ощутимо — пересошим навозом. Толя Маленький ступал осторожно — боялся изломать истонченные жарой плети. Там, где ярким островком зеленела на них

листва, наклонился, сыскал на ощупь с десятков огурцов. Земля и под плетями была тверда и горяча, а ведь каждый вечер Толя таскал по огороду шланг, перекачивал на грядки воду из Прони. Огурцы сжелтели и скрючились, не успев вырасти, но холодили приятно руку. «Вымороченные какие-то», — подумал Толя. Но все же положил в карманы: на комбайне все время пыль в глаза бьет и пить охота. А пожужешь огурец или там яблоко — сразу облегчение.

Узкая — вдоль межи — тропинка вывела его в поле.

Вот уже второй день Толя Маленький ходит на комбайне, в помощниках у Николая Алексеевича Бортаковского, Володькиного отца. Работать с ним — лафа, главное — мужик не жадный: не суетится, от штурвала не гонит. Крути, говорит, а я посмотрю, как оно у тебя получается. Где нужно — словом поможет, а то и покажет: смотри, Толик, постигай...

Дорога к комбайну бежала через Гнилое поле. Слева — по плечо Толе Маленькому — пшеница желтела, и колос у нее тугой, полный. Засевали это поле Володя Кашин и Толяня Морозов, а если по справедливости, так и они со Славкой Морозовым тоже, потому что не один гон в кабинах с ребятами просидели и на сечах помогали...

Справа два трактора в одной упряжке бега-

ли, таскали волокушу. Тугой металлический трос прихватывал на стерне рядки соломы, вел их перед собой, и невидимые в колючую копну. Хитрость невелика, а придумано ловко! Если вилами солому брать — в жисть с ней не управиться, до белых мух проsezонить можно...

Правый трактор то и дело норовил вырваться, забежать вперед. «Загоняет дядя Митя Морозова, больно лют до работы», — подумал Толя Маленький, переживая за товарища. Был бы у Толи Большого не старенький развалюха ДТ, а такой же богатырь, как у Корягина, так еще неизвестно, кто кого «загнал» бы.

«Зайду к ним на крохотную минутку, — решил Толя Маленький. — Небось, от жары сомле-ли, огурцами угощу».

Стерня ежиными колючками жалила босые пятки, но ему не привыкать. В Дубравине, едва снег по весне сойдет, мальчишки забрасывают ботинки на чердак и бегут купаться в Проню.

Копна, подталкиваемая волокушей, выросла вровень с кабинами. Толя достал из карманов огурцы, замахал руками:

— Шабаш, мужики, давай перекур!

Морозов, притормаживая, высунулся из кабины, махнул ответно, крикнул что-то веселое и неслышанное и снова укрылся за ветровым стеклом, наклонился к рычагам.



Вдруг трактор Корягина, пыхнув синим огоньком, дернулся и резво выкатил вперед, навстречу Толе Маленькому. Соломенный стожок покачнулся, кренясь, и рухнул влево, на старенький ДТ, закрывая кабину, ветровое стекло, лицо Толяни за ним. Он все улыбался, Морозов-то, а тут улыбку как отрезало...

«Загорится! — испугался Толя Маленький. — На выхлопную трубу солома упала».

И в то же мгновение над полем выплеснулся белый, невидимый почти столб огня.

— Толяня-я! Дядь Митя! — закричал Толя Маленький.

И оба они услышали — на землю прыгнули. Корягину легко досталось, от его дверцы огонь на расстоянии был, а Морозов из пламени выскочил. Корягин кинулся к волокуше, сноровисто отцепил ее и опять поднялся в кабину, погнав трактор в сторону.

— Куда?! — крикнул вслед Морозов.

Ответа он не услышал, да и не ждал. Голыми руками столкнулся с капота полыхающую солому, руками же придавил дорожки пламени на металле. Комбинезон на Толяне дымился, и он кусками содрал его с себя, остался в плавках, сдернул с запястья часы — обгоревший ремешок поддался легко и быстро, швырнул их Толе Маленькому.

— Держи.

А Толя Маленькому за ними нагнуться боязно — от Морозова глаз не оторвет. И Митяй, остановив трактор подалее, вылез, тоже со стороны смотрит.

Толяня метнулся к буксирному крюку — отцепиться от волокуши. Сожженные пальцы плохо слушались. А пламя уже мчалось по рядкам, перескочило усеянную соломой дорогу, с треском врезалось в живую пшеницу.

Толя Маленький, пятясь под натиском жаркой волны, увидел, как Морозов, сжавшись в комок, снова вскочил в кабину.

— Толяня, не смей! Не надо, Толяня!

Яростный рев трактора заглушил его слова. Горящая машина летела по полю на сумасшедшей скорости, словно обожженное поле само бежало под ее гусеницы. Летела, давя тугое белое пламя на стерне. А Толя Маленький все отступал и отступал назад — можно было задохнуться в этом неистовом, перехватывающем дыхание ветре от горящего хлеба и полыхающего жнивья. Он хотел крикнуть Митяю, чтоб помог Толяне, но горло перехватило — такая жара, да и поздно кричать: Корягин уже гнал свой трактор в Дубравино. А там, где Толяин трактор прошел, раскаленными траками вбив пламя в землю, ложилась черная, дымящаяся полоса.

Вот трактор перевалил через дорогу, вклинился в огненный вихрь в пшенице; заходил кругами. «Все, — понял Толя Маленький. — Сгорел Толяня, трактор сам бегае...»

От села, истошно ревя сиреной, примчал «газик». Подпрыгивая на рытвинах, ворвался на выжженную черную полосу, взвихрил белесый пепел. Хлопнув дверцей, выскочил из машины Линчуткин.

И вдруг остановился Толянин трактор, и Толяня на землю сошел. Шел по огню, растоптанному гусеницами, и огонь покорно ложился у его ног, таял, сходил на нет. Черный, как земля, и по черной земле шел Анатолий, качаясь.

— Сынок, милый ты мой... давай снесу в машину, — раскинул руки навстречу ему Линчуткин.

— Я сам!.. Отстояли хлеб, Аверкий Несторыч.

Рыжий шофер Петька с недвижимым, замороженным лицом придерживал дверцу. Толяня залез на заднее сиденье, и Аверкий Несторыч рядом с ним сел, за голые плечи хотел обнять.

— Не надо, больно...

— Гони, Петька! В район, в больницу гони! — крикнул Аверкий Несторыч.

«Газик» развернулся на дорогу в райцентр.

Толе Маленькому страшно показалось остаться в поле одному — бросился за машиной. «Подождите меня!» — крикнул. Да где там. Не догнать. Под ногой что-то хрустнуло. Наклонился, поднял. Часы Толянины, марки «Полет», самозаводящиеся. Стекло потрескалось, оплавилось, но стрелки не стояли на месте — отсчитывали. Секунды, минуты...

И тогда он побежал. Необъяснимый страх гнал его с поля. Бежал, не видя пути, спотыкался и падал, и снова вставал. В кровь сбил пальцы на ногах, но не чувствовал боли. Сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из грудной клетки, он задыхался, судорожно глотал воздух, но бежал и бежал.

Странная мысль жила в нем, вернее, две мысли.

Он, Толя Маленький, первым скажет родителем Толяни о том, что случилась беда. Он первым скажет, потому что первым увидел ее, потому что он был рядом с Толяней.

А если убежать подалее, так, чтобы не видеть поля — может, окажется, что ничего и не было, ничего не случилось. Может, все это кошмар, видение, дурной сон.

Желание быть первым и надежда на несбыточное подгоняли его.

...У избы Морозовых толпились люди — к порогу не пробиться. Толя Маленький чуть не налетел на Гриню, чуть не сбил его с тележки.

— Погоди, — осиплым голосом сказал Гриня-Война. — Не спеши, они уже все знают.

Протянул руку к мальчишке, будто в клещи захватил его кулак,

— Что это у тебя? Покажь! Часы? Его часы, да?

Подержал их на ладони, к уху приложил.

— Слышь-ка, тикают. Живут... Пока ходят — и он жить будет. Остановятся — все. На, спрячь.

— Гриня, что это ты говоришь такое?

— Я знаю, солдат я. Смотри, чтоб ходили...

И был день — они пришли сюда вчетвером.

Володя Кашин.

Володя Бортаковский.

Толя Маленький.

Слава Морозов.

Пришли прямо с кладбища. В их зрачках еще не остыл алый шелк стягов над запеленутым в красное полотнище гробом.

— Его поле, — тихо сказал Володя Бортаковский.

— Толино, — эхом отозвался Кашин.

И ребята замолчали, задумались, потому что не было у них больше слов, потому что устали они от тех речей, которые говорились над открытой могилой их товарища.

«Сто пятьдесят гектаров пшеницы спас Анатолий Морозов, — сказал Аверкий Несторыч. — И какой пшеницы! Элита! Высший класс! Даже в условиях засухи — тридцать центнеров с гектара...»

«Разве беду и славу меряют на гектары? Взвешивают на центнеры? — подумал тогда Толя Маленький. — Разве такие слова нужны сейчас?»

Но какие нужны были слова — он не знал.

И когда над старым кладбищем прогремел винтовочный салют, и в ряду солдатских могил вырос еще один холмик, и укрепился над ним обелиск с красной жестяной звездой, они — все четверо, не сговариваясь, пошли сюда. На Толино поле.

Постоять. Помолчать. Вспомнить.

Поле! Наше, единственное...

Сколько раз прошло ты через сердце тысячелетнего русского человека, всегда оставляя в памяти жестокую зарубку... Куликово поле. К этим местам совсем близко оно лежит: Толя Морозов знал к нему дорогу... Бородинское поле. Недремлющие кутузовские орлы стерегут его покой... И те заснеженные поля близ разезда Дубосеково... И другие — у селений Прохоровка и Поньри...

Теперь вот Толиным поле назвали. Совсем оно крохотное, поле его брани. Желтыми шалашами торчат на нем соломенные скирды, и тени их велики и неуклюжи. Дубравино вдаль синее садами. Знающий человек быстро сообразит — под какой кровлей какой хозяин живет.

И только там, где горели стерня и солома, где даже землю изгрызло злое пламя, но, наступая, раздавили его гусеницы трактора, поле запахано. Пласты чернозема, вывороченные плугом, пепельны от зноя, крошатся в пыль под ногами.

— Корягин пахал, — сказал Толя Маленький. Никто не обратил внимания на его слова.

— Значит, завтра уходишь? — спросил Володя Бортаковский.

— Завтра, — отозвался Кашин. — Я и чемодан собрал, уложил, что надо.

— В танковые?

— Военком сказал: в танковые.

— Он тоже хотел в танковые, — напомнил Толя Маленький. Ребята не откликнулись, промолчали, и Толя, потерянно ковырнув носком ботинка спекшуюся в борозде землю, сказал:

— Корягин запахивал. Через час он сюда с плугом вернулся. Следы заметал. Прикинулся, что растерялся, оторопел... Мог бы на буксире Толяню выдернуть, когда полыхнуло. А он от волокуши отцепился и — наутек. Да и в огонь мог не допустить — мужик ведь, сильный. Огонь какой был!.. У меня вон брови обгорели.

— Я пришел к нему в больницу, — повернулся Кашин к Бортаковскому, — а он весь в бинтах лежит. Хочу спросить: как терпишь, Толянь, ведь живого места на тебе не осталось? А язык не поворачивается. Он меня спрашивает: «Дядя Митя не очень обгорел? Держится?» Так и не понял, что предал его Митяй. Думал, вдвоем они с огнем боролись...

— Толяня тоже хотел в танковые, — упрямо повторил Толя Маленький, не поднимая головы.

— Ну да, — кивнул Кашин, — само собой. Мы в одной части служить собирались, в отпуск вместе приехать мечтали.

— Был бы, Володя, ты рядом, а не Митяй. Всегда вы вместе, а тут...

Толя Маленький сбременно махнул рукой, выпрямился.

— Да что там говорить! Я тоже струсил. Не удержал его. И не помог.

— Толяню не удержишь, — тихо сказал Слава Морозов. Как о живом сказал. И это были первые его слова на поле брата.

Эпилог

Вот и близится к завершению мой рассказ о том, что случилось в Дубравине.

На главной площади районного города в соседстве с поднятым на постамент боевым танком Т-34 стоит теперь старенький ДТ. Его — Толянин — трактор. Он подлатан и окрашен заново руками Толиных товарищей, но краска плохо держится на его корпусе, шелушится, осыпается, словно жжет ее изнутри невидимый огонь. И там, где опадает краска, тотчас проступает окалина.

Быть может, вовсе не стоило прятать ее под лаком?

Курсанты-механизаторы, садясь за рычаги

учебных машин, начинают свой путь отсюда, с этой площади. Отсюда — в теплый весенний день — проложил свой первый след на земле и Толя Маленький. Зачет по вождению трактора принимал у него инструктор Владимир Бортакowski, временно командированный колхозом в училище.

— Ну что ж, Кошелев, кажется, получается, — скуповато похвалил курсанта наставник.

— Теперь Славкин черед, — обрадовался Толя Маленький. — Зря что ли часы Толянины я ему отдал?

— И Славка подрастет, — спокойно согласился Володя. — Только учить его ты будешь. Мне военком повестку прислал.

— В танковые, небось?

— Как водится...

А в Дубравине, в доме, где безрадостная «кукушка» отсчитывает сонное время, сутки напролет царит глухая тишина. И в этой тишине особенно явственны всякий шум, всякий случайный шорох, всякое движение. Приходя с поля, Корягин лениво переодевается, садится за стол в ожидании ужина, погружает лицо в сдвинутые ладони. «Зачем он это сделал, зачем? — силится понять Корягин. — Зря или не зря? Хлеб мог сгореть... Так ведь новый посеять можно. И трактору цена, поди, тыща рублей. А жизнь — однуединственную — в какую копейку оценишь? Да жил ли он? А и жениться успел, и дите оставил, и память по себе... Матери горя сколько. И жене. Вдове. Тоже не мед... Так зря или не зря?»

— Митя, — осторожно зовет жена, — ты ешь, а то простынет.

Корягин вздрагивает, поднимает на нее усталые, полные затравленной тоски глаза, и жена видит, как безнадежно, резко состарился он лицом.

— Я чего... Я все думаю, Павлина, когда мы за девочкой-то поедем?

Павлина, не отвечая, подходит к окну, чуть сдвигает в сторону занавеску и смотрит — долго, неотрывно, жадно. В этот час в доме напротив, через дорогу, выходит на высокое крыльцо Валя с дочкой на руках. И снова открывается дверь — бабушка несет внучке одеяло и погремушку.

Жизнь-то идет, жизнь продолжается.

ЛЕТАЮЩИЙ ЗЕМЛЯК

Юрий
РЯБОВ

Август 1887 года. Московская губерния наблюдает полное солнечное затмение.

...Поле. Толпы народа окружили воздушный шар. Вокруг шара загородка, рядом целая баррикада из шпал, на которых стоят аппараты для получения водорода...

В корзину пристроили барограф, два барометра, бинокли, спектроскоп, электрический фонарь и сигнальную трубу. С шара предполагалось зарисовать корону солнца, наблюдать движение тени и произвести спектральный анализ.

В 6 часов 25 минут к корзине подошел Дмитрий Иванович Менделеев.

— Отдавай!

Шар рвануло кверху, и при криках «ура!» он исчез в вышине.

«Как сейчас, вижу, — писал в свое время дядя Гиляй, — известный писатель и журналист В. Гиляровский, — огромную фигуру профессора, его развевающиеся волосы из-под нахлобученной шляпы... Он разбирается в веревках. И сразу исчезает... Делается совершенно темно... Стало холодно и жутко...»

Мужики за несколько минут перед этим смеялись: «Уж больно господа хитры стали, заранее про небесную планиду знают... А никакого затмения не будет!» Эти мужики теперь в ужасе бросились бежать почему-то к деревне... Кто-то лег на землю... Молятся... Причитают...»

Конечно, слухи об этих «ужасах» дошли до Сибири, до Тобольской губернии, до села Аремзян, где провел свои детские годы Дмитрий Иванович. Но где он сам? Что с ним?

А в 1899 году узнали: Менделеев жив, приехал в Тобольск и будет в Аремзянах.

«Вся деревня, — писал позднее один из жителей, — принялась готовить Дмитрию Ивановичу теплую встречу. На работу никто не выходил. Все оделись в праздничные наряды и вышли на улицу встречать земляка».

И вот появился на улице экипаж. Сняв широкую шляпу, поправив длинные седые волосы, Дмитрий Иванович приветливо улыбнулся, потом низко поклонился крестьянам, принял хлеб-соль и спросил: «Кто меня помнит в детстве?»

Из толпы вышло несколько стариков.

— Хотели послать вам письмо. Да куда направить? Слышали, поднялись на шаре и куда-то улетели.

— Правда, — сказал, улыбаясь, Менделеев, — я летал, но не улетел, а спустился на землю.



Необычная операция

Амир
МУРАТОВ

Вот какую удивительную историю рассказал мне Кутдус Абсалямов, рабочий Юлдыбаевского совхоза Зилаирского района Башкирской АССР.

Это случилось в годы Великой Отечественной войны. Выполняя специальное задание, он с группой минеров отправился в тыл врага. Задание было успешно выполнено, но на обратном пути Кутдуса тяжело ранило: мелкие осколки мин попали в глаза. Товарищи перенесли Кутдуса через линию фронта, а затем он был доставлен в военный госпиталь, находившийся в городе Острогорске.

Врачи вынуждены были удалить Абсалямову правый глаз, а левый, хотя на прозрение надежды не было, оставили.

Прошло около недели. Фронт приближался к Острогорску. Во время очередной бомбежки сгорел госпиталь. Слепой Кутдус, который в самом начале успел спрятаться в траншее, вырытой в госпитальном саду, остался жив, но попал в плен.

За два года неволи Абсалямов побывал в двенадцати концлагерях. Он испытал на себе все тяготы фашистского рабства: и голод, и холод, и побои.

В лагере возле Витебска его продержали сравнительно долго.

Там Кутдус и встретился с врачом Беловым, таким же как он, военнопленным. Вот как это произошло.

Однажды Белов пришел в блок, где находилась команда слепых.

— Ребята, — вдруг обратился он к ним, — в плену и зрячему и слепому одинаково плохо — все мы белого света не видим. Однако глаза нам еще пригодятся в будущем, чтобы увидеть светлый день освобождения, — и, тщательно осмотрев слепых, некоторым из них назначил операцию.

Никто ему сначала не поверил. Какая может быть операция в условиях концлагеря!

— Операцию буду делать я, — заявил Белов и тут же предупредил: — Но фашисты не должны ничего знать!..

Первым на операцию согласился Абсалямов. Узник-врач с помощью простейших инструментов — ножниц и ножа — в полутемном подвале уверенно принялся за дело.

Волшебные золотые руки хирурга совершили великое чудо: Кутдус Абсалямов, два года не видевший, вновь прозрел! Слабо, но видеть различал предметы, людей. Поверил в смелость и успех врача, еще четверо пленных советских солдат, в том числе Николай Сысоевский из Калининской области, легли на операционный «стол» Белова. Все операции прошли удачно: все четверо прозрели!

С приближением Советской Армии немцы поспешно начали угонять пленных в глубь своего тыла. Отправили их в наглухо закрытых вагонах. Семеро суток вагоны держались запертыми, узникам не давали никакой еды. Доехали до лагеря Торунь. Здесь стало известно, что Белов — еще несколько военнопленных, якобы, были убиты при попытке к бегству в пути следования. Так ли это?

Кутдус Абсалямов был освобожден из фашистского плена за месяц до окончания войны. Его отправили для лечения в Ленинград, в госпиталь № 2011.

В Ленинграде Абсалямову повторно оперировали левый глаз. Здесь никто не поверил его рассказу о том, что узник-врач в условиях фашистского лагеря, располагая примитивными инструментами, осмелился сделать столь тонкую операцию. Только один врач заявил:

— Не удивляйтесь. Я Белова хорошо знаю, мы вместе кончали институт. На такой отчаянный поступок он вполне мог решиться.

Врачи поздравили Абсалямова с успешным выздоровлением: «Счастливый ты, парень: если бы Белов тебя не прооперировал своевременно, остался бы ты вечно слепым».

С тех пор вот уже 27 лет Кутдус Абсалямов видит белый свет, радуется жизни, трудится, воспитывает шестерых детей. Часто рассказывает о своем детям о подвиге врача-патриота.

А что стало с самим Беловым? Жив ли он! До войны он учился в Ленинграде, в медицинском институте. Тогда первое слово — за ленинградскими следопытами,



ЖЕНЩИНА С ГЕРОЙСКИМ ДУХОМ



Слова, вынесенные в заголовок, принадлежат

А. Н. Радищеву

и относятся

к Елизавете Васильевне Рубановской,

личность и подвиг которой достойны

увековечения

так же, как и подвиг

жен декабристов.

В памяти самого Радищева, до конца дней

сохранявшего самые светлые воспоминания

о Е. В. Рубановской,

ее имя связывалось с годами пребывания

в сибирской ссылке. 2 марта 1791 года

в Тобольске

произошла их встреча,

9 апреля 1797 года

здесь же Радищев проводил свою подругу

в последний путь.

Публикуя очерк, «Уральский следопыт»

отдает тем самым дань уважения

замечательной

русской женщине,

вошедшей в историю

вместе с именем А. Н. Радищева,

225 лет со дня рождения которого

исполняется

в августе этого года.



25 июля 1790 года, выслушав смертный приговор («...лиша чинов и дворянства... казнить смертию»), Радищев в Петропавловской крепости написал завещание, в котором обращался к детям: «Помните, что мать ваша, умирая, поставила над вами вместо себя сестру свою и друга, тетку вашу Елисавету Васильевну, которую, доколе живы будете, матерью именуйте».

Здесь же указывалось, что принадлежащий ему дачный участок Радищев отдает «навсегда» ей, «а она отдаст его моей Катерине (дочери писателя. — А. Т.) после себя, если она то заслуживать будет... Батюшку просить также, чтобы всех моих людей отдал в распоряжение Елисавете Васильевне...»

Через день, 27 июля, беспокоясь о судьбе детей, Радищев дополняет:



«Больших Василия и Николая отдать в пансион, а меньшого Павла в какое-либо училище... Дочь мою Катерину прошу оставить в распоряжении Елисаветы Васильевны...»

Советуя сестре Елисаветы Васильевны Дарье выйти замуж «за человека благонаправного», он тут же деликатно оговаривается: «Зная весьма чувствительное сердце Елисаветы Васильевны и худое ее здоровье, я такового же совета ей дать не смею. Время и обстоятельства, ее сердце могут ее наставить, ити ли ей замуж или нет».

В этих словах выражено чувство глубокой признательности и уважения к Елизавете Васильевне, горячее стремление облегчить положение этой скромной женщины, остающейся в одиночестве и нуждающейся в поддержке.

Известно, что в 1791 году Е. В. Рубановская последовала за «помилованным» Радищевым в Сибирь, преварив тем самым подвиг жен декабристов. Она делила с ним все тяготы сибирской ссылки, помогала преодолевать трудности, ободряла его.

Но только ли это имел в виду Радищев, когда говорил о ее героизме?

В героической, подвижнической жизни самого Радищева Елизавета Васильевна заняла достойное место. На ее глазах и, надо думать, при ее содействии он создал самые значительные произведения (оду «Вольность», «Житие Федора Васильевича Ушакова», «Путешествие из Петербурга в Москву»), приобрел печатный станок, тайно отпечатал книгу, перед арестом переправил куда-то черновики «Путешествия».

По крохам собранные в архивах и забытых мемуарах биографические сведения позволяют охарактеризовать личность Е. В. Рубановской с достаточной ясностью. Подруга Рубановской, Г. И. Ржевская (в девичестве — Алымова), писала: «Искусное перо могло бы написать целую книгу о ее добродетелях, несчастьях и твердости духа, которая послужила бы к назиданию многих».

Елизавета Васильевна родилась в семье камер-фурьера¹ В. К. Рубановского, человека весьма образованного, увлекавшегося искусством, музыкой, литературой. Он был знаком с известными драматургами того времени — Д. И. Фонвизиним, В. И. Лукиным, Е. П. Елагиним и другими писателями и считался, как видно, страстным театралом. Это не могло не отразиться и на воспитании детей.

Кроме Елисаветы, у него было еще

¹ Камер-фурьер — придворный чин, в обязанности которого входило объявлять о распоряжениях по двору, предстоящих празднествах, траурных днях и т. п.

две дочери — Анна (впоследствии жена Радищева) и Дарья. Воспитание они получили в только что открытом Воспитательном обществе благородных девиц (Смольном институте).

В «Списке благородных девиц с 1765 по 1774 гг.» указаны даты приема сестер в Общество и время их рождения. В частности, в записи под № 8 читаем: «7-го апреля 1764 г. — Елизавета Васильевна Рубановская, дочь двора ея императорского величества камер-фурьера, — 1758-го июля 13-го».

Екатерина II, по инициативе которой было создано это учебно-воспитательное заведение, пристально следила за своим «детисцем». Елизавету Васильевну (вместе с немногими другими) она выделяла и даже сообщала о ней в письмах, адресованных Вольтеру и любимой воспитаннице Левшиной.

В апреле 1776 года, после двенадцати лет обучения, состоялся торжественный выпуск воспитанниц. На нем присутствовали «отцы, матери, родственники и друзья», а также «иностранные обоего пола персоны», с трудом разместившиеся в помещении. По всей видимости, на выпускном торжестве находился и А. Н. Радищев с женой Анной Васильевной. Он только что вышел в отставку.

В числе пяти лучших воспитанниц Е. В. Рубановская получила золотую медаль «большой величины». Не приходится сомневаться в том, что годы пребывания в институте с его камерной системой обучения и воспитания оказали свое воздействие на формирование идейных, религиозных и нравственных представлений Елизаветы Васильевны. Вряд ли ей было свойственно критическое отношение к императрице, к существующему строю.

И все же уже тогда в ее натуре было что-то незаурядное. Уже упомянутая нами подруга Елисаветы Васильевны Г. И. Ржевская (Алымова) писала в своих «Памятных записках»: «Из других моих привязанностей в Смольном, одна лишь дружба с г-жой Рубановской была серьезным чувством. Она осталась моим единственным, искренним другом до последней своей минуты. С обеих сторон чувство доходило до совершенной преданности. По смерти ея я имела счастье оказать услуги ея семейству, детям и тем исполнила священный долг, заплатив за ея дружбу, которая до того времени не требовала ни малейшего жертвоприношения».

Выйдя из Смольного, Елизавета Васильевна столкнулась с прозой внутрисемейных отношений. Умерли отец и мать, старшая сестра Анна — жена А. Н. Радищева. Мачехе не было дела ни до падчерицы, ни до овдовевшего зятя. Младшая сестра Дарья, как явствует из одного пись-

ма Г. И. Ржевской, стремится прибавить к рукам оставшееся от родителей имущество. В этих сложных обстоятельствах жизни Елизавета Васильевна сближается с семьей Радищева, помогает ему в воспитании детей.

Взяв на себя после смерти сестры обязанности матери детей Александра Николаевича, она стала жить его жизнью, И, как видно из документов, поддерживала писателя в его замыслах не только морально, но и материально. 7 ноября 1786 года Елизавета Васильевна получила свидетельство на дом (находившийся «в Большой Миллионной улице в 1-м квартале под № 37»), удостоверявшее, что «спору на одной дом никаких, исков и запрещения нет». Это давало право заложить дом и получить в банке соответствующую денежную сумму.

Вполне вероятно, что эти денежные хлопоты были связаны с расходами на издание книг Радищева — «Жития Ф. В. Ушакова», а затем «Путешествия из Петербурга в Москву».

Летом 1788 года Александр Николаевич купил у вдовы банкира Фридриха небольшой участок земли рядом с дачей Елисаветы Васильевны. Мачеха к тому времени жила своим домом, сестра Дарья искала выгодную партию. Так что имени Елисаветы Васильевны и Радищева составляли их общее достоинство. Они сообщают воспитывают детей, принимают гостей и навещают друзей.

Кроме сослуживцев Радищева, в эти годы у них нередко бывала институтская подруга Рубановской Г. И. Ржевская. Вполне вероятно, что в доверительных беседах Радищев мог высказывать мысли, которые его так занимали и составили идейную сущность «Путешествия», над которым он тогда работал. Может быть, не без его влияния и прозвучали в «Памятных записках» Ржевской некоторые критические оценки придворной жизни. «Имея некоторую душевную гордость, — писала она, — я не поддавалась превратностям судьбы и, посреди рабства, сохранила независимость, хотя носила цепи ими налагаемые».

Что касается Елисаветы Васильевны, то ей Радищев доверялся вполне и во всех отношениях. Чем далее, тем более трезво она разбиралась в жизни и в людях, постигала истину, открытую ей другом.

Буря, разразившаяся в связи с выходом «Путешествия», еще более сблизила Елисавету Васильевну с Радищевым. Решительная и мужественная женщина, она, чтобы помочь ему, продала дом, доставший ей в наследство после отца. По воспоминанию сына писателя, Павла, Елизавета Васильевна каждый день посылала слугу Козлова «с гостинцами» к грозному обер-секретарю тай-

ной экспедиции Пешковскому, который вел дело Радищева. Один раз ей даже позволено было увидаться в крепости с Александром Николаевичем.

В тягостном ожидании судебного приговора тянулись дни. Прежние знакомые «забыли» дом Радищева. Смертный приговор автору «Путешествия» уже был объявлен, и более месяца он ждал в одиночном каземате Петропавловской крепости его исполнения. Написанное им завещание так и осталось у Пешковского. И если бы не победоносное окончание войны со Швецией, расправа с «бунтовщиком хуже Пугачева» была бы совершена. Но, опасаясь вызвать осуждение передового русского и западноевропейского общественного мнения и желая прослыть милосердной, Екатерина II смягчила приговор. «Наконец, — пишет сын Радищева, — в одно утро (в сентябре) является полицейский офицер... и объявляет его семейству, что Радищев приговорен к ссылке в Сибирь на 10 лет. Ссылка на 10 лет при Екатерине II значила на всю жизнь. Елизавета Васильевна зарыдала».

Радищев был увезен из Петропавловской крепости негласно. Существует версия, что Елизавета Васильевна не смогла проститься с ним из-за разведенных мостов. Оставшись одна, она немедленно начинает выяснять возможности отъезда вслед за Александром Николаевичем. Судя по всему, у них уже была договоренность об этом.

30 января 1791 года Рубановская оформила «верющее письмо» (доверенность) на продажу принадлежащей ей дачи. В те же дни была оформлена доверенность Н. А. Радищева (отца писателя, приехавшего в Петербург помочь Елизавете Васильевне собраться в дорогу) на дачу сына, находившуюся рядом с участком Е. В. Рубановской. Оба документа выданы на имя старой подруги — Г. И. Ржевской.

Доверенности были составлены 30 января, а 2 марта Елизавета Васильевна с детьми и дворовыми уже прибыла в Тобольск, где находился ожидавший ее Радищев. В одном из писем графу А. Р. Воронцову он сообщал: «Сначала я хотел лишь дожидаться окончания сильных морозов, чтобы снова двинуться в путь, но я заболел горячкой, которая продолжалась немного менее месяца. Тем временем я получил верное известие, что друзья мои хотят разделить со мною мое одиночество; сознаюсь, мне очень хотелось, чтобы они застали меня еще здесь».

Путь самого Радищева от Петербурга до Тобольска (с остановками в Москве и других городах) занял около трех месяцев. Зная, что после оформления доверенностей Елизавета

Васильевна должна была задержаться по другим делам в Петербурге, а затем в Москве, можно заключить, что тот же путь ею был проделан менее чем за месяц, причем в самые жестокие морозы. Она спешила к своему другу, который, по его собственным признаниям, порою был готов покончить с собой, не доезжая до места ссылки.

Нельзя не поражаться самоотверженности этой слабой здоровьем, но сильной духом женщины, пренебрегшей мнением «света» и спешившей разделить и облегчить положение ссыльного писателя. Сообщив А. Р. Воронцову о приезде Елизаветы Васильевны, Радищев продолжает: «Видно, судьба хотела, чтобы, приведенный стечением обстоятельств... на край пропасти, что говорю я — на край! — низвергнутый в бездну, тем более ужасающую, что она угрожала мне утратой чувства, я внезапно оказался выплывшим из пучины... Способен ли я к счастью? — Да, милостивый государь, способен... Да, жить; да, я еще буду жить, я не стану прозябать...»

До нас дошло несколько приписок Е. В. Рубановской к письмам А. Н. Радищева из Сибири, в которых она лаконично выражает благодарность покровителю Радищева А. Р. Воронцову за внимание и доброту.

Примечательно, что в этих ее строках, в отличие от некоторых писем самого Радищева, нет ни намеков на плохое здоровье и самочувствие, ни жалоб на трудности. А между тем Елизавета Васильевна часто и подолгу болела.

Можно с уверенностью сказать, что Рубановская была не просто хорошей женой Радищева и заботливой матерью для его детей, а жила его духовными интересами. Оба они одинаково внимательно и гуманно относятся к простым людям (жителям Илимска, в частности), увлекаются театром, читают литературу. Во время пребывания в Тобольске, став «большим домоседом», Радищев перечитывает вместе с Елизаветой Васильевной своего любимого Вольтера.

Немногие и краткие свидетельства лиц, знавших Е. В. Рубановскую по встречам в Сибири, характеризуют ее в высшей степени положительно. Так, жена иркутского губернатора Е. Пиль, сообщая 15 октября 1791 года Воронцову о приезде Радищева, добавляла: «Что ж принадлежит до Елизаветы Васильевны, то она редкой своей дружбой к Александру Николаевичу и материнским попечением к малолетним его детям также заставляет всякого иметь к ней совершенное почтение».

Поразительная самоотверженность Рубановской проявилась и во время жизни в Илимске. 17 декабря 1795 года в жесточайшие морозы она одна отправилась из Илимска в Иркутск искать управы на местных

чиновников, притеснявших ссыльного писателя (сам Александр Николаевич не имел права выехать из острога), и успешно справилась с этой нелегкой задачей. С получением известия о смерти Екатерины II она, опять одна, решается немедленно ехать в Петербург, чтобы похлопотать перед Павлом I о Радищеве.

18 декабря 1796 года А. Н. Радищев получил из Иркутска долгожданное уведомление о разрешении вернуться из ссылки. Однако Елизавета Васильевна вернуться вместе с ним было не суждено.

«Морозы были ужасные, — сообщает П. А. Радищев, — свыше 30 градусов. Елизавета Васильевна простудилась и занемогла. Остановились в Таре... Там ее соборовали маслом, болезнь усиливалась. Радищев поспешил в Тобольск до вскрытия рек, тем более, что в этом городе можно было найти больше медицинских пособий. Но все усилия науки были тщетны». 7 апреля 1797 года Елизавета Васильевна умерла в Тобольске, в том же самом доме, в котором произошла ее встреча с Радищевым 2 марта 1791 года.

1 июня 1797 года Радищев пишет Воронцову: «О, почему жестокая судьба не пожелала, чтобы та, что помогала мне переносить мое несчастье, разделила со мною сладчайшую радость свидания с вами. Она стремилась к этому так же, как и я». Через две недели после прибытия в село Немцово Калужской губернии, 24 июля 1797 года, он признается: «Воображение порою и теперь переносит меня туда (в Илимск. — А. Т.); потрясенный, переставший быть, так сказать, самим собою, вследствие роковой утраты, постигшей меня в Тобольске, я продолжал следовать за моими воспоминаниями...» На другой день он сообщает А. А. Ушакову: «Сопутница верная моего бедствия, друг мой Елизавета Васильевна... скончалась в Тобольске. Я истинно могу сказать про себя, что я осиротел... Я несчастливее теперь себя чувствую, нежели как то я был в Илимске». 13 августа того же года Радищев пишет своим старшим сыновьям в Киев о «нашей невозвратимой утрате, о смерти их «возлюбленной матери...»

Характеризуя взаимоотношения Елизаветы Васильевны и Александра Николаевича, П. А. Радищев писал: «Это был союз, основанный на взаимном уважении и доверенности к чувствам и характеру один другого. Он всегда говорил о ней, что это была женщина с героическим духом».



ЗАПОЛЯРНАЯ

**Виктор
ХОХЛАЧЕВ**

Рисунки
и фото автора

Было такое впечатление, будто мы повисли в воздухе, — до того однообразным было это бесконечное множество блюдечек-озер, разбросанных внизу чьей-то щедрой рукой.

Наш «Антон» вдруг завалился на бок, и пилот бросил мне через плечо: — Зашиверск!

О Зашиверске, таинственно погибшем в якутской тайге древнем русском городе, мне пришлось слышать много противоречивого. Одни говорили, что население города почти начисто вымерло еще в двадцатых годах прошлого столетия от эпидемии черной оспы, которая позже, в 1872 году, унесла половину людей всего Колымского округа. Другие уточняли: последних жителей якутской Мангазеи болезнь скосила только в 1883 году. Третьи уверяли: город погубила не оспа, а чума.

И по сей день жалкие остатки некогда шумного северного города покрыты пеленой таинственности. Но если причины и время гибели Зашиверска остаются пока что не выясненными до конца, то сама по себе картина трагедии, разыгравшейся некогда на берегах Индигирки, описана довольно ярко в тунгусских легендах, где факты хитроумно переплетаются с домыслами.

Если верить преданиям, кочующим по азиатскому Северу, дело было так. На многолюдную ярмарку, которая ежегодно устраивалась тогда у стен знаменитой казачьей крепости, съехались, как всегда, желанные гости — солдечкине следопыты, снайперы без промаха. Привезли они богатые трофеи — мягкую рухлядь, добытую в колымской тайге и в аллаховской тундре. Весь день шла бойкая торговля. В обмен на пушнину светловолосые бородатые купцы выносили из изб все новые и новые диковинные товары — бисер, железную утварь. В разгар торгов появился на площади увесистый окованный сундук с драгоценными украшениями и яркими тканями. И пошли в ход новые партии дорогих шкурок. А утром все, кто прикоснулся к тому сундуку, к вещам, взятым из него, не смогли встать. Даже бывалые звероловы, не раз в одиночку ходившие на медведя, лежали пластом.

Зашиверск посетила «черная бабушка» — оспа, уже не раз навевшая

ужас на местных жителей. Люди в панике бросились бежать из зараженного города. Болезнь стала распространяться по округе, особенно вниз по реке, по которой беглецы сплавлялись на лодках-ветках, карбасах, на связанных наспех плотках. Весть об эпидемии докатилась до якутского губернатора, и он выслал для ликвидации очага смертельной заразы отряд казаков. Экспедиция напоминала карательную: силой оружия казаки загнали всех зашиверцев в острог. Каждого, осмелившегося выйти за ворота, подстерегала смерть. А потом обложенный со всех сторон город, вместе с его обреченным населением, посланцы губернатора сожгли дотла...

С тех пор люди обходили это ужасное место стороной. Народная молва наложила на него своеобразное проклятие — карантин на 400 лет, срок которого истечет лишь к 2275 году. И все же в последние годы нашлись смельчаки, на свой страх и риск навывавшиеся к опасным пепелищам Зашиверска.

Врачи Момской районной санэпидстанции объяснили мне, что возможность заражения, действительно, не исключена и по сей день, поскольку почва в свое время не была как следует обработана.

...Оставив позади срубленное им зимовье — Верхоянск, Посник Иванов приказал своим служилым людям идти к берегам неведомой Собачьей реки. Об этой реке енисейский сотник просыпал от местных юкагиров.

Юкагиры, что значит могучие, отважные, или, в другом переводе, — упавшие с неба, остатки некогда многочисленной народности, жившей в тундре, от Лены до Анадыря. Юкагирских огней было так много, гласят предания, как звезд на небосклоне в ясную ночь. Перелетные птицы исчезали в дыму юкагирских очагов, и северное сияние было отражением их многочисленных костров. До недавнего времени на севере Якутии местные жители называли полярное сияние юкагирскими огнями.

Как и чукчи, юкагиры принадлежат к палеоазиатам — древнейшим жителям Севера. Испокон веков занимались оленеводством и рыбной ловлей.



ПОМПЕЯ



Ленский воевода Петр Головин доносил дарю: «А юкагирская-де, государь, земля людна и юкагирская-де река рыбна, и в Индигирку-де, государь, реки многие впали, а по всем тем рекам живут многие пешие люди, а соболя и зверя много по всем тем землям, да у юкагиров же-де, государь, людей серебро есть».

Быт и обычай юкагиров ярко описаны в изданном недавно романе Семена Курилова «Ханидо и Халерха».

Весной 1639 года, взяв в качестве вожей (проводников) четырех плен-

ных юкагиров, отряд казаков, на конях перешел через хребет Таас-Хаятах, проник в верховья могучей горной Собачьей реки — Индигирки. По ней землепроходцы спустились до «Юкагирской земли», преодолев каменные уступы Момского хребта.

В конце трудного путешествия, за порогами, велел Посник построить зимовье, впоследствии названное Зашиверским. Здесь сотнику и его товарищам пришлось выдержать набег юкагиров. Целый день длился «крепкий бой». Защитники не только отразили

нападение, но и сумели захватить аманатов¹.

¹ Аманаты — заложники, отвечающие за исправную уплату ясака своими сородичами. Они обычно брались из числа князьков, их детей или ближайших родственников. В наказах московских царей воеводам указывалось: «Для укрепления за тем ясаком велеть служилым людям иметь в оманаты тех земли ясачных людей по сколько человек пригоже».

Осенью того же года в сколоченных на скорую руку кочах вышли казаки на разведку — вверх по Индигирке. В пути они вновь встретили юкагигов «на их жилищах на рыбной ловле» и первыми пошли в атаку, захватили еще несколько аманатов и взяли с победленных ясаки.

Последнее сражение у стен индигирского зимовья произошло весной 1667 года. Скопясь, рассказывают летописцы, приступали ночью «ламутские¹ мужики, собрав себе воровское великое собрание». Одни начали рубить острожные стены и ворота тополами, другие приставили лестницы к стенам. В зимовье в это время с сыном боярским Козмою Лошаковым было всего 15 человек, «а околных торговых и промысленных людей на Индигирке отнюдь мало, и оружия и свинцу и пороху нет, и взять негде». Тем не менее зимовщики успешно отбились от нападавших, которые убежали, пометав топоры и оружие — «луки и стрелы, и копыя, и рогатины».

С тех пор, после сокрушительного отпора, никто из юкагигов не осмеливался идти в Зашиверск с оружием. Все чаще в бревенчатую крепость с неприступными башнями теперь шли с миром, с щедрыми дарами тайги. Постепенно исчезли оборонительные стены вокруг Зашиверска. На их развалинах выросла косторезная мастерская. И зашиверские умельцы скоро прославились как мастера изделий из бивней мамонтов, сырья, кстати, здесь было много — целые кладбища мамонтов были обнаружены в индигирских кручах. Изделия зашиверских мастеров — поперечные срезы с бивня, шлифованные плашки, шахматные фигурки, скребки — недавно были найдены новосибирскими археологами.

Но не только «мягким золотом» и мамонтовой костью богаты были индигирские места. В 1669 году письменный голова Ефим Козинский отправил в Якутскую съезжую избу пять фунтов горного хрусталя, кристаллы которого он разыскал на Индигирке напротив зимовья. В сопроводительном письме голова сообщал, что, по показаниям ясачных юкагигов, на притоке Колыме — реке Ожигиной среди камней, в утесах и в ручьях в разных местах имеется немало «белых камень хрусталь».

Защищенный от ледяной Арктики западным флангом Момского хребта. Зашиверский острог был заложен не на очень удачном месте. Во время весеннего паводка город не раз затопляла Индигирка. Нетронутой осталась лишь приютившаяся на бугре церковь. В храме люди зачастую и спасались от наводнения. Замечательное творение древнерусского деревянного зодчества — Зашиверская

церковь была сооружена в конце XVII века. В бревенчатом срубе, установленном без фундамента, разместились трапезная, четверик и алтарь. В народе эту церковь, построенную во имя Спаса Нерукотворного, называли просто — «шатровый восьмерик на четверике с трапезной». В 1769 году здесь исповедовалось 922 человека — большим уже в ту пору был русский заполярный торговый центр Зашиверск.

После учреждения в Якутской провинции «комиссарства» Зашиверский острог был переименован в город. Все индигирские промысленники стали именоваться зашиверскими мещанами. В 1783 году особым указом императрицы Екатерины II Зашиверск был назначен уездным городом. Как и положено по статуту, здесь был городничий, солдаты и казаки, которым поручалось обеспечивать общественное спокойствие.

Население полярной Мангазеи занималось главным образом рыболовством и охотой. Основную часть горожан составляли выходцы из Великого Устюга, Сольвычегодска, Холмогор. Жили здесь также вятчи, мезенцы, белоозерцы, новгородцы и чердынцы, некогда прибывшие сюда на кочах через Северный Ледовитый океан. Жили в Зашиверске и принявшие христианскую веру эвены и якуты.

Из Зашиверска отряды служилых людей и рудознатцев ходили к Студеному морю. Через Зашиверск, попавший в Чертежную книгу Семена Ремезова, пролегла дорога из Якутска на Колыму. Здесь, в русской крепости на Индигирке, зародился самый северный в Сибири очаг земледелия. Фердинанд Врангель, побывавший с Федором Матюшкиным в Зашиверске в 1823 году, был приятно удивлен, когда 80-летний местный священник Михаил Слепцов угостил их супом с капустой из собственного огорода.

От Михаила Слепцова участники экспедиции услышали об огнедышащей горе, которая, якобы, «была прежде, пятьдесят лет тому назад», в хребтах, лежащих к западу от Зашиверска. Лейтенант Ф. Ф. Матюшкин — лицейский товарищ Пушкина и будущий составитель первого словаря чукотского языка — отправился было на поиски огнедышащей горы, но вскоре вернулся ни с чем. О своей неудаче он написал потом директору Царскоевельского лицея Е. А. Энгельгардту. Однако шли годы, а тайна сия оставалась за семью замками.

Вспоминя об этом историческом факте, учитель географии Момской школы, страстный краевед В. Д. Жирков, рассказал мне о молодом вулкане, что высится в каких-то 150 километрах от его родного села. Балаган-Таас — так называют его местные жители, что означает «каменная

юрта». Склоны этой горы буквально усыпаны сравнительно свежими вулканическими бомбами. Не о ней ли говорил зашиверский старец адмиралу Ф. Врангелю?

Всего в десяти километрах от двухсотметрового усеченного конуса вулкана находится величайшая наледь Улахан-Тарын. Этим ледяным полем, широкой лавиной протянувшимся на многие километры вдоль Момы, в свое время интересовался академик С. В. Обручев. И тут было чему изумляться: летом многометровый панцирь наледи не тает, а зимой, покрываясь паром и термальными водами вулканического происхождения, сохраняет на лютном морозе плюсовую температуру до шести градусов — и не тает.

И еще одну легенду напомнил мне Жирков. 20 лет назад мимо Каменной юрты проходил 450-километровый санний путь из Хонуу в Улахан-Чистай — в высокогорный край эвенов-оленевоодов. До шести суток занимала утомительная езда на нартах по таежным распадкам и перевалам. Сегодня туда проложена авиалиния. Но и поныне ходит легенда, что где-то там, в какой-то расщелине хребта, стоит еще один мертвый город, вроде Зашиверска.

Несколько лет назад В. Д. Жирков, отобрав самых смелых добровольцев-старшеклассников, отправился с ними в поход в овеянную легендами горную страну. Они добрались до неприступной цепи Победы, покорили одну из ее вершин. Если бы школьникам удалось подняться на самую макушку Победы, они наверняка увидели бы Момо-Селеняхскую впадину — вторую в мире по величине, уступающую только Калифорнийской долине. Но зато им удалось найти нечто более интересное: на одной из вершин — на пике Малтаны — они обнаружили... разбитый плот. Возможно, что это — останки судна русских землепроходцев, которые нередко перетаскивали волоком свои посудины через перевалы и водоразделы. А если это так, то не станет ли малтанский плот ключиком к загадке тайны момского Зашиверска?

Однако вернемся к Зашиверску индигирскому.

Царское самодержавие, по достоинству оценив географическое положение таежного города за бурными шиверами, поспешило использовать его как место политической ссылки. 1 июня 1796 года из Якутска под присмотром сержанта Охотина и одного казака в Зашиверск был отправлен житомирский городской голова Андрей Дубровский. Этот государственный преступник был причастен, якобы, к польскому национально-освободительному восстанию, под-

¹ Ламуты — эвены.

въятому Тадеушем Костюшко. Лишь на 52-е сутки добрались стражники с секретным арестантом до места ссылки. Власти обязали зашиверского городинного «употребить за ним смотрение, всякую осторожность и бдение, не позволяя ему ни с кем из живущих в городе иметь вольного обращения или посещения». Предписано также было ежемесячно доносить о его здоровье и поведении, наблюдать за его перепиской. Правда, в Зашиверске Дубровский прожил меньше года. 12 марта 1797 года поступил указ «О всемилостивейшем освобождении подпавших под наказание, заточение и ссылку поляков». И через два дня Дубровский выехал в Якутск.

После упразднения города в 1805 году и опустошительной эпидемии население Зашиверска сократилось более чем вдвое. Здесь остались лишь священник да несколько семей мещан и инородцев. Центр уезда перенесли в Верхоянск. Зашиверцы расселились по северным заимкам, на берегах озер и рек. Каждая избежавшая смертной участи семья теперь предпочитала жить обособленно: так меньше опасности заразиться и больше шансов на хороший улов и охотничий трофей.

Пережив сравнительно недолгую пору расцвета, некогда оживленный административный, торговый и культурный центр огромного Колымо-Индибирского края быстро пришел в упадок. Последней яркой страницей в истории города стал 1812 год, когда знамя-штангарт индибирских землепроходцев — «Нерукотворный Спас» — гордо взметнулось над Бородинским полем, вдохновляя защитников Багратионовых флешей. После знамени было подарено многострадальному Зашиверску, уже стоявшему на грани вымирания. Позже штангарт перевезли на север, в столицу озерного края — Абый.

К приезду Ф. Врангеля на опустевшем островке древнерусской культуры, к тому времени получившем название Старого города, насчитывалось всего семь домов. В 1883 году последовала заключительная вспышка эпидемии. Коварное дело, начатое «черной бабушкой», довершил пожар.

В 1915 году в селе Хонуу в возрасте 105 лет умерла последняя жительница исчезнувшего города мещанка Марья Тарабукина.

Учащиеся Момской средней школы, уже в сороковых годах нашего века ездившие из Хонуу под руководством учителя Афанасия Иннокентьевича Неустроева на развалины индибирского торгового города, разыскали там несколько старинных монет и вещей, погребенных под слоем пепла. Среди невысоких, заросших густым бурьяном бугров разыскали они коновязь, а меж обнаженных гробов

размытого речной протокой кладбища — каменную плиту. Текст, высеченный на ней петербургскими мастерами, гласил, что под ней покоится прах почившего 29 марта 1846 года в возрасте 62 лет князя и головы Эльгетского улуса Николая Ефимова.

А над городом-кладбищем возвышался главный сюрприз. Как зачарованные смотрели ребята на чудом сохранившуюся стройную шатровую церковь, на ее двенадцатиметровую звонницу и восьмигранную башню, венчающую алтарь. Слово из глубин веков пред ними предстала Московская Русь.

20 ноября 1958 года постановлением Совета Министров РСФСР Спасо-Зашиверская церковь была взята на учет как образец древнерусского деревянного зодчества, сохранившийся до наших дней в первозданном виде. Не уцелели только галерея и крыльцо. Все остальное, пережив века, осталось целехонким.

Суровый климат Якутии, соседство обоих полюсов холода — верхоянского и оймьяконского — предохранило строение от разрушения древесными вредителями. Частые и сильные ветры постоянно вентилировали церковь. Сруб не был закрыт позднейшей декорацией — тесовой обшивкой, и поэтому после каждого дождя он быстро просыхал. Сказалась и высокая прочность строительного материала — знаменитой даурской лиственницы. И, наконец, немаловажную роль сыграл страх, который многие годы отпугивал от этого места «диких» путешественников, туристов, любителей ставить автографы на достопримечательностях. Хотя, впрочем, вовсе избежать их визитов не удалось. Стены храма хранят на себе свежие следы ножевой татуировки, а пол — черные отметины от костра, от которого и сгорела часть досок на потолке трапезной.

Кусочек древней Руси в стране Олонхо тщательно исследовали археологи Сибирского отделения Академии наук СССР. Здесь провела раскопки экспедиция академика А. П. Окладникова.

Уникальная Зашиверская церковь была вывезена из тайги — по Индибирке и Колыме, Северным морским путем, вверх по Оби в Новосибирск, в историко-архивный музей Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР.

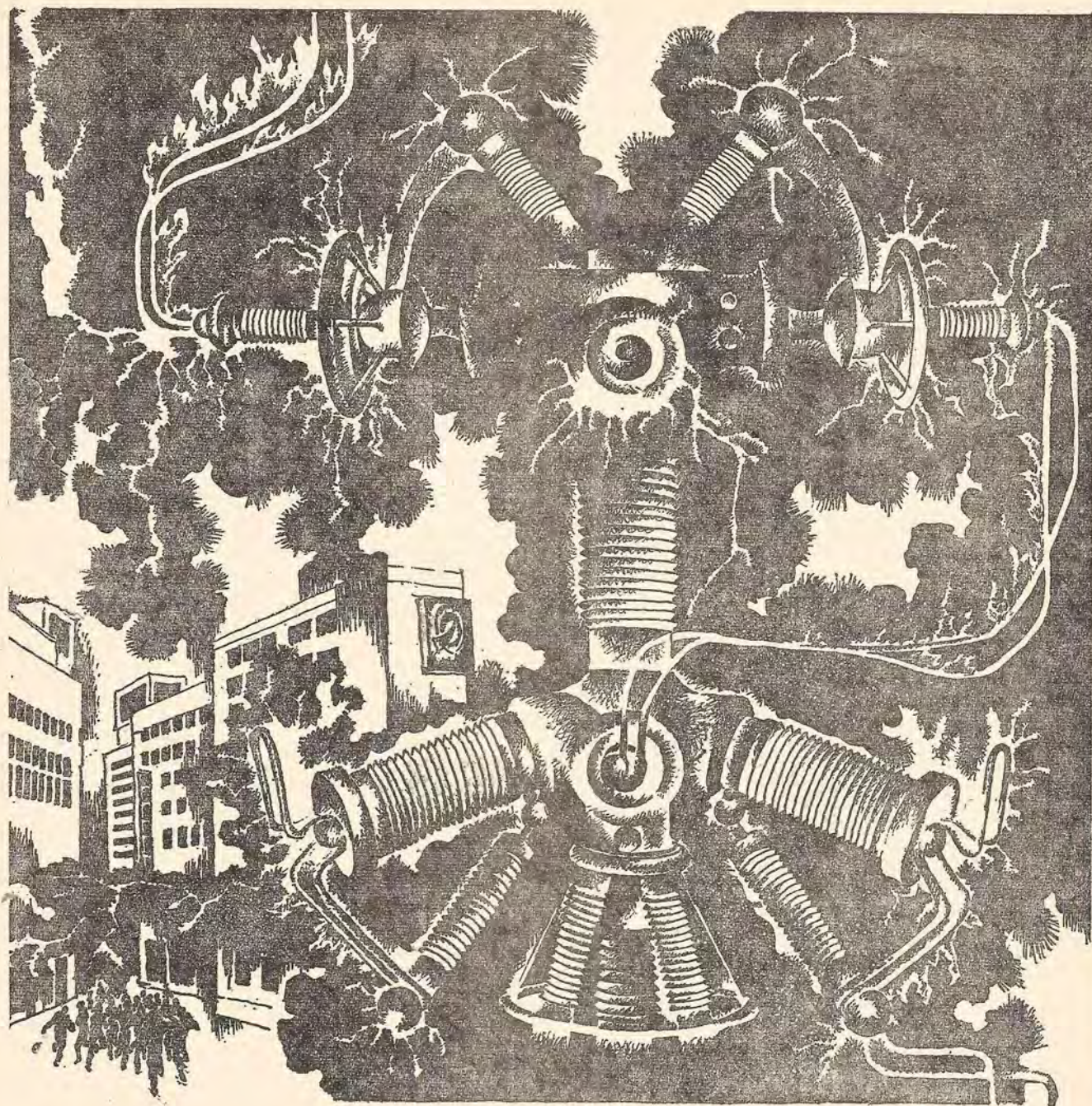
Демонтаж памятника растянулся на два года, вернее — на два лета. Надо было разобрать звонницу и башню, с помощью вертолета снять высокий шатер с главкой и крестом, промаркировать все детали. И только после этого погрузить все на баржи, которые доставили ценный груз к устью Индибирки, в Чокурдах. В общей сложности все работы в Зашиверске — раскопки и демонтаж — заняли три года.

Летом 1972 года на территории Новосибирского Академгородка, где под открытым небом создается историко-архитектурный музей русского деревянного зодчества, началось возрождение Зашиверского острога. Церковь уже собрана. Остальные сооружения города воссоздаются в натуральную величину опытными мастерами, которые возродили знаменитые Кижы. Северная Помпея, погребенная под пеплом на берегу Индибирки, рождается заново на Оби.

...Мы и сегодня точно не знаем, кто же первым срубил зимовье за бурливыми индибирскими шиверами — порогами. У Посника Ивана, имя которого все еще оспаривают историки (может, и в самом деле, — Иван Посник?) есть достойный соперник — мангазейский служилый человек Иван Ребров. Кто из этих двух лихих «охочих людей» основал форпост в Лено-Колымском крае, кто зодчий зашиверского храма, что погубило этот город — доподлинно это пока не известно.

Уже далеко от Зашиверска, на берегу северной пристани Дружина, я увидел и сфотографировал старинный колокол, которым там провожают речные суда. Старожилы уверяют, что сей колокол — с зашиверской звонницы.





ЗЕМНЫЕ ПРИМАНКИ

Хроника одного фантастического события

Журнальный вариант

50

**Дмитрий
БИЛЕНКИН**

*Рисунки
В. Меринова*

5.42 по среднеевропейскому времени — 6.42 по московскому

Всю смену он был глазом. Оставаясь Симоном Эвре — длинноногим, веснушчатым сыном почтенных родителей из Коммантри, — он был Глазом.

Сам о себе он так, конечно, не думал. Но это ничего не меняло, ибо сейчас его обязанностью было смотреть и видеть.

Что он и делал.

Беззвучный, как движение кошачьей лапы, фосфорический луч обходил экран радара. Озарялось пустое пространство неба, вспыхивали уступы далеких Альп, ярусы туч, которые сгустились над Роной, близкие вершины Божоле и Юры. Затем изображение таяло, пока его снова не оживлял фосфорический луч. Бодрствование и дремота, казалось, лениво боролись на экране, не уступая и не побеждая друг друга.

В любое время дня и ночи все пространство над Францией, над Европой, над большей частью беспокойного мира вот так просматривалось километр за километром. Спали Лондон и Нью-Йорк, просыпались Каир и Хельсинки, бодрствовали Токио и Сидней, а радарные импульсы, то расходясь, то скрещиваясь, пронизывали небо, и сотни людей, разделенные океанами и континентами, одинаково, хотя и с разными целями, вглядывались в экраны, которые их деды сочили бы фантастическими, а прадеды — магическим глазом.

Смена Симона Эвре подходила к концу. Светящейся точкой по экрану прополз рейсовый Рим — Лондон. Симон привычно зарегистрировал его появление, как регистрировал появление всех воздушных объектов, откуда и куда бы они ни шли. Рейсовый его не интересовал. То, что возникало в пространстве по графику, его

не должно было волновать. Летают и пусть себе летаю.

Иногда Симон представлял пассажиров такого вот уютного лайнера, которые видят вокруг пустыни небо и даже не подозревают, сколько глаз превозжает их полет. Пожалуй, он был бы не прочь поменяться с ними местами. Любезная улыбка стюардессы, коньячок, аэродром, такси... Э-э!

Рейсовый ушел с экрана. Грозовые тучи медленно отступали к Авиньону. Симон сладко потянулся, зевнул и вдруг застыл с полураскрытым ртом.

Импульсы возникли внезапно, словно по экрану ударила пулеметная очередь. Рука Симона рванулась к телефону. Но мозг тут же остановил панику. Догадки вскачь обгоняли друг друга. «Неисправность аппаратуры... — лихорадочно соображал Симон. — Или, может быть, «духи» — электромагнитные возмущения?..»

Луч плавно совершил оборот. Всплески не исчезли с экрана, а только сместились. «Это какая же у них скорость!..» — ошалело подумал Симон, испытывая жгучее желание немедленно доложить начальству.

Однако новый оборот луча высветил всплески куда слабей. Симон вздохнул, как игрок после удачного блефа. Дрожащими пальцами отстегнул клапан кармана и извлек сигарету.

Минуту спустя всплески окончательно исчезли, «картинка» приняла прежний вид.

«Духи», будь они трижды неладны! Сколько раз они сбивали операторов с толка, сколько раз из-за них поднималась тревога! Он правильно сделал, промедлив.

7.47 по местному времени — 6.47 по московскому

С потревоженного кустарника ссыпались капли ночного дождя. Коротко прошуршав,

окропили плащ, брызнули на стекла очков. Сумрак подлеса, земля с палым листом смазались и помутнели.

Не задерживая шага, Джегин сдернул очки. Мокрая завеса исчезла, но мир не стал четче. Доставая платок и локтем отводя ветки, Джегин продолжал идти туда, где неясный просвет обещал просеку.

Объемна и насыщена всякая минута жизни. Джегин видел размытый мир, неуверенно щурился. Сапог, запнувшись, рванул травяную петлю. Одновременно за шиворот скатилась капля, а голову пришлось резко наклонить, чтобы уберечь лицо. В то же время рука с заминкой продолжала тянуть сбившийся в глубине кармана платок, плечо перекосилось и напряглось, чтобы удержать ремень двустволки, и все это вызвало в Джегине мимолетное раздражение.

Думал же он о том, куда запропастился его напарник. И о том, почему холодит пальцы левой ноги — уж не прохудился ли сапог? По какой-то ассоциации мелькнула мысль о жене, которая не одобряла охоту, или, верней, то, что она понимала под этим словом. А грибной запах, когда Джегин наклонился, вызвал беглое сожаление об упущенных маслятах и белых. Но над всем брало верх азартное ожидание охоты, чувство свободы от обременяющих забот повседневности. И еще глубже скрывалась едкая тоска стареющего человека, который замечает медленный, из года в год, упадок сил, желаний, надежд и в душе готов на шальной поступок, лишь бы тот вернул ощущение молодости. Такой была последняя минута жизни Павла Игнатьевича Джегина.

8.50 по московскому времени

В высокие окна Центральной диспетчерской ЕЭС смотрело хмурое московское небо. Дождь, не переставая, лил дождь, и зал с огромной, во

всю стену, схемой энергохозяйства, с пультом посередине выглядел угрюмо.

Загадочные для постороннего, как клинопись, значки на схеме были знакомы дежурному диспетчеру не хуже, чем таблица умножения школьному учителю арифметики. А нужный переключатель на пульте он мог найти с завязанными глазами, спросонья, в бреду, когда угодно и мгновенно. Но он не делал никаких резких движений. Наоборот, час за часом, смену за сменой он сидел в кресле, иногда обменивался по телефону короткими фразами с людьми на другом конце провода, только по делу, исключительно по делу, и снова сидел. Сидел, выполнял положенную работу, скучновато, внешне спокойно, — и ждал того, что, быть может, никогда не случится, во всяком случае не должно случиться. Чем бы диспетчер ни занимался, он помнил о возможности непредвиденного события, и это было частью его служебного долга — помнить. А также ждать — всегда, постоянно, с готовностью пожарного, который отвечает не за дом, не за квартал, а за город, за все хозяйство сразу.

Каждое слово диспетчера записывалось на магнитофон.

Сидя здесь, он, как в волшебном зеркале, видел то, чего никто не видел. Бессонными глазами он следил за движением утра. С Тихого океана катился рассвет, и миллионы сибиряков вставали, потягивались, включали лампочки, кофеварки, электробритвы. И все это отражалось здесь — едва уловимым шевелением стрелок, микронным сдвигом на графике. Оживали лифты, спешили пригородные электрички, ускорялся пульс городского транспорта, распахивались заводские ворота, и тотчас электростанции принимали на себя возросшую нагрузку, ручки энергии поворачивали, энергосистема разминала мускулы.

А рассвет тем временем переваливал за Урал, и в Европе повторялось то же самое.

Час пик для системы наступал позже, когда работала уже вся страна. И то, как она работала — ритмично или нет, — тоже было видно диспетчеру. Вечером же, не глядя в телевизор, он мог точно сказать, интересными или скучными были вечерние передачи. Более того, он был обязан предвидеть, какими они окажутся, чтобы лучше сманеврировать мощностями, потоками, агрегатами. Всем служащим был памятен тот переполох, когда весенним днем 1961 года, в разгар работы, и без того высокий пик потребления внезапно пошел вверх. Ибо в космос поднялся первый человек, и повсюду моментально оказались включенными все радиоприемники и телевизоры. Что стало бы в этот момент с системой, если бы нагрузка исчерпала резерв?

Сегодня все было спокойно, как обычно, как надо. Кривая потребления соответствовала расчетной, волжские гидроэлектростанции, как утром положено, слали энергию на восток, водохранилища, благодаря дождям, были переполнены, что облегчало любой непредусмотренный маневр.

Раскинувшаяся на двух материках система жила нормальной жизнью.

И вдруг... Нет, все уже в порядке. Странно, однако...

**11.20 по местному времени —
10.20 по московскому**

Сержант милиции молча курил. Врач разминал затекшую поясницу. Единственный свидетель того, что было, — коротенький человек в ватнике — зачем-то мял шапку, с тоской заглядывал в лицо сержанту и суетливо топтался на месте. В листьях шуршал ветер. Глухо гудели уходящие вдаль провода высоковольтки.

Труп был прикрыт плащом.

Из-под плаща высывалась рука, в пальцах которой до сих пор были зажаты очки. Поодаль лежала двустволка.

Все, что положено, было сделано. Осмотрено место, допрошен свидетель, определена причина смерти. Однако все трое могли сказать кое-что сверх того, что уже было сказано, но не решались сказать.

Врача мучили сомнения. Все указывало, что смерть наступила от поражения током, но была одна непонятная деталь: на левой стороне лица погибшего отпечаталось нечто вроде елочки. Подобные «оттиски» иногда возникают на теле при ударе молнии. Но, насколько врач помнил, цвет их никогда не был зеленым. Уверенность его не была полной, поскольку он всего один раз сталкивался с таким видом смерти, а литература по этому вопросу... Ну, это был слишком специальный вопрос, далекий от повседневных забот поселкового врача.

В остальном картина была ясной. Так стоило ли говорить о сомнениях, запутывать тех, кто полагался на его знания?

Для сержанта картина тоже была ясной, однако и его терзали сомнения. Только они были куда более вескими, чем у врача. Осмотр, показания свидетеля позволяли точно восстановить случившееся. Погибший миновал последнюю завесу кустарника, которая отделяла его от просеки, и сразу, с ходу, даже не успев надеть очки, выпалил. Его приятель, который отстал в этот момент метров на сто, слышал выстрел, а затем крик. Когда он подбежал к Джегину, все было уже кончено.

В кого или во что тот стрелял? Он мог стрелять скорее всего в птицу, вдруг вспорхнувшую перед самым его носом. Тогда понятен его внезапный шальной выстрел.

Ладно, промазал. Но от этого не умирают. Что же произошло мгновение спустя? Молнии

из этих низких, волглых облаков быть не могло. А если бы даже она ударила, то свидетель-то не глухой. Нет, молния исключена. Тогда утечка из высоковольтки? Допустим. Почему же свидетеля, который минуту спустя оказался на том же месте, даже не тряхнуло? Не могла же молния ни с того, ни с сего полыхнуть с проводов! Да и погибший стоял не под проводами, а далеко в стороне. Что же прикажете писать?

Н-да...

А свидетель, чувства которого были потрясены до основания, замирал от страха. Он не сказал о том, что видел в момент, когда раздался крик. Его бы сочли сумасшедшим! Кто же поверит, что он видел... или ему показалось, что он видит... как в просвете ветвей мелькнула распластанная в воздухе... черная шаль! Черная и одновременно прозрачная. Такого просто не бывает, очевидно, ему померещилось. Прилив крови к голове, испуг от крика... Да, да...

— Подхватывай, — скомандовал сержант.

Они взяли труп Джегина и понесли. Они несли его бережно, хотя теперь это не имело никакого значения.

2.50 по калифорнийскому времени — 12.50 по московскому

Самолет РВ-91, выполняя задание, пересекает береговую линию штата Калифорния. Позади осталась темная гладь океана. Огоньки поселков, отчетливо видимые сквозь толщу ночного воздуха,плыли теперь, сменяя друг друга.

РВ-91 был битком набит электронной аппаратурой, куда более дорогостоящей, чем содержимое иного банковского сейфа. С аппаратурой работали два оператора. Один из них — Джон Воравка — был фаталистом и настолько верил в предопределенность будущего, что никакое событие не могло

его удивить или вывести из равновесия. Маленький худой Вальтер Тухшерер был человеком другого склада. Сейчас он думал о том, как славно выпиться на базе и как славно потом проведет время — в баре, где грохочет музыка, где тебя по минутно хлопают по плечу знакомые и где после доброй порции выпивки сизый воздух становится опаловым, а лица девушек прекрасными.

От мечтаний его оторвал сигнал с правого борта, который вскоре переместился на нос, пересек курс самолета и стал пеленговаться с левого борта. Вальтер Тухшерер привычно определил параметры сигнала: частота 2995 мегагерц, длительность импульса — две микросекунды, частота качания луча антенны на источник — четыре цикла в минуту, поляризация поля вертикальная.

— Наземный локатор, а?

— Похоже, — отозвался Воравка.

— Чертовски быстро изменился пеленг на источник, ты не находишь?

— Что есть, то есть.

— Барахлит он, что ли? У этих гражданских встречается такое старье, ой, ой!

— Бывает.

— Или это спецлокатор.

— Тоже возможно.

Оба умолкли, ибо тема была исчерпана. Они и заговорили только потому, что уж больно усыпляюще гудели моторы.

Минуту спустя сигнал исчез, а еще через минуту оба и думать о нем забыли. Самолет мерно продолжал пожирать пространство.

Командиру корабля Уолту Дикки не надо было бороться со сном. Он принадлежал к той редкой породе людей, которую психологи называют «совами». Ночью такие люди не испытывают потребность во сне, чего нельзя сказать о дневных часах. Уолт, вероятно, поразился бы, узнав, что это качество наследственное, что род его прямиком идет от ночных

сторожей обезьяньего стада. Ему это свойство доставляло одни неприятности, так как наша цивилизация, в сущности, дневная цивилизация, и к «совам» она немилостива. Все же Уолт стал тем, кем хотел быть, — летчиком. Частые ночные полеты, которые он к удовольствию товарищей с готовностью брал на себя, оказались нечаянным подарком судьбы.

Полетным заданием был предусмотрен разворот на восток в районе городов Карсон-Сити и Рино, после чего предстояла работа по выведению из строя наземной локационной станции. До этого момента у командира корабля, равно как и у второго пилота, никаких особых дел не было.

Непохожесть Уолта делала его восприимчивым к посторонним мыслям. Иногда, вот как сейчас, он остро чувствовал свое одиночество. Звук его самолета вкрадывается в ночной сон тысяч людей там, внизу. Он их никогда не увидит, как и они его. Взаимно они друг для друга вроде символов. Он может только догадываться, как они живут, работают, любят, развлекаются, глотают наркотики или шепчут нежные слова. Он сам по себе, они сами по себе, меж ними расстояние, как между звездами в небе. Что же в таком случае значит великое и прекрасное понятие — страна? Благодатная, огромная, еще недавно, казалось, богом избранная, а сегодня неуверенная в себе, в своих идеалах, путях и целях? К худшему это или к лучшему, что страна потеряла веру в свою непогрешимость?

Уолт подумал об Экзюпери, книги которого знал наизусть. Часто Уолт задавал себе вопрос, почему он не видит мир так же глубоко и полно, как видел его этот парень? Оба они летчики. Оба мыслящие люди. И перед глазами у них одно и то же. Впрочем, нет! Самолеты даже нельзя сравнить. А земные

двух разных времен? Интересно, что открылось бы Экзюпери с двенадцати тысяч метров и на реактивной скорости?

Вглядываясь во мрак, Уолт пробовал это представить. Но ничего не было в покровы ночи, кроме звезд в вышине и огоньков внизу.

«Всю землю обволакивала сеть манящих огней; каждый дом, обратясь лицом к бескрайней ночи, зажигал свою звезду».

Так писал Экзюпери. Еще он, мигая бортовыми огнями, слал людям внизу привет. Кому сейчас в голову придет такое?

Уолту вдруг страстно захотелось сделать это.

«Сеть манящих огней...» Сеть ли? Скорей россыпи. Золотые россыпи Калифорнии, самой богатой, технизированной, динамичной земли Америки.

И все же не россыпи. В них есть скрытая геометрия. Точки фонарей, пунктиры, полуокружности; сложная, рыхлая, светоносная, вытянутая по осям главных улиц структура. В предместьях больших городов — это уже скопления, сияющие сростки структур. Точно колонии искривляются организмов. Они переливаются в мерцающем воздухе, пульсируют, живут, колышутся, как морские ночесветки.

Даже не так. Полузабытый рисунок в учебнике. Нервная клетка. Аксон, кажется? Та же вытянутая по осям, неправильная структура, те же прихотливые сростки, только нет этого бегучего, искристого сияния. Лучистый срез нервного узла — вот что такое город сверху...

А ведь этого нет у Экзюпери, внезапно сообразил Уолт. Нигде я об этом не читал.

Он прикрыл глаза. Тесня друг друга, промелькнули пейзажи ночных городов, над которыми он пролетал, которые видел. Все было так. Все было именно так, никакой фантазии. Неужели это видит он один? Один в целом мире?

Ну, ну, не преувеличивай, ус-

покоил он себя. Писателям, должно быть, на это и бумагу тратить неохота. Для них все это само собой разумеется.

А если даже не само собой, так что? Ничего. Сам ты никогда ничего не напишешь.

И все-таки, когда думаешь о ночном городе не просто как о скопище огней, а видишь его живым, трепетным, сияющим средоточием мысли, то такой город прекрасен. Прекрасен своей неразгаданностью. Тем, что он сложен. И тем, что нет в природе ничего похожего. Не россыпь огней в небе, не мерцающий в ночи кристалл, не скопление ночесветок — он Город.

Огоньки поодаль, за которыми Уолт наблюдал, внезапно затмились, словно их прикрыла незримая рука.

Облако? Хотя воздух оставался прозрачным, облачко могло притаиться в темноте ночи. Не это насторожило Уолта. Подсознательно, по привычке его мозг мгновенно проделал чудовищную, если перевести ее на язык математики, работу — рассчитал, за какой момент времени при данном положении самолета практически неподвижная тень облака могла вот так накрыть огни поселка. Получалось что-то несуразное. Выходило так, что облако двигалось — и очень быстро.

Вывод не был четким и вполне осозанным. Летчик ощутил то же самое, что ощутил бы пешеход, который, машинально оценив движение транспорта, ступил на переход и вдруг обнаружил у себя под носом невесть откуда взявшийся грузовик.

Огоньки снова открылись. Посторонняя тень — опять же слишком быстро — ушла куда-то вправо. Такой скоростью, конечно, мог обладать самолет. Но никакой самолет не мог вот так закрыть собой скопление огней на земле.

Уолт продолжал напряженно вглядываться в темноту, как это некогда делали его пред-

ки. В стороне горела одинокая точка. Если ему не мерещится, если он правильно определил курс и скорость «пятна», оно вот-вот должно заслонить этот огонек.

Оно его заслонило.

А какое, собственно, ему, Уолту, до всего этого дело? Он отвечает за безопасность самолета, за выполнение задания, все прочее его не касается. «Пятно» не было самолетом, и оно уходило прочь, за пределы того «воздушного пузыря», который составлял зону безопасности РВ-91. Следовательно...

— Вальтер, как у тебя там — ничего не наблюдается?

— В каком смысле, капитан?

— В любом. По курсу...

— Ничего нет, — ответил Тухшерер. И тут же добавил: — Сейчас проверю.

Добавил он только потому, что его томила скука. Кроме того, его удивила необычная нотка в голосе капитана. Вальтер забыл о недавнем сигнале, но поиск в эфире машинально начал вблизи частоты 3000 мегагерц.

И сразу был вознагражден.

— Сигнал с пеленга в шестьдесят градусов! — ликующая воскликнул он. — Параметры...

Да, именно там сейчас находилось «пятно». Уолт готов был поклясться, что видит его, хотя как он мог различить его в темноте?

— Странный сигнал, — подытожил Вальтер свое сообщение.

— Может, что-то с аппаратурой? — спросил Уолт.

— Моя показывает то же самое, — подал голос Воравка.

— Бред собачий! — выругался Вальтер. — Сигнал не исчезает...

РВ-91 шел с почти звуковой скоростью, и пеленг на любой наземный источник должен был измениться.

— Прибавляю скорость, — сказал Уолт.

— Задание! — предупредил его штурман.

— У нас есть время.

Прошло минуты три.

— Пеленг? — снова спросил

Уолт.

— Без изменений, — оператор тяжело вздохнул.

— Угу, — добавил Воравка. — Такое вот кино.

— Пора ложиться на курс, — забеспокоился штурман. — Взгреют нас на базе...

— Чему быть, того не миновать, — сказал Воравка, прекрасно понимая, что взгреют не его.

Все говорило о том, что погоню надо бросать. Офицеров предупреждали, что никаких «летающих тарелочек» в природе не существует, все это досужие вымыслы. Да и Уолт не мог припомнить летчика, которому бы доверял и который признался бы, что видел «не-что». Ходили всякие слухи, но слухи есть слухи.

И все же Уолт колебался.

— Источник раздвоился! — вскричал Тухшерер. — Пеленги 040 и 070!

Уолт мельком взглянул на плавающие внизу огни поселков. Они горели ровно и безмятежно.

Если он сейчас уведомит пункт наведения истребителей-перехватчиков, то оттуда запросят маяк-ответчик РВ-91, автомат даст отзыв, земля уточнит на экранах местонахождение самолета и прощупает локаторами весь район.

Все будет сделано, как должно, машина завертится, и...

— Пеленг 040 замер! — доложил Вальтер. — Такое впечатление, что источник опустился на землю!

— Нет пеленга... — добавил он растерянно.

— Какого? — быстро спросил Уолт.

— Никакого, — ответил за Вальтера Воравка.

Итак, все решилось само собой. Странный объект исчез, и нет смысла вызывать землю. Уолт не знал, огорчает ли его это или радует. Что-то во всем этом было не так.

7.35 по вашингтонскому времени — 14.35 по московскому

Диспетчерский зал Североамериканской энергетической системы мало чем отличался от московского.

В Калифорнии утро еще только занималось, тогда как над улицами Бостона, Нью-Йорка, Филадельфии уже стлался сизый дымок автомобильных выхлопов. Деловой ритм ускорял обороты гигантской производственной машины, которая за сутки перемалывала больше вещества и потребляла больше энергии, чем десяток действующих вулканов.

Заступив смену, Френк Маультон привычно окинул взглядом свое сложное и ответственное хозяйство. Энергетический пульс страны бился ровно. Рожденная пламенем угля, нефти, газа, падением воды, распадом атома, переданная за сотни и тысячи миль, энергия сгорала в печах и моторах, чтобы в то же мгновение возникнуть вновь. От Флориды и до Орегона все бесчисленные генераторы работали в унисон, на бешеных скоростях, согласуясь друг с другом строже, чем мускулы человеческого тела.

Возле пригорода, где жил Френк, недавно построили новый аэродром, и Френк еще не привык засыпать под грохот реактивных двигателей. Но диспетчер, подобно актеру, должен оставлять свои заботы и свою усталость дома. Френк находил это естественным, хотя считал, что толика бодрости сейчас не была бы лишней. К счастью, все и на этот раз было в полном порядке.

Правда, вот так же все было в порядке ноябрьским вечером 1965 года за секунду до того, как территория США и Канады с населением в тридцать миллионов человек внезапно погрузилась во мрак. Когда в высотных бильдингах замерли лифты, когда на доро-

гах остановились электрички, из кранов перестала течь вода, а в сотнях операционных погасли бестеневые лампы.

До утра жизнь оказалась отброшенной вспять, города превратились в катакомбы, и миллионы людей охватило дыхание хаоса. Для того ли человек создал цивилизацию, оградил себя от бурь, ливней и холода, чтобы в одном из ее средоточий стать жертвой стихийных сил техники?

Этот вопрос задавали себе многие, но обществу так и не получила внятного ответа, что, собственно, произошло. Не так давно Френку довелось прочесть книгу одного кибернетика, и она заставила его задуматься. В ходе развития систем, предостерегал ученый, возникает сложный механизм, который можно уподобить живому существу. Незримый, способный проявить своеволие робот. Возможно, именно это и послужило причиной «великого затмения» 1965 года. Сложнейшая автоматика повела себя в энергетической системе непредусмотренным образом. Человек вмешался слишком поздно — он физически не был способен предотвратить катастрофу.

«Остерегайтесь роботов, которых нельзя увидеть!»

Сначала эти слова, которыми ученый заканчивал главу, рассмешили Френка. А потом ему стало грустно. Что происходит, если даже ученый не знает истинных причин события, которое потрясло страну? Что происходит, если в науке вот так легко возникает новый, с иголки, электронный миф?

Ведь истину мог бы понять и неспециалист. В 1965 году еще не было Объединенной энергетической системы США и Канады. Развалилась куда менее крупная система Кэнюз. Но можно ли было ее назвать системой в подлинном смысле этого слова? Технически это была, конечно, система. Но система — конгломерат. Объеди-

нение хозяйств нескольких энергокомпаний. Почему, собственно, образуются энергетические системы? Потому, что при прочих равных условиях как сами электростанции, так и их агрегаты тем выгодней и дешевле, чем выше мощность установок. Однако мощным станциям нужны мощные потребители. Когда соседние удвоены, куда девать излишки? Передавать на расстояние все более далеким городам и заводам. Уже одно это требует сращивания энергохозяйств.

Но не только это. Схема «электростанция — потребитель» ненадежна. Агрегаты изнашиваются, требуют ремонта, наконец, возможна внезапная авария, — потребителю до всего этого дела нет. Отключил — плати неустойку! Значит, постоянно держать в резерве

хотя бы один агрегат? Накладно. А на тепловых станциях резервный агрегат не сразу и пустишь...

Система — это выручка, маневр, экономия. Предприниматели вольны думать, что в их власти задать технике любой путь развития. Это иллюзия. Перед ними коридор, и тот, кто захочет биться головой об стену, разобьет себе лоб. Попробовала бы какая-нибудь компания уклониться от объединения в систему. Разорилась бы, только и всего.

Но объединившись, компании не утратили независимость. Свое хозяйство, свои потребители, и, если что, — неустойка из собственного кармана. Соответственно была разработана система аварийной защиты. Что она должна была бы сделать в ситуации «великого затмения»?

Немедленно обесточить

энергоёмких потребителей на том участке, где возникла непредвиденная и опасная перегрузка. Ничего страшного — немало таких потребителей, хозяйство которых не расстроит кратковременный перебой подачи электроэнергии. Зато Кэнюз уцелела бы, быстро оправилась и помогла бы пораженному участку.

Но над всем витал грозный дух неустойки. Когда тонет лодка и спасти ее может лишь команда «Груз — за борт!», надо, чтобы эти слова были произнесены своевременно.

Позвольте, но почему за борт должен лететь мой груз? Так было.

Было? Почему он думает об этом в прошедшем времени? Конечно, сейчас не 1965 год, и эта система — не Кэнюз. Новейшая, по последнему слову науки, автоматика. Выводы сде-



ланы, трагедия «великого затмения» больше не повторится!

Дай бог, дай бог... Выводы, точно, сделаны. Все ли, однако? Где тот капитан, который, исходя из ситуации и только из ситуации, решительно скамандует в критическую секунду: «Груз — за борт! Это!»

Специалисты не обладают таким правом. Среди них нет капитанов. Капитаны сидят за незримыми пультами.

Френк помотал головой, чтобы отогнать неприятные мысли. Вот до чего доводит бессонница! С такими идиотскими мыслями нельзя водить автомобиль, не то что сидеть за пультом. Лучшая страховка — это уверенность. Нет, нет, все идет хорошо! Все хорошо тогда, когда каждый честно и компетентно делает свою часть работы. Именно такая работа сделала его тем, кто он есть.

Вот именно. И потому, если приглядеться, мир устроен справедливо.

Френк вынул зажигалку и поднес ко рту сигарету.

В те секунды, которые последовали за этим, Френк успел зафиксировать мгновенно изменившиеся показания приборов;

похолодеть от ужаса; осознать, что случилось; забежать в будущее; уловить направленность событий;

перебрать с десятков вариантов возможных решений;

понять, что хорошего варианта в этой ситуации быть не может;

вспомнить трагедию Кэнюз; вознести мольбу к богу, судьбе или кто там есть;

отобрать из всех плохих вариантов не самый худший; проклясть все и вся;

сверить свое решение с ходом реальных событий;

выронить зажигалку и сигарету;

протянуть руку к пульту.

В те же секунды, которые прошли без вмешательства дежурного и его напарника, в системе разыгрались такие события:

в штате Индиана на линии напряжением 750 тысяч вольт расход энергии превысил критическое значение;

реле отключило магистраль; ток от энергоцентраley пошел по другим линиям;

система была загружена далеко не полностью, и пропускная способность линий была вполне достаточной, но в штате Кентукки почему-то отключилась еще одна линия;

и еще одна в Иллинойсе; оставшиеся не выдержали нагрузки;



энергия ринулась в обход через Канаду и южные штаты; генераторы стали сбиваться с ритма;

реле группу за группой принялись отключать потребителей.

Слишком поздно!

Френк Маультон, да и любой другой человек на его месте, не успел бы вмешаться в события. Спустя семь минут тридцать восемь секунд после отключения первой линии, электростанции захлебнулись вырабатываемым ими током, а связи меж ними разорвались. Единственно, что успел сделать Френк, так это спасти некоторые участки системы, благодаря чему положение стало не таким уж безнадежным.

14.41 по московскому времени

Багров снова уткнулся в книгу. Археология вообще и древний Вавилон в частности мало интересовали молодого экзобиолога. Тем более, что из школы он вынес стойкое пренебрежение к истории с ее бесконечными датами, которые обязательно надо запомнить, фактами, которые можно трактовать то так, то этак, событиями, которые ничего не говорят уму и сердцу (битва на реке Оронт — да какая разница, кто там кого победил?!). Но другой книги, когда он уезжал с биостанции, под рукой не оказалось, а что еще делать в автобусе, как не читать?

Он и не заметил, как увлекся. История давно минувшего — это, оказывается, очень и очень интересно! Пожалуй, не менее интересно, чем проблема существования внеземных цивилизаций...

Из сосредоточенности его вывел придуроченный женский вскрик. Багров поднял голову, вздрогнув не столько от крика, сколько от внезапной тишины в автобусе, которая последовала за этим. Пассажиры с одинаковым выражением замешательства смотрели в окна. Кто-

то отпрянул, кто-то, наоборот, прильнул к стеклам, а кто-то замер на полупhrазе, еще не осознав, что происходит. Багров глянул туда, куда смотрели все, и сердце дало перебой.

Шоссе, по которому катил автобус, сближалось с линией высоковольтной передачи. В пейзаже не было ничего особенного: мокрое с жухлой ботвой картофельное поле, ажурные мачты на нем, кромка дальнего перелеска, пологий выгиб холма под сереньким безрадостным небом. Но то, что было меж мачтами и что в первое мгновение показалось Багрову веретенообразным, рыхлым, нелепо, как на картине сюрреалиста, составленным из треугольничков телом, чудовищно противоречило всем формам и краскам земли. Более всего оно напоминало груду непонятно как висящих в воздухе брикетов спрессованного дыма.

Словно кто-то другой отметил в Багрове нелепость такого сравнения (когда и где он видел спрессованный дым?!). И тут же опроверг сомнение, поскольку материя тела была одновременно неподвижной и шевелящейся, четкой и расплывчатой, телесной и невесомой. Страшное своей противоречивостью сочетание.

Долгая минута, в которой замерли все звуки, дальние предметы скачком приблизились, а ближние расплылись цветовыми пятнами, прошла. Багров осознал, что автобус движется, как ни в чем не бывало, что шоссе удаляется от всего этого ужаса, что тишина уже исчезла — пассажиры шумно обсуждали увиденное.

Багров слышал голоса как бы из другого пространства. Он, экзобиолог, понял, кажется, чем это было. Верней, чем это могло быть.

У него было ощущение целовека, летящего в пропасть. Дать немедленную разрядку мог разве что истерический смех. Он едва удержался, что-

бы не метнуться по проходу к шоферской кабине. Зачем? Этого Багров не знал. Он видел достаточно, чтобы понять — нельзя терять ни минуты. Провода связи, подобно нервной сети, оплетают всю поверхность земного шара. Отвлеченно рассуждая, любой человек в последней трети двадцатого века, взяв телефонную трубку, может быстро соединиться с любым другим обитателем планеты. Технически это возможно.

Мысленно Багров наметил путь. Выслушать и поверить сможет лишь тот человек, который доверяет ему. И обладает достаточным кругозором, чтобы оценить ситуацию. И смелостью, чтобы действовать. И весом, чтобы к его словам прислушались... Ясно, кому он позвонит, — академику Двойченко!..

Автобус, тормозя, выехал на площадь.

8.28 по вашингтонскому времени — 15.28 по московскому

— Говорю с вами по поручению президента. Прошу объяснить, что происходит.

— Специалисты как раз заняты выяснением. Могу изложить только предварительные сведения.

— Да, да, конечно!

— Для наглядности представьте, что у себя в доме вы включили, ну, допустим, заводскую электропечь. Предохранители, понятно, не выдержали и обесточили квартиру. Примерно это и произошло.

— Вы включили электропечь размером с округ Колумбия?

— Ничего подобного! Однако полное впечатление, что к линиям системы подключились какие-то сверхмощные и неизвестные потребители.

— Марсиане, а?

— Извините, господин советник, нам не до шуток.

— Нам, смею вас уверить, тоже. Что вы предпринимаете?

— Прежде всего я должен

сказать, что система была спроектирована с учетом любых предвидимых осложнений. Подчеркиваю: предвидимых. Никто, однако, не строит здание в расчете на тринадцатибалльное землетрясение.

— Это вы будете объяснять сенатской комиссии, которая, надо полагать, будет создана. Я задал конкретный вопрос.

— Тем не менее я считаю свои пояснения не лишними. Дело в том, что происходящее не имеет аналогов. Будь то обычная авария, свет в вашей настольной лампочке даже не моргнул бы. Но это не авария. Позволю себе продолжить сравнение с предохранителями в квартире. Их назначение в том, чтобы не допустить перегрузки в сети, на которые она не рассчитана. Через какой-то срок предохранители автоматически включаются, и все приходит в порядок, если исчез источник перегрузки. Если он не исчез, то предохранители отключаются снова и снова. До тех пор, пока...

— Пока я не вызову монтера и он не устранит повреждение. Это ясно. Так мы никогда не доберемся до сути.

— Мы уже до нее добрались, с вашего разрешения. Система — это не просто проводка в квартире размером с полконтинента. Одна авария на линии, одно, так сказать, короткое замыкание, два-три таких замыкания не могут вывести систему из строя...

— Разрешите, я вас прерву. Наш разговор записывается с первого до последнего слова. Поэтому я напоминаю вам о тех объяснениях, которые ваш предшественник давал в момент «великого затмения».

— Я отдаю себе в этом отчет... Тем не менее настаиваю, что в случившемся нет нашей вины. В сильном упрощении ситуация выглядит таким образом, будто на линиях повисли те самые сверхмощные потребители, о которых я упоминал. Эта катастрофическая и вне-

запная нагрузка нанесла системе урон, мы не отрицаем. Иначе и быть не могло! Но оперативными усилиями наших работников мы в рекордный срок смогли восстановить дееспособность системы, насколько это вообще возможно. Однако все наши попытки дать стране энергию терпят провал именно по той причине, о которой я говорил.

— Должен ли я объяснить президенту, что катастрофа вызвана потусторонними силами?

— Непонятными, это точней. Вы можете не поверить, но таинственные «потребители» перемещаются...

— Послушайте...

— Заявляю это со всей ответственностью. Нагрузка снимается с тех линий, которые полностью отключены, и перемещается на линии, по которым мы даем ток. Такое впечатление, что «потребители» способны летать со скоростью сверхзвукового лайнера. Страна в опасности. Вы меня слушаете?

— Да. Слушаю и думаю. Если по стране перемещается нечто более материальное, чем надувной шарик, то ПВО засекало бы эти перемещения.

— Значит, вы полагаете, что мы тут бредим?

— Нет, я далек от этой мысли.

— Тогда помогите.

— Чем?

— Пошлите по всем магистральным линиям, их списки я вам дам, армейские вертолеты. Поднимите в указанных районах на ноги всех специалистов, полицию, национальную гвардию, армию, наконец.

— Но это же...

— До тех пор, пока это не будет сделано, пока мы не выявим «потребителей» и не обезвредим их, система не сможет функционировать.

— Вы умываете руки?

— Совет директоров Объединенной энергетической, все компании, весь наш персонал

делает все возможное. И невозможное. Наши силы, однако, не соответствуют масштабу проблемы.

— Хорошо, я доложу ваши соображения, хотя видит бог... Вы можете хоть что-нибудь сказать о предполагаемой природе этих ваших «потребителей»?

— Ничего, кроме того факта, что они быстро движутся и обладают фантастической энергоемкостью... Да, только что нам стало известно о предложении, высказанном русскими учеными. Но, вы сами понимаете...

— Ясно, кое-что я уже сопоставил. Благодарю вас. Держите нас в курсе.

— Обязательно, господин советник.

9.03 по вашингтонскому времени — 16.03 по московскому

Ищите необычное, думал Бертон. Что они там, с ума посходили?

Такого невразумительного приказа он ни разу не получал. «Прочесать квадрат Z-31» — «Есть, сэр» — «Обстрелять объект...» — «Слушаюсь, сэр» — «Доставить этих парней...» — «Понятно, сэр!»

Ищите необычное...

В сердцах Бертон сплюнул на пол. Вокруг все было самым обычным — лес по сторонам, просека внизу, мачты на ней. Вертолет шел, как по линейке. Имперской гордости римлян — их прямым дорогам — было далеко, очень далеко до победной прямизны энерго-трасс. Линия пересекала землю, невзирая на реки, топи, горы, словно препятствий не существовало вовсе. Так, впрочем, оно и было, и это давно никого не удивляло.

Как не удивляли и сами мачты, эти ни на что не похожие металлические гиганты, которыми в считанные десятилетия проросла земля. Для таких, как Бертон, они всегда были — и всегда будут. А как иначе?

Ищите необычное. Что можете считать необычным? Эту стаю галок вдали? Ишь, провода облепили... Нет, скорей это вороны. А впрочем, черт их там разберет, этих птиц! Хоть бы их всех потравили, только суются в двигатели, когда не надо. Хокс чуть не гробанулся при взлете...

Нет, таких птиц он положительно никогда не видел. И чтобы они такой кучей — тоже. Может, это и есть необычное? Ворона, галка или там попугай, а клюв должен быть. Должен — и точка.

А еще радуга над ними. Переливается струями, будто течет. Забавно! Небо-то чистое...

Бертон представил, как он обо всем этом доложит, и хмыкнул. Страха он не испытывал вовсе.

— Эй, там, на базе! Можно ли считать необычным, если у птиц нет клюва?

— Докладывайте по форме!

— Есть, сэр! На семнадцатой миле обнаружил стаю подозрительных птиц. Облепили провода. Клюва не имеют, сэр! Форма тела неопределенная. Еще радуга над стаей, переливается.

Вот тебе, получи ежа в желудок!

Ледяное молчание, само собой. Переваривает офицер... Давай, давай, полезно.

— Как насчет агрессивности поведения?

«Вот дурак», — подумал Бертон.

— Отсутствует!

— Опишите объект подробно.

Бертон описал.

— Хорошо, разберемся. Продолжайте наблюдение объекта.

Разберется такой, как же... Понасажали идиотов в штаб. Такой девушку поцеловать без циркулярчика не решится. Ладно, все это ерунда.

Кружа над просекой, Бертон стал размышлять. Тревога, видать, не шуточная, раз их всех подняли и велели искать, неиз-

вестно что. Так что лучше оставим смешки. И если эти птицы, которые все-таки никакие не птицы, стали причиной тревоги, а он их первый заметил, то из этого, раскинув умом, можно кое-что извлечь. Рассказ очевидца, снимки...

Но... как извлечь пленку из опечатанной фотоаппаратуры?! Бертон длинно выругался.

10.15 по вашингтонскому времени — 17.15 по московскому

С той минуты, когда посыльный офицер ворвался к нему, Лукасу казалось, что он очутился в каком-то неподвижном стеклянном убежище, а мир вращается вокруг с бешеной и призрачной скоростью.

Ревя сиреной, машина мчалась по пригородному шоссе, так, что все другие шарахались в сторону, и вой сирены, мелькание поворотов, визг покрышек был самым подходящим аккомпанементом тревожному голосу радио, которое шофер пустил на полную громкость. Если верить диктору, то планета напоминала собой вдруг остановленный на полной скорости экспресс, где все летело и рушилось друг на друга.

Лукаса смутно удивило, что радио все-таки работает, но он тут же сообразил, что есть автономные источники энергии и, следовательно... Что — следовательно?

Лукас не успел додумать мысль, потому что офицер повернул к нему свое внешне бесстрастное лицо.

— Как вы думаете, профессор, это только начало?..

«...Или уже конец?» — Лукас угадал произнесенное.

— У меня нет нужной информации, — сухо ответил он.

На лбу офицера выступили капельки пота. Лукас впервые почувствовал, что он сейчас, пожалуй, одна из самых главных персон земного шара. Что все эти военные с их воздушно-ракетными армадами, политики, от слова которых зависят

судьбы миллионов, что все они ждут его, Лукаса, совета. Еще вчера мнение Лукаса и таких, как Лукас, их не интересовало, и можно было бить кулаками, доказывая свою или чужую правоту, с тем же результатом, что о кирпичную стену. Теперь, может быть, впервые в истории они не знали, что делать, и вопрошали тех, кто стоял на самой границе непознанного и должен был знать ответ.

Но привычка к объективности тут же взяла верх, и Лукас уточнил, что все гораздо сложнее. Что, во-первых, давно уже существуют «мозговые центры», без которых не обходится, не может обойтись ни один президент, и, во-вторых, сами ученые далеко не такие мудрецы, какими они порой видят себя. Так что превращение его, Лукаса, в «очень важную персону» не является чем-то исключительным, неожиданным и не знаменует собой некий поворотный этап. Просто страна призвала его, как в минуту военной опасности призывают резервистов.

Замелькали городские улицы, и машина несколько сбавила ход. Сознание Лукаса, даже помимо его воли, жадно вбирало впечатления.

Толпа на улицах была гуще, чем в обычный будничные день. И она была не такой, как всегда. Лукас сразу понял, в чем разница. В молодости Лукас не раз задумывался, можно или нет описать движение людских масс с помощью уравнений гидродинамики. Сходство толпы с жидкостью бросалось в глаза. С туго закрученной, гонимой поршнями жидкостью. Она текла, завихрялась, расслаивалась, в ней происходили соударения людей-молекул. За всем этим угадывалась строгая математическая закономерность. Потом он даже где-то читал о попытках таких описаний. Естественно! Развитие большого города немислимо без кибернетического управления потоками, а значит, кто-то



другой занялся той работой, которой хотел заняться сам Лукас, пока не увлекся проблемами экзобиологии.

Сейчас в толпе не было четких потоков. Она утерла и то общее деловитое, хмуро-озабоченное лицо, которое было присуще ей в часы пик. Словно где-то соскочила пружина. Вид у людей был растерянный и встревоженный. Не более. Казалось, они не могли поверить, что деловой механизм застопорился. Ведь это Америка. Страна, где люди уже не удивляются выстрелам на улице, но приходят в недоумение, если из крана вдруг перестает течь горячая вода.

Лукаса поразило выражение радости на некоторых лицах. Радости освобождения от будничного, опостылевшего ярма. Радости ожидания небывалых событий. Злорадного: доигрались! Кто, почему — неважно: доигрались. Все эти, там, наверху...

Одновременно люди тянулись друг к другу, словно путники в стужу. Уличная толпа, где каждый сам по себе и психологически удален от соседа за миллионы световых лет, ощутила острую потребность в общении. Наконец появилось то, что всех объединяло! Люди сбивались в группы, что напоминало Лукасу процесс кристаллизации. Группы имели свой заряд и знак, кое-что Лукасу в этом не понравилось. Американцы привыкли самоорганизовываться, но у них нет привычки к тяжелым испытаниям. Паника пока только витала в воздухе. Пока...

В сознание Лукаса внезапно прорвался вой сирены, с которым их машина неслась по улицам. Он как бы очнулся и заставил себя думать о главном. О нападении извне. Если это действительно нападение, то первый удар нанесен точно в солнечное сплетение. Парализована энергетика — парализована жизнь. Еще действует сила инерции, целы автоном-

ные линии связи, не совсем поражен транспорт, а военную машину хоть сейчас пускай в действие. Все это, однако, не имеет большого значения, ибо что такое современный город без электроэнергии? Асфальтовая пустыня без капли тепла и воды. Не далее, как через несколько часов люди почувствуют жажду. И вот тогда поведение толпы не удастся описать никакими формулами...

Тут самое простое, очевидное, традиционное решение — нажать на все кнопки. Жахнуть по противнику из всех стволов. Немедленный удар в ответ на удар — этому природа миллионы лет учила все живое. Ударь, если не можешь убеждать! Цепись зубами, кромсай, рви!

Реакция не разума, а инстинкта. То, что менее всего пригодно для данной ситуации.

Вот этого и нельзя допустить. Однажды вот так ударили всеми ядохимикатами по насекомым. Не разведав, как следует, не подумав, не устояв против соблазна мощи, которой, казалось, ничто не могло противостоять.

А то был куда менее сложный и опасный случай.

«Уверен ли ты сам в своих выводах? — привычно переспросил себя Лукас. — В правильности рекомендаций, которые собираешься дать?»

«Да, — ответил он сам себе. — Как-никак я думал об этом всю жизнь».

Машина резко затормозила у подъезда.

10.48 по вашингтонскому времени — 17.48 по московскому

Рей смотрел на пришельцев сквозь оружейный прицел. Их вибрирующая, радужно-черная масса колыхалась метрах в ста от танка. Они ничего не предпринимали. Они дали себя окружить, взять в перекрестье оружейных и пулеметных стволов, теперь дело было за командой. Будет команда — и шквал огня в мгновение ока

разнесет их скопище, мачты линий, само пространство. Уж Рей-то знал, что это такое — совместный залп десятков орудий и пулеметов. Да еще ракет «воздух — земля», которыми готово было польхнуться звено кружащих в воздухе бомбардировщиков.

Он дрожал от возбуждения. От желания немедленно, сию секунду покончить с невыносимым ожиданием и страхом перед тем неведомым, что вибрировало в воздухе.

Страх, что самое ужасное, был притягательным. Такой страх человек испытывает, стоя на краю пропасти.

Рей, насколько помнил, всегда любил оружие. В детстве, когда тархтел из игрушечного автомата. В юности, когда ему вручили настоящий автомат. С оружием он чувствовал себя куда сильнее и значительней. Совсем другим человеком. Вот и сейчас ему мучительно хотелось нажать на спуск. Но думал он об этом, обливаясь холодным потом. Ибо представлял себе возможные последствия. Понимал, что для неведомых существ весь этот тротилово-стальной ад, который держали в узде его липкие от пота пальцы, мог оказаться безобидной дробинкой. И что команда «Огонь!» может стать последней, которую он услышит. Все равно он ждал команду с каким-то болезненно-сладким любопытством и знал, что она принесет ему облегчение.

По радужно-черной массе вдруг прошло шевеление. Контуры затуманились, радуга исчезла, и все огромное, смутно-черное, до ужаса неправдоподобное тело взмыло в ярких лучах солнца. Так быстро, что Рей не успел снова поймать его в прицел.

Мгновение оно висело неподвижно, а потом ринулось в голубую высь, стремительно прошло чуть в стороне от строя самолетов и стало удаляться чернеющей точкой. Звез-

но самолетов рассыпалось, они свечой взмывали вверх, — но было уже ясно, что им не догнать эту исчезающую точку.

Ослабевшими пальцами Рей вынул сигарету. Опустошенный до головокружения откинулся на сиденье.

Но когда скомандовали «Отбой!», он ощутил нечто вроде разочарования.

16.51 по среднеафриканскому времени — 17.51 по московскому

Тван долгим взглядом проводил удаляющееся «нечто». То, что он видел, его не взволновало. «Оно» не принадлежало джунглям, не было злым или добрым духом, никак не соотносилось с привычным и, следовательно, не имело к нему, Твану, никакого отношения. А потому при всей своей удивительности не могло отвлечь Твана от насущных дел. Вроде тех железных птиц, самолетов, которые изредка шумят, пролетая над джунглями.

Сжимая копьё, Тван нырнул в густой сумрак леса.

16.51 по среднеафриканскому времени — 17.51 по московскому

Анджей выключил трактор и прыгнул на землю. Сквозь тишину, которая наступила после грохота мотора, не сразу стали прокрадываться звуки — унылый посвист ветра, далекое карканье ворон.

Из-за кромки леса взмыл темный треугольник стаи. «Журавли? — удивился Анджей. — Так рано?»

Но это были не журавли, Анджей тотчас понял ошибку. То был какой-то странный летательный аппарат или, может быть, строй аппаратов. «Нечто» пронеслось так высоко и быстро, что Анджей ничего не разглядел толком. Он привычно стал ждать грохота, который неизбежно должен был обрушиться на землю после столь

стремительного, сверхзвукового полета.

Но шли минуты, а все было тихо.

«Чего только не наизобретают!» — подумал Анджей, доставая из сумки еду.

Эпилог

— Господа! Председатель чрезвычайной научной комиссии ООН профессор Лукас любезно согласился дать нам интервью. Прошу вас, господин профессор. Вас слушают и видят сейчас сотни миллионов людей.

— Благодарю. Для меня большая честь выступить перед столь обширной аудиторией.

Но — к делу. Комиссия еще не завершила свою работу, так что я выступаю только от своего имени. Как известно, Землю недавно посетили космические пришельцы. Их пребывание было скоротечным, строго научных наблюдений произвести не удалось, поэтому фактический материал весьма скуден и противоречив.

Этим трудности не ограничиваются. Человек, любой человек, чувствует себя обманутым, если не получает на свой вопрос четкого, однозначного «да» или «нет». Наука тоже стремится к таким ответам, но гораздо чаще, чем это принято думать, ученые понимают, что их «да» или «нет» совсем не тождественны тем «да» или «нет», которые мы получаем в обыденной жизни. Приведу всего один пример.

Важным признаком разума наука считает умение пользоваться орудиями труда. Однако известен вид птиц, которые для добывания пищи используют палочки. Такая палочка в клюве по существу ничем не отличается от мотыги в руках первобытного человека, поскольку первая мотыга была самой обычной заостренной палочкой. Тем не менее первобытного человека мы считаем

существом разумным, а птицу — нет. И это заключение истинно. Но доказать, почему оно истинно, нельзя с той же строгостью, с какой геометрия доказывает свои теоремы. Кстати говоря, сама геометрия основывается на постулатах, то есть положениях, которые принимаются без доказательств.

С учетом сказанного позвольте мне ответить на два главных вопроса, которые наиболее волнуют сейчас человечество. Разумны или нет пришельцы? Почему они на нас напали?

Отвечаю: нет, не разумны. Что же касается нападения, то... господа, никакого нападения не было.

— Как, господин профессор?! Есть же факты...

— Да, есть. Внешне все выглядело, как нападение. Но только внешне.

— Господин профессор! Я уверен, что никогда ни один гол не вызывал такого смятения в аудитории зрителей, как это ваше заявление. Не могли бы вы его пояснить?

— Конечно. Но сначала я поясню, почему, на мой взгляд, никакой инопланетный разум не участвовал в событиях, которые потрясли мир.

Мы знаем, что в пределах солнечной системы есть только одна цивилизация — наша собственная. Следовательно, разумные существа могли прибыть лишь издали. Но такие существа не способны на агрессию.

Это не вера, не домыслы теоретиков. Дело в том, что организация межзвездного полета по причинам физического порядка требует таких знаний, такой технологии, таких энергий и таких средств, которые в тысячи раз превосходят современные.

Таково условие выхода к звездам. И оно одинаково для всех цивилизаций Вселенной. Остановилось только на одном моменте. Чтобы совершить межзвездный полет, нужно

израсходовать строго определенное количество энергии. Ни наша цивилизация, ни цивилизация где-нибудь в туманности Андромеды не сможет обойтись меньшим. По тем же самым объективным причинам, по каким на орбиту Земли нельзя вывести спутник со скоростью меньшей, чем восемь километров в секунду. А получить такую скорость в свою очередь нельзя без значительных и строго определенных затрат энергии. Как видите, тут действуют непреложная математика и физика.

Однако уже сейчас человечество вступило в такую фазу своего развития, когда оно с великой осторожностью должно распорядиться мощностями своей технологии. Речь идет не только об опасности ядерного конфликта. В биосфере нарушилось равновесие, и без срочных международных усилий этот сдвиг может стать необратимым. Тут всего два варианта. Либо устранение причин агрессивности, мирное сотрудничество людей, торжество разумного подхода и тогда — прогресс цивилизации. Либо кризис и, как следствие, невозможность продолжения космических полетов. А поскольку свойства энергии и законы природного равновесия одинаковы под всеми звездами, то цивилизация, достигшая вершин космического могущества, никакой иной, кроме гуманной и разумной, быть не может.

— И все-таки, господин профессор, это теория. Научно-политическая доктрина.

— Вы хотите знать, подтверждают ли факты такую теорию? Безусловно. Агрессия, нападение предполагают умысел: поразить, уничтожить противника. Конкретный анализ событий показывает, что такого умысла не было.

— Были парализованы энергосистемы земного шара. Чем, кроме нападения, это может быть?

— Предположим, осы облепили сахар, который вы намеревались положить в кофе. Это агрессия? С горы скатился камень и больно ударил вас по колену. Можно ли считать, что камень напал? Проследите за поступками пришельцев. Они занялись энерголиниями, ничто другое их просто не интересовало. Но линии, не выдержав нагрузки, стали отключаться. Тогда пришельцы заметались в поисках необесточенных линий. Но там повторилось то же самое. Пришельцы очень быстро убедились, что источник всюду пересыхает, едва к нему прикаснешься. И тогда они улетели.

— Значит, по-вашему, мы столкнулись с «космическими осами»?

— Я бы их так не стал называть. Что есть существо, а что есть вещество? Вирусы мы исследуем уже десятки лет, однако есть ученые, которые не склонны считать их существами.

— Но пришельцы передвигались, отыскивали то, что им нужно...

— Передвигаться способна и молния. Они питались электричеством? Точно так же можно сказать, что кристаллы, опущенные в раствор, питаются ионами соли. Пришельцы могли искать и отыскивать? А в каком смысле? Не в том ли, в каком частички железа способны отыскивать магнит?

Как видно, все очень просто. Кроме того, что есть существо, а что вещество, мы судим по земным образцам того и другого. Но пришельцы имеют мало общего с земными формами живого и неживого. Поэтому я воздержусь от определения.

— Хорошо, господин профессор. Всех людей волнуют такие вопросы. Было ли посещение Земли случайным? Повторится ли оно? И чем все это может грозить?

— Посещение, скорее всего, не было случайностью. Мы,

люди, упускаем из виду один существенный и новый факт. В последнюю четверть века наша цивилизация, прежде всего благодаря телевидению, удвоила радиояркость солнечной системы в метровом диапазоне волн. В пространствах космоса мы как бы включили лампу... Добавлю, что еще недавно на Земле не было не только телевидения, но и энергосистем.

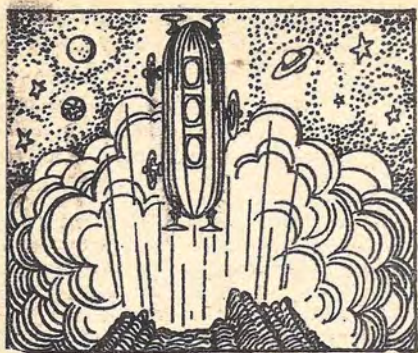
Раньше нас никто не посещал. Теперь это произошло. Возможно, тут чистое совпадение. Не исключено, однако, что мы сами приманили гостей. Не стоит забывать о том, что в радиусе уже многих световых лет любое чуткое к радиоволнам существо или псевдосущество могло и должно было обратить на нас внимание.

Мне могут возразить, что в космосе есть куда более значительные, чем наши, источники электричества. Дело, однако, в том, что наши энергосистемы — это постоянный и концентрированный источник. Концентрированный, вот что существенно!

Я не держусь за эту свою гипотезу. Я только хочу сказать, что мы стали космической цивилизацией. Это великое, но и ответственное событие, ибо среда космоса теперь стала средой нашей цивилизации. А сред, нейтральных по отношению к тому, что в ней находится, не существует. Хотим мы этого или нет, но жизнь заставит нас это осознать.

Точней, уже заставила. К счастью, насколько мне известно, все обошлось почти без жертв. Да и материальный ущерб, в общем-то, ничтожен. Так что поздравим себя хотя бы с этим.





ПРОШЛЫЙ ВЕК В КОСМОСЕ

**Виктор
ГУБИН**

Рисунки
В. Бубенщикова

«...Гром извержения и подземная пальба с каждой секундой все увеличивались. Вагон качался, словно утлая лодка на морских волнах. При каждом ударе наши путники ожидали, что вот-вот огненная лава и сжатые газы найдут себе проход и выбросят вагон в пространство или вдребезги разобьют его...»

Что это за вагон? При чем тут извержение? Кто эти путники? И — вообще — где все это происходит?

Происходит все, естественно, на страницах фантастического романа. Старого, написанного еще в прошлом веке. Нам показалось любопытным познакомиться с его содержанием сегодняшнего читателя, поскольку роман этот в известной степени является своеобразной энциклопедией астрономических и иных гипотез последней трети XIX столетия. Того самого периода, когда в науке, обогащенной величайшими открытиями, остро назрел, по словам Ф. Энгельса, «конфликт между достигнутыми результатами и укоренившимся способом мышления»...

Главный герой романа — петербургский профессор Михаил Васильевич Осипов.

Вся жизнь профессора отдана решению проблемы межпланетных сообщений. Луна, небесная соседка Земли, таинственная владычица ночного неба, — это о ней по-юношески пылко мечтает Осипов, к ней устремлены все его помыслы... В конце концов ученому удается изобрести необычайно сильное взрывчатое вещество, названное им — в честь дочери — «еленитом».

Стараниями профессора и главным образом инженера Сломки построен замечательный вагон-граната — надежный космический корабль, в котором предусмотрено все, буквально все, вплоть до буферов с «весьма сильными пружинами», должных ослабить силу удара при падении на Луну. Правда, современный читатель просто не сможет не заметить и кое-каких излишеств — для этого достаточно прочитать хотя бы следующее описание:

«Внутренность снаряда походила на футляр для драгоценностей. Обои из толстой шелковой материи, пушистый ковер, покрывавший пол, поднятый на рессорах; мягкий диван кругом стены, изящная люстра в четыре лампы, привешенная к потолку, — все это делало вагон-гранату очень уютным...»

Но повременим с придирками. Тем более, что в Южной Америке, близ Кито, нашими героями уже присмотрен вполне приличный вулкан Котопахи, извержение которого должно произойти в очень удобный для путешественников момент наибольшего сближения Луны с Землей. И жерло вулкана уже соответствующим образом подготовлено. И путешественники, заблаговременно отослав рабочих, уже забрались в свою «гранату». Нажатием кнопки взорваны заряды «еленита», должны открыться путь лаве и подземным газам. И...

«Вдруг ужасающий удар чуть не разбил вагон-гранату. Слуха путешественников достиг глухой рев вулкана, сопровождаемый пронзительным свистом... Несколько миллионов кубических метров подземного газа разом ринулись через кратер. Под их напором вагон-граната в огненном облаке вылетел из жерла Котопахи и менее чем в пять секунд миновал пределы земной атмосферы. Оставив Землю, он понесся в абсолютной пустоте межпланетного пространства...»

Таким-то вот оригинальным способом покидает профессор Осипов родную планету...

Вообще же — каких только способов передвижения в межпланетном пространстве не испытывали на себе наши герои!

Попав на Луну, они окрашивают свою «гранату» загадочным лунным минералом, обладающим способностью притягиваться к Солнцу. Но на Венеру и оттуда на Меркурий путешественники летят совсем на другом — куда более реальном, чем фантастический минерал! — корабле: он снабжен огромным параболиче-





ским зеркалом и движется за счет солнечных лучей... На обломке Меркурия, буквально оседлав комету, проносятся герои романа к Марсу, на один из спутников которого — Фобос — опускаются на аэростате. Марсианский электролет доставляет их на Марс. Здесь Сломка конструирует корабль, способный — подобно кальмару в воде — «плыть» в метеорном потоке. На этом корабле путешественники отправляются к Юпитеру и от него к Сатурну, где в нужный момент (на исходе электричество, возобновить его запасы нелегко) вновь попадают на комету — она услужливо несет их к родной Земле...

Книга, о богатстве выдумки в которой свидетельствует уже все вышеизложенное, примечательна многим. В частности, космическая эпопея «В неведомых мирах», имеющая подзаголовок «Необыкновенные приключения русского ученого», состоит из четырех объемистых, до четырехсот и более страниц, романов. Правда, на русский язык переводились лишь два из них, поскольку написаны-то они, что тоже любопытно, младшими современниками знаменитого Жюль Верна — французами Жоржем Ле Фором и Анри де Графиньи. «Путешествие на Луну» и «Вокруг Солнца», первые части тетралогии, появились на французском языке в 1888—1889 годах, уже в 1890—1891 годах они идут с продолжением сквозь годовые комплекты популярного «тонкого» петербургского журнала «Природа и люди», затем их дважды издает П. П. Сойкин; наконец, уже в советское время, в 1926 году, еще раз выходит на русском языке роман «Вокруг Солнца».

Выдумка, фантазия Ле Фор и Графиньи поистине неистощимы. Мы уже продемонстрировали, как изобретательно рисуются межпланетные полеты в этих книгах. Крайне разнообразен здесь и, так сказать, «местный» транспорт.

На Луне к услугам путешественников — «нечто вроде лодки на полозьях, которые бесшумно скользят по выемкам, высеченным в лаве». Вниз под уклон, набирая скорость, затем по инерции вверх, и снова вниз, из кратера в кратер, по туннелям, в которые превращены все мало-мальски для того пригодные естественные трещины. Более ста метров в секунду — такую вот скорость, по Ле Фор и Графиньи, обеспечивает на Луне использование езды на санках, известной на Западе под названием «русских гор»!

Здесь же, на Луне, Осипов и его спутники встречают удивительный сигарообразный корабль с реактивным двигателем. В специальной камере этого корабля воспламеняется особое взрывчатое вещество; «образующиеся при сгорании газы вылетают в трубу, обращенную назад, и в силу отдачи толкают аэроплан». Подобно Жюль Верну (в его романе «Из пушки на Луну»), Ле Фор и Графиньи, казалось бы, совсем вплотную подходят к кардинальнейшему способу преодоления межпланетных пространств. Но — как и у Жюль Верна — дальше их фантазия не идет: принцип ракеты применим, как они полагают, лишь вот в таком — частном — виде транспорта...

По морям Венеры наши герои путешествуют на кораблях, могущих плавать и под водою, и по ее поверхности. Но странные это корабли. С одной стороны, свернув парус и накрыв палубу сводом, их хозяева способны погружаться в океанские глубины — тайное тайных для землян XIX века. А с другой — грубые и несовершенные машины «венузийцев» приводятся в движение не паром или электричеством, а... мускульной силой рабов! И, кстати, на сорокакилометровую (!) гору, откуда путешественники намерены лететь дальше, их доставляет больших размеров повозка, от которой к вершине горы тянется толстая бронзовая же цепь. Там, наверху, все те же рабы наворачивают эту цепь на огромный ворот...

Зато на Марсе, достигшем, как и Луна, поразительных успехов в машиностроении, герои романа находят и орнитоптеры, движимые тремя парами крыльев, и винтовые аппараты, рассекающие воздух с головокружительной быстротой — около семисот пятидесяти километров в час, и пневматические вагоны, несущиеся в подземных трубах с совершенно уже убогоумрачительной для прошлого века скоростью — тридцать километров в минуту!..

Изображая инопланетные виды транспорта, авторы, между прочим, очень наглядно демонстрируют метафизическую ограниченность мышления, которую в науке последней трети XIX века отмечал Ф. Энгельс. За примером далеко ходить не надо. Вам говорит что-нибудь такая величина — 330 метров в секунду? Да, конечно же, это — скорость распространения звука в воздушной среде. Так вот, герои Ле Фор и Графиньи не однажды превышают эту величину. Но превышение скорости звука для наших авторов — обычное количественное изменение, оно не переходит для них в новое качество. Фантасты прошлого века и не предполагают, что существует сверхзвуковой барьер, именно барьер, порог, с преодолением которого непременно связан целый ряд феноменов... Ведь чтобы предполагать это, надо быть диалектиком!

Но пойдём далее. По-своему оригинально рисуют отважные авторы и мир планет, их природные условия, обитающих в этих условиях разумных существ.

Возьмем для начала хотя бы инопланетные поселения.

Селениты в основном живут в помещениях, вырытых в почве. Однако и на Луне есть вполне приличные города — такова, скажем, столица, в которой обитает несколько миллионов селенитов. Здесь «жилища не были вырыты в земле, подобно норам кротов, но представляли собою настоящие дома, очень странной, вполне лунной архитектуры: они являли собою сочетание всевозможных геометрических фигур, начиная с цилиндра и кончая шаром».

Ощутимо сказывается местный климат на городских зданиях Венеры: дома здесь «походили на огромные металлические зонтики; их ручки, состоявшие из круглых башен, служили для жилья, а зонтикообразные крыши заключали в себе бассейны с водой, постоянное испарение которой предохраняло обитателей от излишнего жара».

Что же до Марса, то города здесь имеют совершенно земной облик. «Путешественники могли сверху прекрасно разглядеть общую картину города, здания которого по своему стилю удивительно походили на средневековые готические постройки: те же высокие шпили, те же легкие, вытянутые в высоту формы, те же стрельчатые окна, те же остроконечные башни, горделиво поднимающиеся к небу».

Ну, а инопланетяне, обитатели этих не похожих одно на другое поселений? Ведь не секрет, что сегодняшний читатель с особым интересом выискивает в фантастике конкретные описания иного разума: каков он, каково его обличье?

Луна... «Остолбев от изумления,

старый ученый и его товарищи без страха смотрели на этих гигантов, имевших по крайней мере двенадцать футов роста. Голова у них была удивительного объема, совершенно не пропорционального туловищу: она качалась на длинной, тонкой шее, казалось, едва державшейся на узких, худых плечах; по бокам болтались костлявые, тощие руки, оканчивавшиеся широкими кистями; непомерно плоская грудь, словно не заключающая в себе вовсе легких, переходила в столь же плоский живот, а последний — в длинные худые ноги с огромными ступнями.

Круглые безбородое лицо освещалось двумя выпуклыми глазами, лишёнными всякого блеска, тусклыми и холодными; ни бровей, ни ресниц у селенитов не было и следа, зато голова была покрыта массой волос, заплетенных в косы; широкий рот, не окаймленный, как у нас, губами, казался простым разрезом на плоском лице. Но самым характерным органом у жителей Луны были огромные уши, расширявшиеся подобно раковинам.

«Они именно таковы, какими я их себе представлял, — опомнившись, утверждает профессор Осипов. — Если у них громадный череп, значит, их мозг развитее нашего; грудь селенитов узка, так как их легкие функционируют под гораздо меньшим давлением, чем на Земле... Словом, что ни возьмите, все зависит от тех условий, в которых живет известное существо...» Эта последняя мысль очень верна, очень точна, но... Впрочем, об этом чуть позже.

На Венере у Ле Фора и Графиньи обитают две расы. Первая чрезвычайно напоминает землян: «Незнакомцы походили на обитателей страны пирамид; продолговатое лицо, обрамленное густой черной, тщательно завитой бородой, совершенно голый череп, черные огненные глаза. Одеты они были в короткие туники, обуты — в подобие древних котурн красного цвета».

Роль рабов на Венере выполняет народ боос. «Эти существа вместо человеческой кожи были покрыты чем-то вроде тюленьей шкуры, ноги оканчивались круглыми плоскими ступнями, походившими на лапы уток, длинные мускулистые руки спускались почти до колен. На пальцах как рук, так и ног находились плавательные перепонки, на плечах сидела круглая голова, с большими глазами, широким ртом, острыми белыми зубами и слуховыми перепонками вместо ушей».

Поскольку Марс много легче Земли (его диаметр почти вдвое меньше земного), сильно отличаются от землян и обитатели «красной» планеты. «Высокого роста, тощие, худые, с огромными ушами и совершенно плешивыми головами, обитатели

Марса казались какими-то карикатурными уродами. Но что было у них всего замечательнее, так это широкие кожистые крылья, походившие на крылья летучей мыши; эти крылья служили своим обладателям вместе с тем и одеждою, в которую они драпировались с большим достоинством».

Таковы у Ле Фора и Графиньи инопланетяне. При кажущейся оригинальности внешнего облика все они слишком похожи на землян, представляя собою ухудшенные или улучшенные, но всего только слепки с обитателей Земли.

И совсем уже земными оказываются в романах Ле Фора и Графиньи инопланетные пейзажи. В самом деле, попробуйте догадаться: где еще, кроме родной нашей планеты, в каком уголке Солнечной системы могла бы встретиться земным космонавтам хотя бы вот такая картинка?

«За каналом следовал громадный лес, покрывавший берег Центрального океана. Широкая река разрезывала его зеленую площадь на две части... Путешественники увидели значительный город, стоявший посреди болот, на берегу реки.

— Как это похоже на наш Пинск! — проговорил старый ученый...»

Это, дорогой читатель, — Луна...

Но отчего же это так? Отчего, при всем — подчас — отличии от земного, все неземное, все, буквально все инопланетное сходится-таки у наших авторов к сугубо земному?

Это, конечно, не случайно. Открой мы сейчас вместо рассматриваемых романов любое из многочисленных сочинений Камилла Фламмарiona (французского астронома, который к концу прошлого века популярностью своих книг едва ли не затмевал даже Жюль Верна) — мы и там обнаружим в иных мирах чем-то отличные от земных и тем не менее изначально земные условия.

Все дело в том, что метафизический способ мышления довлел в прошлом веке над самыми отчаянными фантазерами. Земные мерки и критерии переносились и в космос; разрешая некоторые мелкие отклонения от «нормы», они казались в целом единственно возможными, непогрешимыми, абсолютными. Нужны были серьезнейшие сдвиги в характере самой науки, чтобы вслед за уже достигнутыми результатами (которые в романах тех же Ле Фора и Графиньи отражено великое множество) пришло диалектическое осмысление их, в том числе и осмысление такого — самоочевидного для нас — факта, как происхождение из разнообразия строения и свойств материи разнообразие ее форм. Лишь в результате этой, говоря ленинскими словами, «новейшей революции в естество-



вознании» конкретный земной опыт был взорван, потерял оттенок объективности, абсолютности при сопоставлении его с бесконечностями Вселенной.

Едва ли не символической предстает в этом плане такая деталь в «Необыкновенных приключениях русского ученого».

Ле Фор и Графиньи снабжают своих героев отличными, с трехдневным запасом кислорода в баллонах, скафандрами. Но используются эти последние не так уж часто. Ибо и на Луне, и на Венере, и на Марсе, и даже на Меркурии существует, оказывается, не просто атмосфера, но именно та самая смесь азота с кислородом, какую дышит человек Земли. Лишь на Фобосе, из-за разреженности атмосферы и для марсиан-то служащем чем-то вроде исправительной колонии, да на видимой стороне Луны (высочайшие горные цепи не пропускают сюда воздушные массы с другой половины нашего спутника) герои романа вынуждены облачаться в скафандры...

Этот неосознанный геоцентризм в описании внутренних условий на иных планетах в разной, конечно, степени, но в целом одинаково характерен для всей фантастики прошлого века. Космическая одиссея русского ученого в изложении Ле Фора и Графиньи — еще одно тому подтверждение.



Записки санитарного врача



Владимир ПУЧКОВ

Рисунки
В. Бубенщикова

Перед распределением

...Дворник сидел на куче снега, дымил самокруткой и взирал на прохожих. Возле него валялась большая фанерная лопата с двумя ручками, метла, скребок и рукавицы.

Нам нужна была квартира, а у кого, как не у дворника спросить.

— Ребята! Я настолько такой человек, — выслушав нас, пространно начал дворник. — На меня не обижайтесь, но квартиру сейчас не сыщете — абтрак. Квартиру искать осенью надо. А сейчас зима. Я вам другое предложу. У нас домоуправ волком воет: сверху вовсю валит, а дворников не хватает. Оформляйтесь — будет вам полуподвал и шесть красеньких...

— Неужели сразу дадут квартиру?! — чуть не задохнулся я от радости.

— Алексей Александрович Грачев брехать не привык, — шмыгнул огромным красным носом дворник. — Рядом с моей квартирой есть пустая комната. Мешать никто не будет, сам-то я человек одинокий...

— Алексей Александрович, ведите нас к домоуправу. Сейчас же! — решительно потребовали мы...

...Слух о том, что я и Валерьян Абрамов работаем дворниками, удивил многих наших однокурсников. Вскоре они заявили к нам целой оравой. Первым оценил жильё Колька Пантыкин. Он остановился на пороге, вытаращил свои щучьи глаза, тяжело засопел и разразился целой облоймой слов.

— Богема, настоящая богема! Право, так и хочется сидеть здесь ночь со свечкой и писать стихи... Эти боярские своды потолка. Единственное крошечное окно. Эта Джоконда!

Пантыкин присел на корточки — так было удобнее смотреть на Джоконду. Я пишу ее прямо на своде потолка. Она не закончена, и я совсем не уверен, что когда-нибудь сделаю на ней последний мазок.

— Зачем ты поступил в медицинский? — приятель вынул пачку сигарет. — Зачем ты поступил в медицинский?! (Лицо на мгновение скрылось за сигаретным дымом.) Я уверен, из тебя вышел бы неплохой художник. Помоему, ты всегда будешь жалеть, что поступил в медицинский...

— Перестань! «Художник. Будешь жалеть». Зачем этот разговор? Во-первых, я — дворник. И потом позади почти шесть лет. Мы почти врачи...

— Но ты же художник! (Уголки губ у Джоконды чуть приподнялись, глаза иронически наблюдали за окутанным дымом парнем.) Ну, учился бы на хирурга, а то — санитарный врач! Черт знает что!..

Всегда тихий, незаметный Валерка Молотиллов неожиданно потребовал тишины и внимания.

— Действительно, «черт знает что». У меня твердое



решение — санитарным врачом работать не пойду. Не желаю портить нервы...

— Тогда зачем учился? — спросил Валерьян. — Тебя же никто не принуждал.

— Откуда я знал, что это за факультет?! Я поступал в медицинский. Валерьян, я правильно говорю? — требует поддержки Валерка.

Валерьян по особенному повертывает на бок голову, поднимает белесые брови, и трудно понять, что означает это движение.

— Я избавлю человека от элементарного фурункула, и больной мне всю жизнь будет благодарен! — не унимается тихий Молотилов. — А что санитарный врач?! Предупредил эпидемию. А докажи, что без тебя эта эпидемия могла быть. Может, и без твоих трудов она прошла бы стороной. Сколько людей ты спас? Одного? Тысячу? Кто это оценит? Никто, ни одна душа... Не-е-ет, лудки. Распределяюсь куда пошлют, а работать санитарным врачом — я еще пока не свихнулся!..

Это у нас не первый спор. Признаться, Валеркина логика не кажется мне бредовой. Какой-то осадок горечи, тайной обиды беспокоит и меня. Зависть, невысказанная зависть к лечебникам.

Неожиданно в комнате вырастает Алексей Александрович. Мы и не заметили, как он вошел. Грачев проводит пальцем снизу вверх и наискось по своему багровому носу. Затем непостижимым образом этот нос производит круговое движение, а глаза — удивительно синие, притягательные — охватывают всю нашу студенческую компанию.

— Ребята! На меня не обижайтесь!..

Мы все смотрим на старого дворника с восторгом, с удивлением, даже с наслаждением.

— Я настолько такой человек, — продолжает Александрович. — Хучь я и дворник, а ваша профессия мне известна — во где сидит. Жалко мне вас! Шесть лет над книжками мучаться, а потом помойки проверять, галюны...

— Молодец, старина! — смеется Молотилов.

— Мне, к примеру, все равно, где работать, — возражает Валерьян Абрамов. — Санитарным врачом, может, даже лучше... Если откровенно, всегда мечтал работать на паровозе. Паровозный запах на станции почую и весь потею от волнения... Дурак я, родителей послушался...

Колька Пантыкин саркастически усмехнулся, снял очки, протер их.

— Тогда, Валерьян, бросай институт, иди на паровоз!..

— Это после того, как двадцать лет тебе в душу: «Учись, учись на доктора, а то будешь простым работягой!»... Теперь не бросишь. Нет, не бросишь...

...Вот какой разговор произошел у нас примерно за шесть месяцев до выпуска...

Конец и начало

Пришел день, и перед нами, как любят выражаться журналисты, раскрылись ворота в большую жизнь. Какая же она, эта большая жизнь?

В кармане у меня билет на самолет до Уфы.

— Ты дворников не забывай, — проводит сверху вниз и наискось по огромному багровому носу Алексей Александрович. — Не забывай, наведывайся. А на меня не обижайся, я настолько такой человек, заглянешь ко мне в полуподвал — все будет стерильно...

В огромных мозолистых ладонях старого дворника потонула моя. Алексей Александрович остается за железной оградой Свердловского аэропорта.

В Уфе меня приняла заместитель министра здравоохранения.

— Пожалуйста, садитесь, — с мягкой улыбкой произнесла она. — Очень хорошо, что вы прибыли вовремя, без опозданий. Мы с большой охотой принимаем выпускников Свердловского медицинского института. Многие из них остались в Башкирии навсегда. Надеюсь, вам здесь также

понравится... В какой район у вас было предварительное распределение?

— В Зилаирский.

— Не советую ехать в Зилаир.

— Почему?

— Во-первых, это район отдаленный. Туда трудно добираться, еще труднее выбираться оттуда. Во-вторых, у нас имеются более мощные санэпидстанции, которые ждут специалистов с высшим образованием...

— Извините, но я уже настроился именно на глухой, далекий район...

— Доктор, — перебила меня заместитель министра, — не играйте в романтику! Вам не справиться. Оттуда бегут все, не отработав положенного срока. И мне совершенно не хочется терять еще одного молодого специалиста...

В голосе властной женщины появились нотки раздражения. Чувствовалось: она не терпела возражений.

— Предлагаю вам Бакалы. К тому же в Бакалах вам сразу выложат ключи от благоустроенной квартиры. А в Зилаире топят дровами, водопровода нет... Не желаете в Бакалы, вот вам еще несколько пунктов, выбирайте, — твердо отчеканила она и перечислила шесть крупных районов Башкирии. — Не будем тратить время на дискуссию, идите в отдел кадров и оформляйтесь. Все. Желаю успехов.

Она энергично пожала мне руку, и я оказался за дверями кабинета.

Начальник отдела кадров равнодушно справилась:

— Вас куда оформлять?

— В Зилаирский район, — сказал я.

Мне не хотелось менять своих решений.

...Самолет АН-2 швыряет в воздушные ямы. Четверо пассажиров уже уткнули носы в гигиенические пакеты.

«Надо же, сразу — в главные врачи!» Я же никогда никем не командовал.

Наконец-то пошли на снижение. Вокруг аэродромного поля — лес. Прилетевшие идут к деревянному зданию аэропорта. Какой же это аэропорт? Так, избушка на куриных ножках. Возле домика — два мотоцикла, две подводы, «Москвич» и зеленый УАЗ с красным крестом на дверке.

— Молодой человек, садись-ка в машину, — обращается вдруг ко мне полная женщина с непривычным для моего уха «аканьем». — Подкинем тебя до Зилаира. Я гостей ждала, да опять не прилетели. Ты, чать, не в больницу, не врач?..

— Да, врач, по направлению...

— Я так и подумала. Садись-ка, садись-ка! Тебе здесь понравится. Здесь хорошо. Здесь груздей, лесной ягоды — сколько душе угодно. Понравится, понравится...

Я сел с разговорчивой женщиной в УАЗ. Машина не спеша тронулась, а моя спутница, поправив на голове платок и остро окинув меня взглядом, вновь принялась «какать» и «какать». Решив, что сразу расспрашивать неприлично, она прежде представилась сама.

— Я в больнице глазной медсестрой работаю, за врача... Глазные врачи не держатся. Прилетят, посмотрят. Хорошо, мол, тут, красиво, а потом сбегут. Мне-то здесь очень нравится. Я никогда из Зилаира не уеду. Тебе тоже понравится. Понравится, понравится...

Лицо Гудковой выразило такую доброту и расположение к собеседнику, что мне вдруг стало легко и радостно. И тут неожиданно из-за леса показался деревянный Зилаир...

...Ну что ж, все складывается не так плохо. Без помедления предоставили ключи от квартиры. И что самое удивительное — газовая плита на кухне! С нетерпением жду утра. Завтра выхожу на работу, на свою санэпидстанцию!

Ранним-рано просыпаюсь от мычания коров. Коровы заурчали улицу во всю ее ширину. Они идут медленно, толкаются друг о друга боками, поднимая над собой пыль. Слышны резкие звуки кнута. Мычание разноголосое: басовитое, хриплое, тенором, дискантом — целая гамма.

Такой концерт мне в новинку, больше не уснуть.

Наша программа

...Прошло два месяца. Привыкли к новому человеку сотрудники санэпидстанции. И я, в свою очередь, привык к ним. Все они разные — по опыту, по характеру, привычкам и отношению к труду.

Что представляет из себя санэпидстанция? Одно громкое название. Нет и пятой части необходимого. Конечно, у санэпидстанции огромные права. Она планирует проведение профилактических прививок в районе. Следит за соблюдением санитарно-гигиенических правил в школах, магазинах, столовых, на молочнотоварных фермах. Ее работники все видят, все замечают, на все реагируют. Но одних прав мало. Нужна еще и материальная база. Горько подумать — двенадцать метров полезной площади и три гидропульта. Дальше так работать нельзя.

Но мы работаем.

— Вы скажите, Владимир Сергеевич, что надо делать, а мы не подведем, — говорят мне мои соратницы. — Мы ведь такие отчаянные... Что делать-то нам?..

И мы вместе намечаем программу действий.

— Первое — это приобрести большой жилой дом под санэпидстанцию. Второе — организовать бактериологическую лабораторию. Третье — просить министра выделить нам транспорт и подвижную дезинфекционную камеру. Организовать отдел профилактической дезинфекции...

— Не слишком ли много для начала? — засомневались некоторые из сотрудниц.

Сам я несколько не сомневаюсь в выполнимости этой нашей программы. Я верю: если войти в вышестоящие инстанции с разумными предложениями — нам всегда пойдут навстречу.

Молокозавод и его директор

— Не знаю, что делать, а делать что-то надо! — бросает на стол толстую папку с актами Демина. — Сколько лет мучаемся с молокозаводом, а толку никакого. Появись там, директор все выслушает, со всем согласится, наобещает... Послушать его, так через месяц молокозавод будет чуть ли не образцово-показательным. А снова взглянешь — никаких изменений. — Тамара достает из папки дюжину актов и подает мне. — Вы бы, Владимир Сергеевич, побывали там сами. Может, Полубояров, директор-то, хоть вас испугается, я уж из сил выбилась.

Просматриваю многочисленные записи по молочному предприятию, и меня тоже охватывает беспокойство. Почему молокозавод из года в год совершенно не реагирует на требования санэпидстанции? И к тому же, о нарушениях отлично известно в районных организациях: молокозавод у них под боком. А может, Демина сгущает краски, и не так страшен черт, как его малюют? Тамара — человек суровый, резкий. Всем известно ее категорическое суждение: «Где санэпидстанция не боится — там никогда не будет порядка». С другой стороны, акты убеждали в обратном: для Полубоярова наше учреждение — далеко не авторитет.

Следует, не откладывая, ознакомиться с этим предприятием.

...Петр Георгиевич Полубояров встретил меня с неприянью.

— Из санэпидстанции значит? — произнес он. — Новый главный врач? Ну, ну! Что же, имеете полное право: смотрите, знакомьтесь... У нас здесь полный порядок. Если, конечно, подходить с придирками, недостатки выцарапать можно. Их только у того нет, кто ничего не делает...

Директор молокозавода пытливо осмотрел меня с ног до головы, усмехнулся.

— Вот у вас в санэпидстанции недостатков не имеется. Правда?.. В общем, смотрите, знакомьтесь, акт

пишите. А мне делами надо заниматься, в город Сибай еду...

Директор подозвал лаборантку по определению качества молока и наказал:

— Это новый главврач санэпидстанции. Ты, Надя, покажи ему, как из деревенского молока сливки и обрат получаются. Угости врача сливками, чтобы остался доволен!..

— Петр Георгиевич! Может, вы сами познакомите меня с производством? — предлагаю я. — Очень много нареканий на ваш завод.

— Если есть чьи нарекания, так это Деминой, — сощурился Полубояров. — Вредный она у вас человек. Спросите любого — никто в районе Демину не любит. И здесь не любят. Сколько актов понаписала, а ни разу сливок не отведала. Сливки отличного качества. Нашу продукцию в самом Сибайе ценят... Надя! Налей-ка товарищу врачу сливок...

— Петр Георгиевич, сливок я попробую, не откажусь. Только вначале познакомьте с заводом...

— Нет, нет, нет, мне некогда, — заторопился Полубояров. — Надя справится с этой задачей не хуже меня. Я — в Сибай...

Директор быстро исчез, а я, слегка покоробленный таким приемом, начал знакомиться с молокозаводом.

Без всякого «выцарапывания» было видно множество нарушений санитарии и гигиены. И самые неприятные из них — отсутствие очистки сточных вод. Отстойниками давно не пользовались. Сверху они заросли высохшим бурьяном, из глубины поднимался запах гнили. Река Зилаир, подковой огibaющая территорию предприятия, принимала непрерывный поток обраты из скрытого под землей трубопровода. С этого места вода приобретала мутно-белый цвет, а гнилостный запах бил в нос еще сильнее...

Необходимо было принимать экстренные меры.

Нужен психоневролог

После окончания пятиминутки в кабинете главного врача Фарита Ибрагимовича Салимгареева остаются одни доктора. Врач туберкулезного диспансера Шестаков чем-то расстроен, шарит в кармане пиджака сигареты, закуривает, выпускает огромное облако дыма. Потом, открыв дверку «голландки», швыряет в печь почти целую сигарету:

— Что в Уфе думают? Кожного врача нет, психоневролога нет, окулиста нет...

— Все могут отправляться на рабочие места, — улыбнулся Фарит Ибрагимович, а вас, Владимир Сергеевич, прошу задержаться...

Как только врачи покинули кабинет, Фарит Ибрагимович вытащил из ящика письменного стола пухлую папку.

— Выручайте, доктор! Все наши коллеги загружены предостаточно, один вы довольствуетесь лишь работой главного врача санэпидстанции... В этой папке документация на душевнобольных нашего района. Берите психоневрологию в свои руки и действуйте. Что будет непонятно — спрашивайте, без помощи не оставим. Не обойтись у нас без лечебной практики, не обойтись... Ну как, согласны?..

— В принципе — да. Но как быть со специализацией?..

— При первой же возможности направим в Уфу.

Проблемы и решения

Председатель райисполкома Ахметов решал вопросы по-деловому. Он не терпел расплывчатых докладов. Человеческий, рождающий бесконечный поток слов, доставлял ему настоящее страдание. Но от страданий Ахметов не мор-

пился, а властно перебивал говоруна и требовал переходить к сути дела. И сейчас, присутствуя на сессии исполкома в качестве приглашенного, я чувствовал к нему все большую и большую симпатию.

Вот и в далеком Зилаирском райончике наступают большие перемены. Через год протянут государственную высоковольтную электролинию. Поставят телевизионную вышку. Пока же в районе всего один телевизор — в средней школе. Длинноющая, сваренная из металлических труб антенна одиноко возвышается над райцентром.

Рабочий день давно закончился. Проплыло по дороге неторопливое сытое стадо коров. Чудом удерживаясь на неоседланной лошади, прогнал райсоюзских коней на водопой пьяный конюх. Из репродуктора, поставленного на крышу кинотеатра «Космос», лилась веселая мелодия. По одному, парами и группами потянулись к «Космосу» любители кино. На небе зажглись первые звезды. Но несмотря на поздний час заседание в райисполкоме продолжалось.

Подошло время выступать мне. Выслушав информацию, Ахметов обратился к директору молочного завода. — Что же ты, Петр Георгиевич, разве антисанитария? Давай отвечай!

Петр Георгиевич рывком поднялся со своего места, и из его голубых глаз метнулись в мою сторону ядовитые стрелы.

— Санэпидстанции что?! Она пришла: то не так, это не этак. Ей на производственные трудности наплевать. Для нее инструкция превыше всего. А понять простую истину, что молоко перерабатываем в два раза больше, чем предусмотрено проектом, не хочет...

Полубояров вновь ожег меня взглядом.

—...оштрафовал! Решил показать себя: вот, мол, какой я всемогущий. Молод еще порядки наводить!..

— Подожди, Петр Георгиевич,— прервал его председатель исполкома.— Ты не ребенок. Надо будет, еще оштрафуют. Отвечай, почему на твоём предприятии творятся безобразия?!

— Какие безобразия? — искренне вырвалось у Петра Георгиевича.— Какие безобразия?! Продукция наша хорошего качества. План перевыполняем. Что еще надо?..

— До каких пор территорию захламлять будешь?

— Неужели, Хажиминыя Ахметович, из-за этой территории на исполком вызывать? Завтра же репей скосим, суботник организуем...

— Почему твои работники вовремя профилактический медицинский осмотр не проходят? Особого приглашения ждут?

— Через неделю все пройдем...

— Кто за тебя отстойники чистить будет? Сточные воды без очистки сбрасываешь в реку!..

Полубояров смахнул с носа новую порцию пота и отвел взгляд от Ахметова.

— Молчишь?.. Ну, а обрат, этот ценнейший продукт, почему тоннами в реку отправляешь?.. От твоих сбросов в реке рыба дохнет.

— Не-е-т, Хажиминыя Ахметович, рыба от обрата живехонька. Вы рыбаков спросите, для рыбки обрат — одно удовольствие!..

Бодренные ответы Полубоярова вызывали у присутствующих удивление, смех, беспокойство.

Инженер коммунального хозяйства Зайцев порывается что-то вставить и, не утерпев, по-ученически поднимает кверху руку.

— Хажиминыя Ахметович, разрешите мне!..

Тут же поднялся, растерянно развел руками.

— Сколько можно терпеть! — укоризненно произнес Зайцев.— Я сам живу возле реки, водой из нее пользуюсь. Вот где сидит ваш обрат (потыкал себе в живот инженер). В печенке сидит он, товарищ Полубояров!.. Санэпидстанции давно надо взяться за этот молокозавод... Какая прекрасная река Зилаир была! А теперь от обрата вашего, извините, воняет. Гниет река от обрата, товарищ Полубояров. А вы шуточками обходите... Не только пить, иной раз для баньки воду брать нельзя...

— Ла что все на меня напустились! — вспыхнул директор.— «Молокозавод! Обрат! Воду нельзя пить!..» Разве я от хорошей жизни обрат спускаю? Если бы совхозы забирали у меня его вовремя, ни одной капли в реке не оказалось бы. Вот они — директора совхозов, все здесь сидят. Почему с них никто не спросит?!

— Ты на других пальцем не показывай! — остановил директора председатель исполкома.— Сейчас с тебя спрос. За себя и отвечай. Наведи порядок! Поддерживай его постоянно. За грубые нарушения санитарно-гигиенического режима предлагаю товарищу Полубоярову объявить строгий выговор. Другие предложения есть? Нет. Кто «за», прошу голосовать. Единогласно. На наведение должного порядка даем срок две недели. Контроль за выполнением решения исполкома провести санэпидстанции... Все, садитесь, Полубояров!

В страшном недовольстве занял свое место Петр Георгиевич. Чудовищной несправедливостью посчитал он для себя решение депутатов. И до самого перерыва просидел угрюмый и злой.

Из райисполкома я вышел приятно взбодренный и радостный, хотелось работать и работать...

Купля-продажа

В санэпидстанции одно настроение сменяется другим. Вначале никто не ждал перемен. Затем у каждого возник довольно стойкий очаг возбуждения: «нам нельзя без своего здания». Самим строить нет ни сил, ни средств. Лучший выход — купить готовый жилой дом площадью этак в восемьдесят — девяносто квадратных метров. Работники санэпидстанции ходят в расстройстве: таких домов в продаже нет. Зря вспокоились, зря тешили себя надеждой. Только Ная Пряхина не устает перебирать в памяти всех отъезжающих из Зилаира.

— Слышала я, будто баушка Потешина с Третьей улицы к своим дочерям в город думает перебраться. Посмотреть бы ее дом, чать, подойдет, — подает она слабую надежду...

Тринадцать улиц своего села зилаирчане привыкли называть, как в Нью-Йорке, по номерам.

...И вот я стою перед старухой восьмидесяти шести лет. Согнувшаяся, полуслепая, но с сильным чистым голосом, бабка Потешина вызывала глубокое уважение.

— Дом-то, сыночек, у меня, слава тебе, господи, крепко. Для себя ставили, каждое бревнышко своими руками перебирали. Старик-от мой, царство ему небесное, шибко грамотный был, в лесхозе счетоводом робыл. Думали, сыновья женятся — все вместе будем жить. Да господь бог не привел. Все пятеро сыночков на войне погибли...

Старуха поднялась с длинной широкой лавки, тяжело приблизилась к висевшему в углу образу и, пытаясь разогнуться, мелко и быстро перекрестилась несколько раз и повела меня осматривать свой огромный, разделенный капитальной стеной на две половины дом.

Именно такое здание и хотелось приобрести под санэпидстанцию. На его девяносто шести квадратных метрах можно разместить и бактериологическую лабораторию, и самим разместиться. А что за прелесть старый черемуховый сад. А какие клены вокруг дома! На месте огорода можно построить гараж, здание отдела профилактической дезинфекции. Нам положительно повезло. Конечно, потребуются перепланировка, ремонт, времени и средств на обновление пойдет немало. Зато санэпидстанция будет на загляденье.

— Эх, сынок, сынок, — прерывает мои размышления старуха.— Уежжать шибко не охота. Я совсем недавно, в третьем годе, крышу железом перекрыла, охрой покрасила. Шестьдесят целковых уплатила. Ты везде, везде смотри. И на подлавку слазь, и в подпол. Подпол у меня сухой, вместительный... Да рази поехала бы отсю-

дова? Родилась и помереть тут бы надо, да бог смерти не дает. Одной-то жить совсем плохо, к дочерям в Магнитку переберусь. Одной-то шибко тоскливо и тяжело...

Пятнадцатиконный потешинский дом нравился мне все больше и больше. Лучшего нам не найти.

...Через две недели сделка была узаконена в сельском Совете. На Третьей улице появился новый хозяин — районная санэпидстанция...

Сельский кумир

Нелегко молодому врачу приобрести в селе авторитет. Сельские жители очень ревнивы. Они ревнуют тебя к городу, откуда ты прибыл. Лишь когда потрудишься примерно пару лет, твои пациенты начнут проявлять к тебе благосклонность, начнут признавать в тебе своего «дальнего родственника». «Близким родственником» сельский врач становится лет через десять.

Кумир зилаирчан — главный врач туберкулезного диспансера Шестаков. Его знает и любит весь район. Для молодых он Алексей Александрович, пожилые ласково называют его «Наш Леша». Да и как иначе, если этот «Леша» лет двадцать назад метался по всему району — спешил к больным в любой час дня и ночи. Кудрявый, стройный выпускник мединститута был и терапевтом, и кожникком, и рентгенологом, и инфекционистом. Сейчас он раздобыл, кудри поредили. У него непререкаемый медицинский авторитет. Многие, прежде чем пойти к терапевту или другому специалисту, пытаются предварительно увидеться с Алексеем Александровичем.

— К Муратаеву талон выписали, Лешенька, — обратится к нему какая-нибудь старушка. — Надежный он или, чать, еще зелен?..

— Скажешь тоже, Евдокия Сергеевна, — по-своейски ответит кумир. — Азат Асхатович, конечно, не профессор, да тебе профессор-то зачем! Иди, не бойся.

Алексей Александрович по своему характеру человек чрезвычайно общительный. Любые новости он узнает одним из первых. И сегодня весть, принесенная им, взбудоражила всю санэпидстанцию.

— Пляшите! — кричит он по телефону. — Пляшите все!..

— По какому случаю?

— Только что из Уфы, из министерства звонили: вашей СЭС выделили дезокамеру на шасси ГАЗ-66!..

Сотрудницы на седьмом небе. За такую новость все готовы Шестакова расцеловать.

Ну, что за человек, одни от него радости!..

Бешенство

Воскресенье. Утро только занимается. Приятно отоспаться за всю беспокойную неделю. Но нет, сладкий сон прерывают резкие гудки «газика» у окна. Открываю дверь, входит главный ветеринарный врач района Шайхулов.

— Неприятности. Надо ехать в Кашкарово, — с порога начинает он.

— Что стряслось?..

— Два бычка в стаде молодняка повели себя агрессивно. Бодаются, мычат, грызут дерево. Скотник корм задал, так один бычок скотника укусил...

— Бешенство подозреваете?

— Пожалуй. В лучшем случае — отравление кормом...

— Кроме скотника, кто-нибудь к бычкам подходил?

— Не знаю, — озабоченно ответил ветеринар. — На месте все выясним...

Мы спешим в Кашкарово. С бешенством медлить нельзя. Ни медикам, ни ветеринарам. Главное, чтобы не успел вирус добраться до нервной ткани укушенного. Доберется — смерть неминуема, ничто не поможет. Заболевший бешенством неизлечим.

Восемнадцать километров до Кашкарово «газик» промчал быстро, без помех. Возле загона с молодняком — бригадир, скотники, ветеринарные фельдшеры. Выясняем обстоятельства. Наблюдаем изолированных животных. К нашему приезду их набралось уже пять голов. Шайхулов категорически заявляет:

— Типичная картина бешенства...

Ветеринары приступают к работе: нужно всему стаду ввести антирабический гамма-глобулин.

Тамара Демина и я выявляем лиц, соприкасавшихся с подозрительными животными. Нас особенно волнует состояние рук. Если слюна большого животного попала на кожу, имеющую трещины, ранки или ссадины, — это равносильно укусу.

Два ветеринарных фельдшера и три скотника сразу же готовы отправиться в райбольницу. Трое отказываются. Среди них бригадир.

— Зачем всем прививки?! — размахивает он руками. — Сафаргали бери, его бычка кусал. Остальных не тронь, не заболеют. Кто работать останется, кому скотину кормить?! Сам не поеду и других не отпущу. Сафаргали отпущу, его бычка кусал...

Общими стараниями уговорили бригадира, он, наконец, уяснил, что с бешенством шутки плохи. Но вот скотник Хусанн ехать в Зилаир упорно отказывается. Это пожилой угрюмый мужчина. Наши доводы на него не действуют. Хусанн верит в аллаха. Аллах не простит никаких прививок. Аллах видит: Хусанн ничего плохого никогда не совершал, и не даст заболеть. Мне впервые приходится встречаться с таким человеком. Что ты будешь делать?! Не вызывать же милицию. Оставляем пока Хусанна в покое. Пытаемся выявить виновника заболевания. Жители Кашкарово вспомнили: дней десять назад видели лису. Вела она себя довольно странно. Людей не боялась. Забегала в стадо молодняка. Ласкалась к животным, некото-



рых кусала. Лису убил старик, любитель-охотник. Разыскиваем дом старика. Оказалось, охотник уехал в соседнюю деревню в гости. Прошу у Шайхулова «газик» и направляю туда Демину. Через три часа Тамара возвращается вместе с подвыпившим, веселым бабаем.

Поздним вечером возвращаемся в Зилаир. На совхозном грузовике прибывают в больницу те, кому показаны прививки. Только бригадир и скотник Хусайн остались в Кашкарово.

— Найду замену уехавшим и приеду,— успокаивал нас бригадир.— Не обману. И Хусайна постараюсь привезти. Я его по-своему уговорю...

...В понедельник в райбольницу явился бригадир, с ним прибыл и верующий скотник.

Слава аллаху! Прививки сделают всем!

В Матрае

Председатель райисполкома Ахметов всегда был в курсе всех дел в районе и нередко ставил нас, медиков, в неудобное положение.

Вот и вчера пришлось краснеть от собственного неведения и нерасторопности медицинской службы. Рабочий день кончился, сотрудницы разошлись по домам. В санэпидстанции задержались шофер и я. Вдруг зазвонил телефон.

— В Матрае что-нибудь предпринимается? — услышал я тревожный голос Ахметова.

— А что там случилось?

— Это вы мне должны докладывать о случившемся! — недовольно произнес председатель исполкома. — Так вот: сегодня утром у жителя Матрая (он назвал фамилию) от сибирской язвы пала корова. Сейчас же предпри-



нимайте меры. О проведенных мероприятиях доложить лично. Все. Действуйте!.

Мне стало не по себе. Позор! Прошло столько часов, а ни ветеринары, ни матраевский фельдшер не удосужились сообщить о таком чрезвычайном происшествии.

Вновь встают вопросы: сколько человек контактировало с больной коровой? Пил кто ее молоко или нет? Сумеет ли всех «контактных» заставить в Матрае? Что со своей стороны предприняли ветеринары?..

— Володя, объявляется боевая тревога! — говорю шоферу дезокамеры.— Едем в Матрае сейчас же! Наша дезокамера будет проходить испытание боем.

Звоню на квартиру Салимгареева, ввожу в курс дела, сообщаю о своем решении.

Утром из Матрая связываюсь с райисполкомом, прошу соединить с Ахметовым. Ахметова в исполкоме нет. Он в больнице. Ночью у него случился инфаркт миокарда...

Великие и простые смертные

Это только для отпускников деревня — тихая заводь.

Уж который месяц мое самое сильное желание — подольше поспать. Наполеону хватало на сон четырех-пяти часов. Тех, кто спал дольше, Бонапарт относил к разряду «ненастоящих мужчин». Ох, уж эти ярлыки! Некий американец, увлекающийся атлетизмом, решил не отставать от великого француза и в разряд «ненастоящих» отнес каждого, чей вес не достигает восьмидесяти пяти килограммов. Я же доволен своими семьюдесятью пятью и не считаю себя инфантильным, хотя готов беспробудно спать восемь часов кряду.

Каждое утро мне приходится вставать в половине шестого, чтобы без пятнадцати семь уже быть в амбулатории. В семь ноль-ноль алкоголики приступают к своему нелегкому лечению. Вся процедура заканчивается через полтора часа. После этого мои пациенты с облегченными желудками спешат на работу, а я тороплюсь в санэпидстанцию. Вечером я бегу в больницу, где мне предстоит встреча с очередным пациентом.

Совсем недавно, едва забрезжил рассвет, я вскочил с постели от бешеного стука в окно.

— Скорее, скорее! — задыхалась от бега санитарка.— Привезли кузнеца. Острая шизофрения. Что творится — ужас!..

В голове одна мысль: «Только бы никого не убил». Бегу во весь дух. В больнице и правда происходит нечто невообразимое. Сердечники, легочники, гипертоники, желудочники выскакивают из терапевтического корпуса, бегут через двор... Чуть не кубарем скатывается с лестницы дежурная медсестра Римма Руденко. За нею медленно спускается обнаженный по пояс богатир. Страшен он в своем безумстве. Тело мелко дрожит. Под кожей перекатываются могучие мускулы. На перекошенном лице — белые круглые глаза. Глухо, с придыханием вырываются изо рта бессвязные ругательства.

— Как звать больного? — быстро спрашиваю у медсестры.

— Михаил...

— Здравствуй, Михаил,— миролюбивым тоном начинаю я, приготовившись в любой момент вступить в борьбу.— Михаил, мы с тобой в больнице. Я твой врач. Идем наверх, нужно переодеться, лечь в постель...

— Идем, милый, на койку,— в унисон вторит медсестра.— Идем, Мишенька. Там хорошо, там тебе лучше будет...

На миг у больного в глазах мелькнула осмысленность.

Он приостановился, не переставая сжимать в кулаки поблевшие от напряжения пальцы. Он еще страшен, готов крушить все на своем пути. Не теряя времени, мы подхватываем его под руки. Бережно, с опаской ведем вверх по лестнице.

— Это медицинская сестра, Михаил. Ее нужно слушаться, — и, как бы мимоходом, скороговоркой сестре, — быстро гексенал, сердечные, противосудорожные, снотворные...

Все больше расслабляется могучее тело Михаила. Доверчиво налегает он на мои плечи. Торопись, Римма! В этот короткий промежуток затишья нужно успеть ввести гексенал...

Система йогов

Санэпидстанция довольна: еще одну автомашину выделило для нас министерство здравоохранения. На этот раз легковая — ГАЗ-69. Появилась возможность чаще бывать на фельдшерско-акушерских пунктах. Их более тридцати. И проверить, как фельдшер проводит профилактические прививки, совсем нелишне.

— Вы уж меня извините, Владимир Сергеевич, — всегда начинает с этой фразы Клавдия Ивановна. — Но только меня очень беспокоит Мяткися: за год три фельдшера сменилось. В этой деревне, я уверена, не всем детям сделаны прививки. Не дай бог, кто дифтерией заболел или корью — позор. Неплохо бы завтра на «газике» отправить. Я с Любашей бы туда. Погода сухая, а слякоть начнется — в Мяткиси на легковушке не добраться...

— Хорошо, можете ехать, — соглашаюсь я. — Где Володя?

Но шофера нет. В последние дни с нашим трудолюбивым Лакиенко творится что-то неладное: регулярно опаздывает после обеденного перерыва. Задам же ему хорошую взбучку.

Наконец, явился. Розовощекий, голубоглазый. На голове шапка русских кудрей. Борода густая и тоже вся кольцами. Так и хочется взять кисть и написать маслом его портрет.

— До каких пор, Владимир, будет продолжаться это безобразие?..

— Больше не будет, — виновато разводит руками шофер. — Больше этой системой не занимаюсь...

— Какой системой?

— Системой йогов. Из-за нее все...

— Ничего не понимаю...

— Вычитал я в журнале про эту систему, — поясняет Лакиенко. — Там сказано, что если заниматься ею, то какой бы ни был уставший, а за десять — пятнадцать минут можно полностью восстановить силы. Для этого нужно расслабить мускулы всего тела и представить себя птичкой, парящей в синем безоблачном небе. И тогда засыпаешь, а через пятнадцать минут силы полностью восстанавливаются. Ну вот, подзаправлюсь я в обед и сразу ложусь, расслабляюсь. Вначале ничего не получалось: тело вроде расслаблю, а синее небо увидеть никак не могу. Тогда я решил сразу представить себя птичкой, без неба. Ну, и началось...

— Что началось? — с интересом смотрю я на нашего красавца.

— Да не успею расслабить тело и уж сразу куда-то лечу. А после вообще ничего не ощущаю... И теперь только пообедаю — хоть убейте, а не могу, чтобы не полетать. Конечно, бодрость, прилив сил ощущаю. Но уж слишком затягиваются эти полеты. Вместо десяти минут по три часа сплю. Хоть с работы беги...

— Зачем с работы бежать! — расхохотался я. — Ты ведь уже решил бросить занятия по системе йогов. Считай, что нашего разговора не было. Выписывай на завтра путевой лист...

И действительно, больше Володя ни разу на работу не опаздывал.

Счастье

В воздухе плыла музыка — мягко и немного торжественно. Яркие краски дня сменились сдержанными тонами, и лес, окружавший Зилаир, стал казаться плотнее и гуще...

Полторы недели я не замечал прелестей окружающего мира по причине жесточайшего воспаления легких. Как в тумане, сновали мимо медсестры, больные, врачи. Муратаеву — моему лечащему врачу — достались нелегкие дни. Не знал покоя Азат Асхатович и вечерами. Молчаливый, как бы ко всему безразличный, он был на самом деле чрезвычайно беспокойным врачом. И только когда миновал кризис, Муратаев перестал засиживаться в терапевтическом отделении до позднего вечера.

Сейчас я могу вставать с постели, глазеть из окна второго этажа на зилаирский пейзаж и неторопливо размышлять о жизни со своим соседом по койке — стариком восьмидесяти одного года. Ему тоже стало намного лучше. Дед радуется благополучному исходу и по этой причине чрезвычайно оживлен и разговорчив. Смотри на меня голубенькими кроткими глазами, он пристает ко мне с одним и тем же вопросом: «Что такое счастье?» Старик не может точно ответить на него даже сейчас, на закате своей жизни. Да, что же такое счастье? Его не возьмешь в руки и не пощупаешь. Может, счастье в том, что мы снова становимся здоровыми? Или оно в труде, когда приходится искать, мучиться, бороться?

— Гляжу на доктора, — улыбается старичок. — И сквозь его вижу. Счастливым становится наш Азат Асхатович, ежели у него такие больные, как мы, начинаем выздоравливать... Счастливый он...



ТОПОНИМИКА НА СЛУЖБЕ ГЕОЛОГИИ

**В. АНДРЮКОВ,
геолог**

*Рисунки
З. Баженовой*

Мне хочется рассказать читателям «Уральского следопыта» о том, как топонимы помогают в работе нам, геологам-съемщикам.

При геологической съемке в Предуралье, где мне пришлось поработать около трех лет, встречаются районы, топонимические особенности которых позволяют довольно точно определять границы геологических зон между породами различного возраста и различного вещественного состава, например, между известняками и обломочными (терригенными) породами.

В районе станции Кын в Пермской области нами было замечено, что среди названий притоков реки Кын (в переводе с коми — «холодный», «чистый») — Мерзлый Кын, Лазорев Кын, Мягкий Кын, Каменный Кын, Березовка и другое есть название, интересное для геологов, — Грязный Кын. Вода в этой речке действительно грязная, мутная, и можно было предположить, что на своем пути речка размывает песчано-глинистые породы, расположенные среди обширного поля известняковых отложений. Такое предположение подтвердилось впоследствии полезными работами.

В районе станции Илим Свердловской области внимание геолога привлекают такие названия ручьев и речек, как Грязная, Глинка, Мусорка — прямой намек поисковику, что эти водотоки размывают, возможно, где-то участок пород нижнепермского возраста, в отличие от рек, текущих по карбонатам.

Названия помогают обнаружить явления карста, широко развитого в Предуралье. Такие названия, как Сухая Речка, Сухой Лог, Сухой Кумыш, говорят о том, что эти речки «ныряют» под землю, растворяя на своем пути известняки или гипсы, и далее русло, иногда на несколько километров, остается сухим. Место же выхода рек на дневную поверхность обычно называется «вынырком» (лесоучасток Вынырок северо-западнее ст. Кын). Названия Провал, Проваленное озеро свидетельствуют об относительно свежих карстовых воронках.

По топонимам можно определить и другие признаки геологического



строения территории. Так, например, название ручья Поперечный указывает на то, что он течет навстречу основному руслу — реке Барде в ее верхнем течении, и это редкое геоморфологическое явление заставляет геолога предположить наличие в этом месте тектонического нарушения — мощной трещины в горных породах. А имя реки Каменка говорит о том, что по берегам этой реки много скальных выходов (камней), представляющих наибольший интерес для геологов.

Таким образом, при анализе топонимов геолог еще до выезда в поле может определить некоторые характерные признаки геологического строения исследуемого района.



ДЕЛО О ЛЖЕЗЫРЯНАХ

**Александр
МАТВЕЕВ,**
профессор

Топонимический детектив

История эта выплыла на свет несколько лет тому назад, но ей не одно столетие. И она еще далеко не до конца раскрыта...

В нашей топонимической экспедиции заведено правило: особенно тщательно собирать топонимику близ деревень, где сами наименования связаны с жившим здесь некогда населением, то есть выступают как этнонимы (названия народов): **Вогулка** — от вогулы (манси), **Пермяки** — от пермяки (коми-пермяки), **Татарское** — от татары.

Дело в том, что в окрестностях таких деревень среди географических названий могут встретиться древние слова. Местное население давно обрусело и забыло свой язык, но память народная иногда сохраняет отдельные исконные названия. Для науки они обладают огромной ценностью.

Увлеченно и вездливо собирали сотрудники нашей экспедиции местные названия в окрестностях деревни Зыряны в Камышловском районе Свердловской области. Сперва ничего особо интересного не попадалось. Но вот в нескольких километрах от Зырян, недалеко от деревни Трифоново, вынырнуло вдруг странно звучащее название урочища — **Лагмас**.

Что это не русское по происхождению слово, было видно сразу. Но из какого языка? Что оно означает? Началось «расследование»...

На первый взгляд, источник слова надо вроде искать в коми-зырянском языке, ведь загадочный топоним записали недалеко от деревни Зыряны. Но, увы! В современном коми-зырянском языке слова **лагмас** не оказалось, не было сведений и о том, что оно в этом языке когда-то существовало.

Не лучше обстояло дело и со значением слова. Подумали, правда, что **лагмас** — географический термин, но и это не удалось доказать. В общем, результаты «предварительного следствия» были плачевны.

Правду говорят, что иной раз важно выйти за пределы своей территории и посмотреть, нет ли какого-нибудь ключика к вопросу в других местах. Так поступили и мы: обратились к многочисленным экспедиционным картотекам, картам, справочни-

кам, словарям. И вскоре узнали, что названия лесных урочищ **Лагмас** не раз встречались на... юго-востоке Архангельской области. А в Устьянском районе той же области — это по реке Устье, притоку Ваги, — в речи русского населения, оказывается, есть слово **лагмас** или **вагмас** со значением «сырое место с буреломом и зарослями в лесу».

Но это еще не все. Не менее поразительными оказались архивные сведения о том, что в бассейне реки Устья еще в XVIII веке жили зыряне!

Камышлов и — Архангельск! Тут было над чем подумать.

Да, коми расселились действительно широко: они пасут стада оленей на Кольском полуострове, есть коми-зырянские деревни на нижней Оби. Значит, легко можно поверить и в переселение какой-то группы коми-зырян на реку Устья в архангельские края: ведь от западной границы Коми АССР до Устья не так уж далеко. Кроме того, есть надежные сведения, что некогда коми жили западнее и юго-западнее мест их современного расселения — кое-где в бассейне Пинеги (волость Пермская), а также на крайнем юго-востоке Архангельской области, в нынешнем Ленском районе.

Не значит ли все это, что **лагмас** (**вагмас**) все-таки коми-зырянское слово? Просто оно со временем исчезло из языка коми, не оставив никаких следов.

Отправили слово на звуковую (фонетическую) экспертизу. Приговор экспертов был единодушен: слово не имеет почти никаких шансов быть коми-зырянским, так как сочетание согласных **гм** в коми-зырянском языке почти не встречается.

Итак, слово **лагмас** (**вагмас**), хотя и упорно следует за этнонимом зыряне, однако в коми-зырянском языке его нет, да к тому же еще по своему звуковому составу не похоже на коми-зырянское... Стало ясно, что следствие зашло в тупик и нужны новые версии.

Вот тогда и мелькнула крамольная, на первый взгляд, мысль: а может быть, жители деревни Зыряны на Урале и прежнее население бассейна Устья на Севере вовсе не коми-зыряне, и просто произошел пе-

ренос этнонима с одного народа на другой? Явление это — не редкое: остяками русские в старину звали не только ханты, но и часть манси и даже кетов (енисейские остяки), а к татарам причисляли чуть ли не все население Сибири — достаточно вспомнить Татарский пролив между азиатским материком и Сахалином, где никогда не было собственно татар. Этноним зыряне мог распространиться таким же путем.

Так возникло «дело о лжезырянах». Разрабатывая эту версию, пришлось с головой окунуться в архивы, в историю. И вот что обнаружилось. В XI—XV веках русские всегда называли коми только **пермскими людьми**, или **пермичами**, а их землю **Пермью**, **Пермской землей** (из финского **Перя маа**, **вепского Пера ма** — «дальняя земля»). А этноним зыряне стали называть коми значительно позднее — в XVI—XVII столетиях.

Известный историк и лингвист А. И. Попов предполагал, что название зыряне происходит от имени одного из коми-зырянских воевод XV века **Зырана**, но убедительнее все же другое мнение, высказанное еще в прошлом столетии.

Этноним зыряне возник из более раннего **сыряне**, **сырьяне** (в некоторых документах **сырянцы**, **сырянне**, **сирене**, **сыряне**, **серяне**). А от сыряне до зыряне — шаг шагнуть! К тому же, слово сыряне — зыряне уже давно производят от финского **сюрья** — «край, сторона», **сюрьянэн** — «крайний, дальний», а это значит, что Пермь и Зыряне — названия синонимические, как, скажем, Украина (то есть окраина) и украинцы, то есть живущие на краю. И действительно. В «Житии Епифания Премудрого» (конец XIV века) **сырянне** прямо причислены к «местам и странам и землям и иноязычникам, живущим вокруг около Перми».

Может быть, не все происходило именно так, как здесь рассказывается, но нет сомнения в главном: коми были сперва известны русским под именем пермичей, а название зыряне было перенесено на них позднее.

Но кто были эти другие зыряне и на каком языке они говорили? Ведь кому-то принадлежало это **лагмас** (**вагмас**)?

УРОЧИЩЕ ЛАГМАС



Казалось, что мы снова в тупике. Последняя надежда на «следственный эксперимент» — на анализ топонимики мест, где было записано слово лагмас, особенно топонимики Устьянского района Архангельской области, а также на изучение лексики финно-угорских языков, окружающих русский Север.

Первый же эксперимент буквально ошеломил нас: сбор и изучение географических названий на территории устьянских зырян показали, что здесь нет ничего даже отдаленно похожего на современную коми-зырянскую топонимику, но есть названия, характерные для прибалтийско-финских, саамского и волжско-финских языков. Устьянские зыряне не были коми-зырянами!

Второй эксперимент оказался не менее интересным: в эстонском языке нашлось слово *вахмас* — «костров в болоте», а в финском *вахмасто* — «очень густой лиственный лес или кустарник». Но ведь прибалтийско-финское э (эстонское *ы* тоже из э) в топонимике Севера, как и в саамском языке, часто соответствует а (сравните финское *пэлыто*, карельское *пэлдо* — «поле» и *палда* — «поле» в топонимах Севера). А прибалтийско-финское *х* сплошь и рядом передается г (сравните *Каргозеро*, *Каргополь* и финское *карху* — «медведь»). Тем самым тождественность формы *вагмас*, эстонского *вахмас*, финского *вахмасто* была легко установлена. Исходной формой для *вагмас* явно было *вахмас*, слово одного из вымерших финно-угорских языков Севера, близкого к прибалтийско-финским и саамскому языкам.

Теперь уже прямо напрашивался вывод, что первоначально этноним зыряне мог прилагаться не к коми и что камышловские зыряне — возможно, своего рода «последние из могикан» — переселились с Севера вместе с русскими в ходе освоения Зауралья.

Далеко не все еще ясно в «деле о лжезырянах». Где, кроме Устья, первоначально жили эти таинствен-

ные зыряне, которых теперь уже как-то неудобно называть лжезырянами, ведь они-то и были настоящие зыряне, какое место их язык занимал в группе финно-угорских языков, при каких обстоятельствах *вагмас* переходил в *лагмас* и почему в одних и тех же русских говорах сохранились обе формы, наконец, чем объяснить, что манси называют коми саран (*Саран-Пауль* — «зырянская деревня»).

Но ведь и наша затянувшаяся командировка на Север еще не кончилась. И вот какое удивительное событие произошло совсем недавно во время работ топонимической экспедиции в феврале этого года в Коношском районе на крайнем юго-западе Архангельской области, откуда уже рукой подать до Карелии. Одна из лаборанток экспедиции выяснила, что жителей деревни Верховье Хмельниковского сельсовета называют зыряне или чаще *Зырь* (именно *Зырь*, как *Чудь* или *Русь*!).

Немедленно проверяем это сенсационное сообщение. Да, жители этой деревни действительно имеют коллективное прозвище *Зырь*. И тогда мы проводим на месте «походный» анализ всей топонимики сельсовета: коми-зырянской топонимики, как и следовало ожидать, нет, но зато недалеко от деревни в лесу объявилось урочище *Вагмас*! Опять тут как тут!

У нас на Среднем Урале есть несколько деревень, названия которых содержат этноним зыряне (*Зырянка*, *Зырянская* и другие). Есть ли среди них еще «лжезырянские» или все они связаны по происхождению с коми? На этот вопрос ответить очень трудно, тем более что самые последние новости неожиданно вновь усложнили картину. Контрольный просмотр топонимических материалов по Камышловскому району показал, что урочище *Лагмас*, с которого начались наши приключения, находится недалеко от деревни *Устьянка*. Сперва на это название мы не обратили внимания, но теперь после «командировки» на Север мимо

него нельзя было пройти, сравнителька: *Устья* — *лагмас* (Архангельская область), *Устьянка* — *Лагмас* (Свердловская область).

Да, здесь было над чем поразмыслить. Может быть, эти параллели — еще одно доказательство правильности нашей последней версии, да еще с весьма существенным уточнением, что «лжезыряне» переселились на Урал именно с Устья. А может, если название деревни *Зыряны* никак не связано с *Устьянкой* и *Лагмасом*, во что, впрочем, трудно поверить, придется «оправдать» камышловских «лжезырян» и сделать их с коми. Так или иначе «дело о лжезырянах» оказалось очень сложным и заставило нас изучить целый комплекс вопросов топонимики, этнонимики и истории. В конце концов, теперь уж не так важно, кто были камышловские зыряне — коми или не коми. Главное, что в трудной книге топонимики прочитано несколько новых строк об исторических связях Урала и Севера.

Расследование будет продолжено...





Царь флюоритов

Эта огромная цвета морской волны глыба — всего лишь один кристалл флюорита. Его вес — 330 килограммов!

Гигант лежал на берегу таежной реки.

Обычно флюориты встречаются в виде зернистой массы, состоящей из мелких кристаллов величиной в несколько миллиметров. Они используются в оптике, а также металлургами для удаления из плавки вредных примесей.

Этот кристалл, ставший экспонатом одного из ленинградских музеев, по весу и чистоте цвета превосходит все когда-либо добытые кристаллы флюорита.

Замороженная жизнь

Во льдах нередко находят живых земноводных — сибирских углозубов. Сколько лет они способны сохраняться в замороженном состоянии? Ученые считали, что не больше тридцати. Так ли это?

В институте геохимии и физики минералов Академии наук Украинской ССР провели интересное исследование. Ученые решили установить абсолютный возраст углозуба, найденного летом 1972 года на 11-метровой глубине в вечной мерзлоте. После оттаивания этот углозуб прожил полгода.

С помощью радиоуглеродного метода было установлено, что найденному углозубу 90 (± 15) лет.

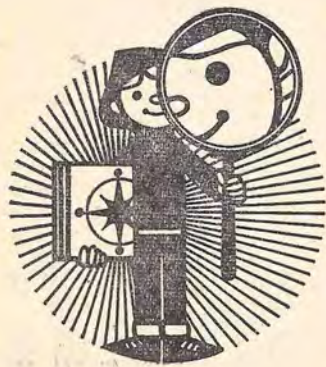
Энергетический кризис и солнце

Наступающий — или уже наступивший? — энергетический кризис станет, безусловно, мощным стимулом поисков новых источников энергии. И в этой связи ученые, конечно, вновь обратят свои взоры на солнце.

Вообще-то люди уже научились пользоваться энергией дневного светила. Надежно функционируют на космических кораблях и искусственных спутниках солнечные батареи, которые вырабатывают электрическую энергию. В засушливых южных странах применяются солнечные помпы, качающие из земли воду. Во Франции построены дома, которые отапливаются только солнцем.

Гелиоустановки находят широкое применение в теплых южных краях. Они — с зеркалами и линзами, как правило, сложны и дороги. Но простую, самодельную гелиоустановку может иметь любой дачник или владелец сада-огорода.

Застекленный ящик с черным дном наклонить к солнцу — вот и вся «котельная». А если этот ящик начинить коллектором из труб да проложить под дном изоляцию, то такая «теплоцентраль» обеспечит горячей водой всю семью.



МИР

НА ЛАДОНИ

Морские метрополитены

Недавно, как известно, между Англией и Францией было подписано соглашение о сооружении тоннеля под Ла-Маншем. Утвержден проект его. Уже начались строительные работы. Это, конечно, будет стройка века.

А в Японии морской тоннель между островами Хонсю и Хоккайдо строится давно, уже 10 лет, он — 54 км длиною и 9,6 м в диаметре. И это — грандиозная стройка. Тоннель прокладывается под дном пролива на глубине 100 метров.

Началось строительство автодорожного путепровода под Морским каналом в Ленинграде. Работы здесь ведутся не как при сооружении метро, а весьма оригинальным методом. Земснаряд пророев поперек канала траншею глубиной в 10 метров. В нее сверху будут уложены прямоугольные железобетонные секции — части тоннеля. Во время строительства по каналу не прекратится судоходство.

Тоннель под Морским каналом будет просторным — 14 метров в ширину.

Единственный на Урале

В окрестностях города Сатки Челябинской области есть единственное на Урале высокогорное озеро Зюраткуль. Расположено оно на высоте около тысячи метров, между гор, поросших хвойным лесом. Словно в колыбели, лежит озеро среди пяти высоких гор — Уреньги, Зюраткуля, Маскала, Лукаша и Нургуша.

Зюраткуль — озеро проточное. В него впадают двадцать девять мелких речек, вытекает из озера одна — Сатка.

Густой лес, богатая флора

и фауна, большая вода, умеренный климат — все это привело наших предков на озеро Зюраткуль. Здесь, на Каменном Мысу и на Долгом Ельнике, они основали стойбища. Недавно археологическая экспедиция Академии наук СССР провела раскопки в этих местах и обнаружила много орудий труда каменного века.

Учитывая природную значимость и археологическую научную ценность этих мест, озеро Зюраткуль объявлено памятником природы и археологии.

Железная метка

Исследования в области медицины и биологии становятся с каждым годом все более тонкими, ювелирными — микроскопическими, одним словом. Но можно ли, например, найти одну-единственную белковую молекулу в живой клетке? Оказывается, можно, хотя молекула в клетке — все равно, что иголка в стоге сена.

Для того, чтобы пометить молекулы, используют атомы железа. Тяжелый атом железа хорошо отражает катодные лучи электронного микроскопа. Там, где белок помечен железной меткой, возникает резкая тень. Это помогает изучать поведение белковой молекулы в различных структурах клетки.

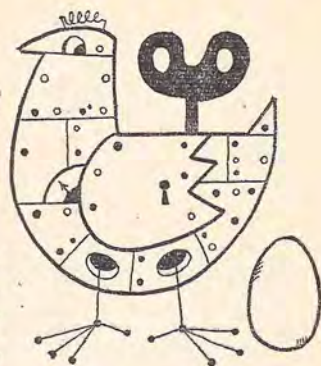
Всмятку не сvariшь

Ученые многих стран занимаются важной научной проблемой — синтезированием продуктов питания. Получены весьма обнадеживающие результаты.

Тот, кто отведал синтетической кетовой икры, считает — есть можно. Но какое-то подсознательное чувство мешает признать высокие вкусовые качества необычного, искусственного, продукта. Зато тот, кто никогда не пробовал настоящей кетовой икры, от синтетической — в восторге.

В США в магазинах продаются синтетические яйца. Их белок сделан из сои, желток — из растительного масла, молока, минеральных солей, скорлупа — из целлюлозы, которая, кстати, надолго предохраняет яйца от порчи.

Синтетические яйца в диетическом отношении даже лучше куриных — витаминизированы, без холестерина. По внешнему виду



они — копия куриных. Это сделано в интересах покупателей, привыкших к обычным яйцам.

В общем, синтетические яйца всем хороши, только вот всмятку их не сvariшь.

В Японии научились делать сахар из... кожуры мандаринов.

Горький гесперидин кожуры превращается в сладкий, добавляется фермент, виноградный сахар — и новый продукт готов. Он слаще обычного сахара в сто раз!

Арбузы

на берегах Невы

По свидетельству австрийского дипломата С. Герборштейна, находившегося в начале XVI века при дворе великого князя Василия Иоанновича, московские огородники выращивали замечательные дыни.

А в XIX веке на шестьсот верст севернее, в окрестностях Петербурга, у русского огородника-чудодея Ефима Андреевича Грачева вызревали и дыни, и арбузы. Самоучка-селекционер, сын крепостного, был удостоен звания члена Парижской академии сельского хозяйства, промышленности и торговли.

Из клетки в лес

Многие зоопарки мира получают редких животных не из джунглей или саванн, а из других таких же зоопарков. Бывает даже, что исчезающих животных из зоопарков завозят в саванну, в леса и степи.

Особенно знаменит в этом отношении Берлинский зоопарк — один из лучших в мире. За 20 лет в столице ГДР родились 60 тигров, 53 льва, 72 леопарда и много других редких животных.

Родиной редких животных стал и Ленинградский зоопарк. Здесь давно живет уникальная супружеская чета жирафов — Джульетта и Мальчик. Уроженка Африки, Джульетта уже девять раз давала потомство в суровом северном краю.



Бриллиантовые росы

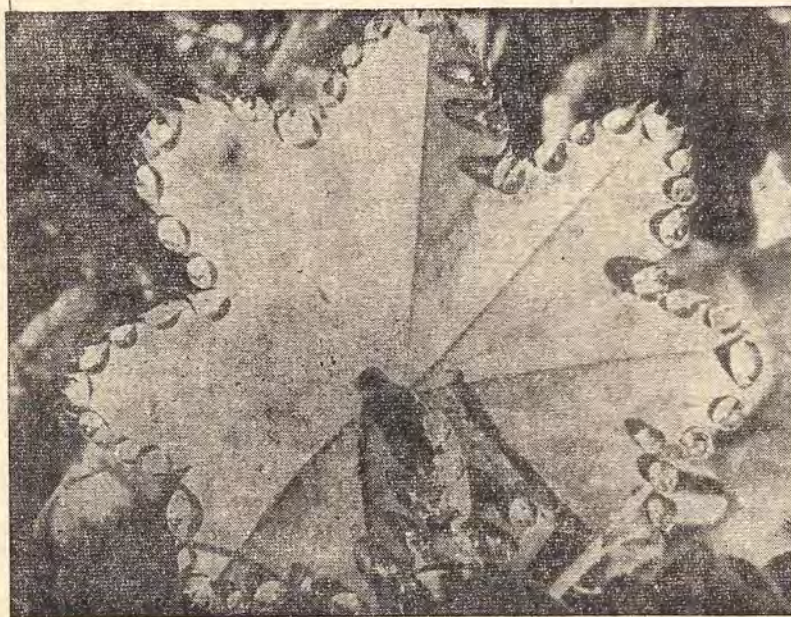
Осень наступает. По утрум выпадает обильная роса. Удивительно красивая и на листьях и на паутине.

Вот листик, украшенный бусинками росы. Они расположены строго симметрично. А нити паутины напоминают нити жемчуга. Травинка в росе — необыкновенный перстень...

Всюду сверкают в лучах утреннего солнца бриллианты.

Бежан ЦИМАКУРИДЗЕ

Фото автора



Монета-верига

При Петре I была отчеканена монета весом в четыре килограмма, но отнюдь не для обращения, а для... ношения. Такую монету — символические 30 сребреников Иуды — царь приказал изготовить, когда узнал про измену гетмана Мазепы. По велению Петра Мазепа должен был носить эту монету с надписью, карающей его как Иуду до конца дней своих на шее в виде вериг. И лишь скоропостижная смерть изменника спасла его от царского наказания.



Уха с неба

Нет-нет да и случаются чудеса: то выпадет... красный снег, то в грозу прольется дождь... серебряных монет...

Объясняется все просто: циклон или смерч поднимет где-то красный лёсс, а то и горшок с кладом, перенесет за многие километры и вернет затем на землю как чудо.

Недавно такой любопытный случай произошел в Австралии. Циклон «Пан» разбушевался в Тасмановом море так, что поднял в поднебесье столб воды вместе с... косяком тихоокеанского лобана.

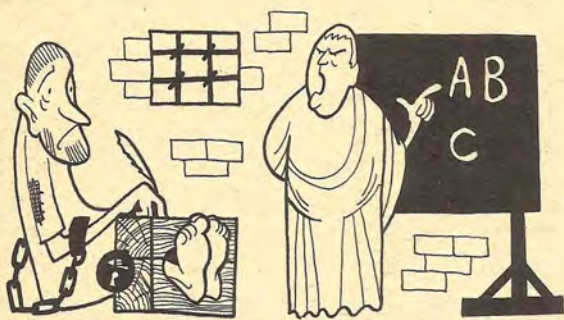
Наутро житель города Лисмора, что на восточном побережье материка, А. Портер собрал на крыше своего дома и во дворе богатый улов — 150 рыбин.

Вокруг Австралии нередко бушуют циклоны, и там чаще, чем в других местах, выпадают «рыбные дожди»: за 70 лет зарегистрировано 42 таких дождя.



Фальшивомонетчики — невежды

В кладе, найденном летом 1967 года в Джевиче-Новом (Варшавское воеводство), оказались фальшивые монеты! Семнадцать столетий назад безграмотные мошенники точно копировали на монетах портреты римских императоров, но, считая надписи декоративным элементом, воспроизводили их без всякого смысла.



Эти собаки!..

Тореадор Хосе Фамиланоса из Малаги потерял славу неустраслимого бойца. Это произошло после того, как полицейский помог ему спуститься с дерева, на котором прославленного тореадора загнала злая собака.



Кот — космонавт

Имя этого кота — Феликс. Тренировался он вместе с пятнадцатью своими товарищами. Они привыкли к ускорению, много дней провели в барокамере, дышали различными кислородными смесями. Шесть электродов, размещенных у каждого на теле, фиксировали их нервную реакцию. Не все коты с честью выдержали испытание. Больше половины выбыло из списка претендентов только потому, что слишком много ели... Наконец, остался лишь один кот — Феликс. Он и стал первым французским космическим путешественником.



История с географией

У моего Вовки появились двойки по географии. Дома скандал. Жена в истерике. А тут как раз ко мне друг приехал. Кандидат географических наук. Я скорей к нему со своим горем.

— Выручай!

— Можно, — согласился друг. Вызвали Вовку. — Скажи-ка, Володя, чем славен город Днепропетровск?

Вовка ответил.

— Правильно, — кивнул мой друг. — А что мы имеем в Армении?

— Арарат.

— А в Красноярске?

— Енисей.

— Так... Что ты знаешь про Кемерово?

— В Кемерово? Кузбасс.

— Та-ак... Чем славится Баку?

— Баку? Нефть!

— Верно. По-русски значит нефть. А что ты мне скажешь о Латвии?

— Даугава.

Друг повернулся ко мне:

— У парня прекрасные знания!

— Еще спроси, — настоял я.

— Чем знаменит Николаев?

— Судостроитель! — быстро отпартовал Вовка.

— В точку! Правда, лучше было бы сказать: «Николаев — город судостроителей». Ну, ладно. А что ты знаешь о Свердловске?

— Уралмаш.

— В Молдавии?

— Нистру! — выпалил Вовка.

Такого я от Вовки не ожидал. Знать, как Днестр называется по-молдавски! Это же здорово!

— Иду к учителю! С такими знаниями — Вовка первый кандидат в университет. На геофак.

— Подожди радоваться, — задумавшись, остановил меня друг. — Кажется, ему не зря двойки ставят... На какой реке, Вовка, построен Ленинград?

— Ленинград? Зенит, конечно!..

Владимир ЧАЙКОВСКИЙ

Перевел с украинского
Станислав АФАНАСЬЕВ



Многих читателей интересует, что они найдут в будущем году на страницах нашего журнала. В этом и очередных номерах мы вкратце расскажем о некоторых публикациях.

...Тяжелая стальная сигара выскользнула из тесного тоннеля торпедного аппарата и, легко пронзая холодную толщу воды, помчалась вперед, в темноту.

Всего несколько секунд понадобилось торпеде, чтобы настичь цель. На полной скорости врезалась она в борт парохода...

Это произошло во время Великой Отечественной войны.

Наш пароход «Зея» направлялся из Портланда (США) во Владивосток. Сорок советских моряков сопровождали ценный груз, стояли изнурительные вахты у машин и приборов.

Но вражеская подводная лодка атаковала пароход, пустила его на дно океана. И только нескольким морякам удалось спастись.

Много дней без пищи и воды провели эти люди в океане, течения и ветры носили шлюпку, надежды сменялись отчаянием. В этой критической ситуации — один на один с надвигающейся смертью — раскрылись характеры моряков, их мужество, готовность к самопожертвованию во имя дружбы, стойкость. И подлая никчемность одного из них...

Повесть дальневосточного писателя Льва Князева «ПОСЛЕДНЯЯ КАПЛЯ» написана на фактическом материале.

...Близ Перми на крутом берегу полноводной Камы растет старинное поселение. Со всего Прикамья и Предуралья сюда съезжают памятники древней русской деревянной архитектуры.

Из села Торговице в Кижии на Каме доставлена сторожевая башня, которая в свое время выдержала осаду войск Пугачева. Колокольня со звонницей прибыла из села Сыра. В музейной деревне появятся и водяная мельница, и курные избы, и дворы с амбарами, конюшнями, погребями, банями. В первоизданном виде будут представлены гумно, овин, а также бадьи, лубяные короба, прялки, цепы...

О том, как создаются «КАМСКИЕ КИЖИ», вы сможете прочитать в краеведческой заметке Леонида Баландина.

...Летом 1743 года мезенский купец Еремей Окладников промышлял у берегов Шпицбергена китов и моржей. Вдруг погода испортилась, судно затерло льдами...

Еремей Окладников послал на остров Малый Брун четверых мужиков — слышал он, что там зимовье стоит, не переждать ли непогоду в нем!

Погода между тем опять изменилась — льды отступили, подул попутный ветер, и Окладников взял курс на Мезень.

Так четверо поморов остались на необитаемом холодном острове.

О приключениях русских Робинзонов рассказывает журналист из Баренцбурга [Шпицберген] Николай Зайцев.



ПРОСИМ ЧИТАТЕЛЕЙ ИМЕТЬ В ВИДУ, ЧТО В РОЗНИЧНУЮ ПРОДАЖУ НАШ ЖУРНАЛ ПОЧТИ НЕ ПОСТУПАЕТ. СОВЕДУЕМ СВОЕВРЕМЕННО ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ. ПОДПИСКА НА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ПРИНИМАЕТСЯ ПОВСЕМЕСТНО И БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — 3 РУБ. 60 КОП. НАШ ИНДЕКС В КАТАЛОГЕ «СОЮЗПЕЧАТИ» — 73413.